

ЛЕТОПИСЬ КАРТЛИ

Перевод, введение и примечания

Г. В. ЦУЛАЯ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВВЕДЕНИЕ

«Летопись Картли» является частью известного свода средневековых грузинских летописей «Картлис цховреба»[1]. Очевидно, еще первые составители свода[2] (не позже XII в.) включили в него этот памятник грузинского летописания.

«Летопись Картли» начинается с рассказа о погибших в борьбе с арабами наследниках «царя картлийского Арчила (VIII в.), на которых безымянный автор проецирует взаимоотношения Картли с хазарами. Историк говорит об этом предельно лаконично, но видно, что он вполне реально представлял себе сложность и противоречивость указанных взаимоотношений, имевших место за три века до него. Затем столь же кратко повествует аноним о росте военной экспансии арабов и ослаблении персов, которых он именуется по названию династии Хосроидов, в чем, очевидно, проявилась его зависимость от исторической традиции древней Грузии.

Завоевание арабами Закавказья в середине VII в. окончательно довершило падение в Картли древнегрузинской династии Фарнавазианов. В описании обострившейся в этой связи феодальной усобицы автор «Летописи Картли» проводит идею родства и преемственности современных ему Багратидов, апологетом которых он является, с древнегрузинской династией. И этот, составленный в стиле устных традиций рассказ, как выясняется, вполне вписывается в историческую реальность.

Содержание текста «Летописи Картли» показывает, что ее автор находился в гуще современных ему исторических событий, являлся их активным участником и был, как и многие передовые люди его времени, горячим поборником объединения Грузии в единое государство. Центробежные силы пока еще не были до конца преодолены, борьба против них не всегда бывала успешной. Прогрессивным деятелям, естественно, подчас было трудно разобраться в злободневных общественных проблемах, их неяс-

ном и противоречивом характере. Но они в общем находили правильный путь для своей практической деятельности и в соответствии с этим давали оценку происходившим событиям и главным действующим лицам эпохи.

«Летопись Картли» написана простым, ясным и деловым языком, свободным от замысловатой риторики, столь характерной для средневекового летописания; при описании событий и характеристике героев автор не злоупотребляет метафорической фразеологией и мифологическими образами, чем так увлеклись последующие летописцы, жившие в пору расцвета грузинской феодальной монархии в XII – XIII вв. («Жизнеописание царя царей Давида», произведения историков царицы Тамар и др.).

«ЛЕТОПИСЬ КАРТЛИ» И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ГРУЗИИ

Основную тему своего произведения – историю политического объединения Грузии – автор «Летописи Картли» начинает с повествования об объявлении в конце VIII в. владельцем Абхазского княжества Леоном II с помощью хазар независимости от Византии и возникновении под его главенством Абхазского царства[3].

Вторым по значению событием после образования Абхазского царства на раннем этапе объединительного процесса Грузии автор летописи считает возвышение в Юго-Западной Грузии Тао-Кларджетского княжества во главе со скрывавшимся от преследований арабов картлийским эриставом Адарнасе потомком владетельного князя (мтавара) Стефаноза I, в роду которых никогда не угасала идея независимости Картлийского государства. Начало расцвета Тао-Кларджети автор связывает с именем сына Адарнасе Ашота. В связи с культурным и политическим ростом названной части исторической Грузии в «Летописи Картли» не забыто и о выдвижении княжества Кахети. Это наиболее раннее сведение о данном этно-политическом образовании, игравшем видную роль в событиях не только своего региона, но и за его пределами.

Вот все те три основные этно-политические единицы исторической Грузии, владельцы которых, движимые легитимными претензиями, вели отчаянную междоусобную борьбу, лишь через полтора века завершившуюся образованием политически объединенного феодального Грузинского царства.

Автор «Летописи Картли» хорошо представляет реальную расстановку сил, отводя таким политическим образованиям, как Эрети и Тбилисский эмират, если не второстепенное, то, безусловно, подчиненное место в описываемых им событиях. Политический вес эмирата и Эрети во многом зависел от привлечения их в качестве союзников основными противоборствующими феодальными владельцами.

Главным объектом борьбы в IX – X вв. была Картли. Она представляла собой стратегически и экономически важную область, и тот, кто завладевал ею, мог рассчитывать на значительные преимущества не только в собственно Грузии, но и в значительной части всего закавказского региона[4]. Когда с IX в. в эту, по определению автора летописи, «борьбу из-за Картли» активно включились армянские правители, она приняла общекавказские

масштабы. «Летопись Картли» посвящена описанию преимущественно этого процесса, проходившего в сложной внутренней и международной обстановке.

Начав историю объединения грузинских земель с образования Абхазского царства, автор «Летописи Картли» не оставляет сомнения в том, что в данном акте необходимо видеть объединение западногрузинских земель. Это был один из этапов консолидации картвельских племен. Данное обстоятельство способствовало тому, что Абхазское царство с момента своего возникновения долго оставалось главной силой в движении, приведшем к объединению отдельных грузинских этно-политических единиц в единое феодальное государство[5] и поэтому в определенный период даже находилось в авангарде борьбы за политическую гегемонию в Закавказье. В конце IX – первой половине X вв. оно достигло своего расцвета. Энергичный Георгий II (ум. 957) усилил контроль над Картли, сделав своего старшего сына Константина ее эриставом, а свою дочь Гурандухт выдал замуж за правителя северной части Тао (в Юго-Западной Грузии) Гургена; именно от этого брака и родился будущий первый царь объединенной Грузии Баграт III. Одновременно с активизацией фамильных связей с правителями Юго-Западной Грузии. Георгий II распространяет свое влияние и на Северный Кавказ; его деятельность получает признание и в международных отношениях того времени и т. д. В период правления его ближайших преемников в Абхазском царстве наступил династический кризис. Георгий II, предвидя распри между своими сыновьями, двух из них – Феодосия и Баграта – отправил в Византию. Однако уже в период правления Деметрэ III (967 – 975) оппозиционно к нему настроенная часть феодалов призвала из Константинополя Феодосия. В затянувшейся борьбе Деметрэ одержал верх: он обманным путем схватил Феодосия и по византийскому обычаю ослепил брата. После смерти Деметрэ враги его сумели взять реванш: они посадили на престол Абхазского царства слепого Феодосия и тем самым фактически освободились от жесткой регламентации со стороны центральной власти. Это обстоятельство усугубило феодальный партикуляризм и политический разброд в масштабах всей Грузии и поставило часть местной общественности, заинтересованную в централизации власти, перед необходимостью принять решительные меры.

Описания событий данного времени в «Летописи Картли» легли в основу современной концепции истории формирования единого Грузинского феодального государства. Отправным моментом этой концепции, впервые сформулированной И. А. Джавахишвили[6], является рассказ о том, как в 975 г. сторонник единой державной власти картлийский эристав Иоанн Марушис-дзе, по-

лучивший этот сан из рук правителя Абхазского царства, обратился к «великому царю Давиду куропалату» (ум. 1001) с предложением, или присоединить Картли к своим владениям, или пожаловать ее своему воспитаннику Баграту – сыну правителя северной части Тао Гургена и дочери царя абхазов Георгия Гурандухт. Таким образом, возникла возможность, объединения Грузии, в ходе которого воссоединение Картли и Тао-Кларджети объективно становилось начальным этапом данного процесса.

Против Иоанна Марушис-дзе выступили – и довольно успешно – владельцы Кахетского княжества, имевшие собственные виды на Картли. В возникшей схватке Иоанну Марушис-дзе удалось отстоять лишь центр Картли Уплисцихе, которую он отдал Давиду куропалату, а этот, в свою очередь, передал ее Баграту. Давид созвал картлийских вельмож-азнауров, которых он обязал подчиниться Баграту как наследнику Тао, Картли и Абхазии[7]. Именно таким образом, согласно «Летописи Картли», и основанной на ее данных концепции И. А. Джавахишвили, произошло воцарение в Картли Баграта – первого государя объединенной Грузии,

Эта концепция подверглась обстоятельной критике со стороны Г. А. Меликишвили. Он отрицает установленную в грузинской историографии, с его точки зрения, преувеличенную оценку Тао-Кларджети в исторических событиях периода объединительного движения в Грузии в IX – X вв. Г. А. Меликишвили считает, что это мнение грузинских историков связано с недостаточной разработанностью истории социально-экономического развития отдельных этно-политических областей средневековой Грузии, нивелировкой их общественного уклада и, прежде всего Абхазского царства, Картли и Тао-Кларджети[8].

Согласно Г. А. Меликишвили, процесс образования грузинской феодальной монархии в IX – X вв. проходил не по инициативе Тао-Кларджети, а в соответствии с планами правителей Абхазского царства. Данному обстоятельству, подчеркивает Г. А. Меликишвили, способствовали прежде всего различные уровни социально-экономического развития указанных этно-политических образований на территории Грузии.

В сравнении с развитыми областями Восточной Грузии низменные районы Колхиды, ввиду ряда внешних и внутренних причин, в социально-экономическом отношении стояли на значительно более низком уровне. Это отставание усугублялось разорением равнинных областей Колхиды в период римско-пантийских войн (I в. до н. э.). В результате еще в первые века нашей эры племена горной Колхиды получили почти неограниченные возможности для набегов по всей территории Восточного Причерноморья. Потеснив местное население, горцы установили над

ним гегемонию, начался процесс варваризации социально более развитых, но экономически уже разорившихся и переживших политический кризис равнинных областей. Эти племена омолодили колхское общество, укрепили прослойку местных свободных общинников, а аборигенное население в свою очередь подняло пришельцев до уровня раннеклассового общества[9].

Известно, что «господство над покоренными несовместимо с родовым строем»[10]. И действительно, уже на рубеже I – II вв. на территории Колхиды, вдоль всего восточного Причерноморья одно за другим возникают раннегосударственные образования во главе с правителями местного происхождения (царство Лазика, полугосударства абазгов и апсиллов). В условиях низкого социально-экономического уровня эволюция названных этно-политических образований была задержана под воздействием внешних факторов, в частности, длительных войн между Ираном и Византией в VI – VII вв. Когда эти государства пришли к взаимному ослаблению и затем были подвергнуты опустошительному разорению арабами, на политическую арену Закавказья выступило Абхазское царство, образование которого, судя по «Летописи Картли», произошло весьма стремительно[11].

Г. А. Меликишвили указывает, что в отличие от Картли и Тао-Кларджети, где феодальные отношения были достаточно развиты, а местные феодалы вели ослаблявшие центральную власть междоусобицы, сравнительная недифференцированность социальной организации Абхазского царства была основой его политической силы. Здесь пока еще не было крупного землевладения, а представители господствующей прослойки находились непосредственно на царской службе. Поэтому Абхазское царство, по существу, не знало внутренних центробежных процессов, раздиравших Картли и Тао-Кларджети. Это обстоятельство и явилось залогом монолитности, политической целостности Абхазского царства и дало ему возможность стать гегемоном в объединительном движении в масштабах всей Грузии в IX – X вв.[12].

Г. А. Меликишвили утверждает, что характер взаимоотношений между Византией и Тао-Кларджети вызывает сомнения относительно самостоятельной роли последней в ходе объединительного движения в Грузии[13]. Тао-Кларджетское княжество «фактически было креатурой Византии и возникло под ее покровительством» и, наоборот, образование Абхазского царства (т. е. процесс объединения Западной Грузии) было актом, направленным против Византии и по существу являлось отторжением от нее[14].

Вместе с тем, несмотря на такую, казалось бы, независимость в силу правителей Западной Грузии, нельзя не заметить, что автор

«Летописи Картли» постоянно подчеркивает их привязанность к правителям Тао-Кларджети и ведущую роль последних.

О возникновении Тао-Кларджетского княжества («Картвельское царство») Сумбат Давитис-дзе пишет следующее: Ашот «обосновался там (в Артанудже – Г. Ц.) и ниспослал господь ему победы, и сделал его государем в Шавшет-Кларджети. И дал господь и утвердил царствование его по воле греческого (византийского) царя»[15]. Из приведенного текста исследователи обычно выделяют указание на «волю греческого царя» и оставляют без внимания слова о «ниспослании» Ашоту побед «по всевышнему промыслу». Но если перенести эту сакральную часть сведения на историческую реальность, воссоздаваемую первоисточниками, то она вполне вписывается в общий смысл сообщения. По свидетельству Сумбата Давитис-дзе, Ашот ведет в Тао-Кларджети довольно успешную вооруженную борьбу против господствовавших в Восточной Грузии арабов; еще более успешно проводит он мероприятия по обновлению своего обширного края: возрождает древнегрузинский город Артануджи и делает его своей резиденцией; организует культурные очаги (монастыри, церкви и т. д.). Судя по сведениям источников, он удачно использует международную обстановку[16]. Словом, правитель Тао-Кларджети добивается того, что данную ему императором номинальную власть он, явно вопреки планам своего сюзерена, постепенно наполняет реальным содержанием. Г. А. Меликишвили выражает сомнение относительно реальности присвоенных картлийским эриставом Иоанном Марушис-дзе прав самолично распоряжаться данным ему в управление владением[17]. Но описанный в «Летописи Картли» случай, как факт проявления тенденции картлийских эриставов-наместников к партикуляризму, не был единичным. Иоанн Марушис-дзе имел несколько прецедентов, в том числе и пример Константина, выступившего против своего могущественного отца[18]. Стремление к автономии в Картли со временем должно было развиваться, а в период правления в Абхазском царстве слепого Феодосия этот «партикуляризм» принял принципиально иные качества. Иоанн Марушис-дзе, как мы уже говорили и, как это хорошо известно, выступал не за автономию Картли, а за воссоединение ее с остальными грузинскими землями, о чем в источнике сказано довольно ясно. Другое дело, что автор летописи недостаточно обстоятельно обрисовал ситуацию в Картли того времени, составив лишь схему сложившейся обстановки.

Г. А. Меликишвили подчеркивает, что условия феодальной дифференциации Тао-Кларджети, равно как и зависимость от иноземной державы, лишали ее значения ведущей силы в процессе политического объединения Грузии IX – XI вв.

Действительно, вассальную зависимость Тао-Кларджети («Царства Картвельского») от Византии отрицать не приходится[19]. Но, как известно, при многообразии своих форм вассалитет не обязательно предполагает безоговорочного и абсолютного подчинения сюзерену. В отношении Грузии, и, в частности, Тао-Кларджети это особенно можно проследить, например, по византийским источникам. Так, одним из условий «благорасположения» византийских императоров к правителям Тао-Кларджети было воздержание последних от попыток переступить через свои рубежи с целью проводить самостоятельный внешнеполитический курс[20]. В данном случае правители Тао-Кларджети предупреждали в том, чего не без оснований ждали от них византийские императоры. Важная роль Тао-Кларджети заключалась в том, что именно в нем в сложный период господства арабов и борьбы против них были сохранены и получили дальнейшее развитие этническая самобытность и культура населения древней Грузии. В процессе этого развития (IX – XI вв.) в Тао-Кларджети были созданы политическая традиция, материальные и духовные ценности, которые в дальнейшем (XII – XIII вв.) легли в основу грузинской государственности с центром в Тбилиси.

*

Ведущая роль восточногрузинского («картвельского») элемента в объединительном движении грузинских племен IX – XI вв. была вполне закономерной и своими корнями уходила в отдаленные от этого периода времена.

Уже на рубеже нашей эры активная интеграция картвельских (грузинских) племен насчитывала не одно столетие[21]. Особенности внутреннего развития и ряд внешних факторов стали причиной того, что картвельские племена консолидировались вокруг Картли-Иберии и Лазики-Эгриси (соответственно Восточная и Западная Грузия). Превращение христианства в господствующую религию в течение IV – VI вв. свидетельствовало о новом этапе процесса консолидации единой древнегрузинской народности и открывало этому процессу новые перспективы. Вместе с тем известно, что ведущее место в нем принадлежало Восточной Грузии. Об этом свидетельствует не только зафиксированная в КЦ историческая традиция – об этом говорят и иноземные источники. Однако окончательное сближение двух названных объединений грузинских племен было задержано в значительной степени из-за внешних причин (вооруженное вмешательство Ирана, Византии и др.). Установление в Закавказье в VII – VIII вв. арабского господства задержало дальнейшее развитие грузинской народности. Окончательное утверждение арабов в Картли было оформлено образованием здесь эмирата с центром в Тбилиси, и с этого периода начался процесс культурной «денационализации» основного ядра древнегрузинской народности. Но на данном этапе борьба за независимость грузинских земель, объективно приводившая к их объединению, переместилась в Южную Грузию, в Тао-Кларджети. То обстоятельство, что Тао-Кларджетское княжество как политическая единица было создано «с благословения» константинопольского двора, не исключало обострения традиционной враждебности византийцев к грузинам, рассматривавших последних (наряду с другими православными народами) как объект ромеизации. Наоборот, их территориальная близость и стремление византийских политиков и духовенства к подчинению окружающих империю стран и народов к безоговорочной гегемонии над ними обостряли эту враждебность. В период ослабления арабского господства в Закавказье (VIII – IX вв.) началась новая эпоха борьбы грузин против великой державы за собственную этническую самобытность[22]. На этот раз грузины вели борьбу, наученные опытом сопротивления персидско-арабской экспансии в предшествующий период. В дошедших до нас

литературных памятниках, таких, как «Мученичество Шушаник» (V в.), «Мученичество Евстафия Мцхетского» (VI в.), «Мученичество Або Тбилисского» (VIII в.) и др. приведены яркие свидетельства о характере и движущих силах освободительной борьбы грузин против иноземного засилья. Высокий уровень этнической консолидации, которого грузины достигли в раннем средневековье, создание письменной литературы различных жанров и т. д. [23] свидетельствовали о высоком общественном развитии и политической жизнеспособности грузинской народности после ликвидации персами в Картли государственности (VI в.) и накануне арабского нашествия (середина VII в.).

Грузины, как и все народы, исторически примыкавшие к византийскому культурному миру (армяне, болгары, русские и др.), брали из культурного арсенала Византии лишь в меру нужд их самобытного развития. Такой отбор объективно был направлен прежде всего против стремления византийцев к гегемонии во всех сферах духовного развития христианских народов. В итоге происходил процесс непрерывного интеллектуального сопротивления, успех его способствовал и во многом предрешал исход борьбы против того политического деспотизма, который характеризовал Византию в течение всей ее тысячелетней истории, особенно в отношении малых стран и народов, а культурное развитие последних становилось часто единственным средством сохранения и этнической их самобытности, и в значительной мере политической независимости. Естественно, в сложившихся условиях менялась специфика борьбы: если, прежде (против персов и арабов) она проходила под девизом защиты христианства, то отныне борьба велась за отвоевание самостоятельного места и равные с византийцами права в христианском мире в соответствии с «апостольскими учениями».

Уже один тот факт, что византийцы отказывали грузинам в праве излагать и толковать на своем языке «божественные писания», свидетельствовал о реальности острого соперничества грузин с византийцами на восточной окраине православного мира. Это обстоятельство приводило нередко, а в описанные в «Летописи Картли» периоды в особенности, к существенным изменениям процесса этнической эволюции и культурного развития в смежных с Византией восточных областях именно благодаря культурной гегемонии Тао-Кларджети в этом регионе средневекового мира[24].

В Тао-Кларджети сконцентрировались все общественно-политические и культурные силы Восточной Грузии. Здесь укреплялась та духовная основа феодальной грузинской народности, которая была заложена еще в середине I тыс. н. э. Именно здесь, в

Тао-Кларджети в IX – X вв. окончательно оформилась идея единства грузинской народности, основанная прежде всего на общности языка и духовной культуры. Здесь же эта идея вылилась в известную формулу: «Картлией считается обширная страна, именно (вся та), где на грузинском языке служат обедню и совершают всякую молитву»[25]. Это определение, уже давно ставшее предметом многочисленных комментариев, свидетельствует о том значении, какое имело для судеб объединения разрозненных картвельских племен историческая Картли, вокруг которой стягивались также различные этнографические группы неродственных грузинам кавказских племен и народов и традиции которой в полной мере были продолжены и развиты в Тао-Кларджети.

Методы борьбы грузин против византийцев в IX – XI вв. в основном укладывались в старые формы, испытанные в ходе сопротивления иноземному засилению в предшествующую эпоху. Поэтому не случайно, что именно у деятелей Тао-Кларджети в IX – XI вв. особенно обострился интерес к памятникам письменности раннего периода, связанных с освободительным движением против персов и арабов.

В период своего расцвета Тао-Кларджети дала мощный импульс грузинскому церковному колониационному движению далеко за пределами собственно Грузии. Из Тао-Кларджети в IX – X вв. грузинские монастырские колонии рассеялись в различных частях известного в ту пору культурного мира. Деятельность грузин на Синае, Черной горе (близ Антиохии), на Афоне, в Ерусалиме, Болгарии и т. д. была органически связана с культурной жизнью в самой Грузии и отражала реальную действительность не какой-либо одной ее части, а страны в целом. Все это является надежным свидетельством монолитности (мыслимой в условиях феодальной формации) грузинской народности того периода и, в конечном счете именно в Тао-Кларджети окончательно оформился термин «Сакартвело» (Грузия), «по смыслу означающий национально-культурную Грузию»[26].

Борьба грузин за культурную независимость (будь то против византийцев, арабов, персов и пр.) носила в конечном счете политический характер. В древнегрузинской литературе нет, пожалуй, ни одного памятника (где бы он ни был создан – собственно в Грузии или далеко за ее пределами), который не представлял бы собой повествования о борьбе за независимость и в котором не давались бы свидетельства о тех или конкретных ее результатах. Наиболее сконцентрировано идея общности грузинской феодальной народности и степени ее политической независимости представлена в «Гимне грузинскому языку», автор которого Иоанн-Зосим (X в.), – глава зарубежной монастырской колонии грузин

– принадлежал к культурным деятелям кларджетской школы[27]. Именно в Тао-Кларджети на рубеже IX – X вв. возникла легендарная генеалогия грузинских Багратидов, возводящая их к библейскому Давиду[28]. Библейская «родословная» грузинских Багратидов являлась своеобразной санкцией политических претензий правителей Тао-Кларджети, закрепившей за ними право представлять объединенную Грузию.

Правда, в сложной титулатуре грузинских монархов на первом месте стоял «царь абхазов», под которым подразумевалось население Западной Грузии в целом, а уж затем следовало: «царь картвелов», т. е. населения в целом Восточной Грузии. Кроме того, центром (столицей) Абхазского царства был город Кутатиси (совр. Кутаиси), в котором находилась резиденция правителя объединенной Грузии в течение более чем одного века. Отсюда они, опираясь на внутренние силы Абхазского царства, вели длительную и тяжелую борьбу за присоединение собственно Тао-Кларджети[29].

Не подлежит сомнению, что автор «Летописи Картли» (как и грузинская историческая традиция вообще) считал, что образование Абхазского царства (т. е. объединение Западной Грузии) было первым актом в ходе собирания грузинских земель в единое государство. Именно этим обстоятельством и определялось прежде всего, по мнению автора «Летописи Картли», значение Абхазского царства в истории формирования общегрузинского культурно-исторического единства, и в этом древнегрузинские летописцы не сомневались.

В том факте, что Кутатиси (Кутаиси) становится столицей Абхазского царства, мы видим не только закономерный итог внутреннего (экономического и политического) развития Западной Грузии; здесь, на наш взгляд, явственно прослеживается культурно-политическая тенденция всей истории объединения (консолидации) грузинских земель, «восточная» направленность этого процесса, реализовавшаяся в XI в. объединением Грузии, полное завершение которого следует связывать с ликвидацией Тбилисского эмирата и превращением города Тбилиси в столицу единой Грузии (1122 г.).

Политическое развитие Абхазского царства, естественно, не осталось вне этого культурного движения. Наоборот, стремление местных правителей подчинить своей гегемонии все остальные грузинские земли не только предопределяло – оно свидетельствовало о тенденции его культурного развития. Та решимость, с которой Леон II двинулся на восток, была закономерным явлением, подготовленным всем предыдущим ходом истории Абхазии. В период становления Тао-Кларджети, как об этом свидетельству-

ет такой безупречный источник, как известный труд Георгия Мерчуле (X в.) проявилось стремление именно культурных его деятелей углубить в Абхазском царстве основы общегрузинской культуры.

Сохранились литературные и эпиграфические памятники, которые свидетельствуют, что данный процесс проходил в русле выработанных в Тао-Кларджети норм. Еще на ранних этапах объединительного движения грузинских земель на территории собственно Абхазии эпиграфическими памятниками зафиксированы факты культурного строительства грузин[30], что могло проходить лишь исключительно в условиях общности политических и духовных интересов предков современных абхазов (в данном случае апсаров и родственных им племен) и грузин перед лицом общего неприятеля – Византийской империи. Кроме того, эти надписи, исполненные грузинским заглавным письмом (асомтаврული) по своему совершенству можно отнести к лучшим образцам древнегрузинских лапидарных памятников, что указывает на длительность традиции грузинской письменной культуры на территории собственно Абхазии.

Представителями именно Тао-Кларджети в борьбе против Византии в X – XI вв. особенно плодотворно были использованы также аргументы и такого вида источника, как древнегрузинская версия легенды о миссионерской деятельности апостола Андрея Первозванного среди скифов и соседних с ними народов[31]. Основная идея этой легенды – защита независимости (автокефалии) грузинской церкви от великодержавных притязаний византийского духовенства, а это, естественно, было существенной стороной общеполитического движения. И в этой острой в то время борьбе представители Тао-Кларджети выступили в авангарде общегрузинских интересов теперь уже в связи с Абхазией, под которой, как это свидетельствует сочинение известного грузинского писателя и ученого XI в. Ефрема Мцире, подразумевалась вся Западная Грузия (Абхазское царство)[32].

Автор «Летописи Картли» не идеализирует Давида куропалата и не завышает места Тао-Кларджети в процессе собирания грузинских земель[33]. В действительности видная роль Давида куропалата в истории не только Грузии, но и всего Кавказа, а также в смежных областях Малой Азии отмечена различными историками (Асохик, XI в., Аристахэс Ластивертци, XI в., Скилица, XI в. и др.), а не одним лишь автором «Летописи Картли». С именем Давида куропалата связывает важные начинания на поприще общегрузинской культуры такой достоверный автор, как Георгий Святогорец (Мтацминдели) (ум. 1028). Причастность к окружению Давида куропалата является в его глазах высшей аттестацией

того или иного грузинского деятеля[34]. Давид куропалат рисуется этим автором как государь, огромное политическое влияние которого учитывалось и в Византии. Симптоматично следующее обстоятельство. В начале правления Василия II (976 – 1025) против него вспыхнуло грозное восстание Варды Склира – одного из могущественных представителей малоазийской знати. Склир склонил на свою сторону почти всю Малую Азию и значительную часть вооруженных сил империи. Для подавления восстания имперские власти использовали все возможности[35]. Сохранился комплекс сведений, говорящих о критическом положении империи в период войны со Склиром, носившей сложный внутривосточный характер, что, между прочим, отразилось и на источниках, дающих о событиях этого времени порой противоречивые сведения. Важное значение для освещения этого периода истории имеют и сведения древнегрузинских авторов[36]. По словам Георгия Святогорца (Мтацминдели), в самом же начале мятежа Склира при дворе императора воскликнули: «Несть опричь Давида куропалата у нас пособника»[37]. В данном случае не важно, были ли произнесены именно эти слова. Главное здесь то, что современники Давида куропалата не без оснований относили его к тем деятелям, которые в описываемой в «Летописи Картли» ситуации оказались в гуще событий и были способны оказать на них значительное влияние. Такое отношение к Давиду куропалату было бы немислимо в отрыве от его значения как крупнейшего деятеля общегрузинского масштаба. Реальность этой оценки «одного из могущественных династов Закавказья»[38] может быть гарантирована хотя бы тем, что она была дана в кругу тех грузинских подвижников, которые оказали самоотверженное сопротивление византийским экспансионистам, и потому оценки их не только эмоциональны, но и близки к истине.

Отношения с Византийской империей, в каких бы дипломатических рамках они не проходили, всегда были чреваты вооруженными столкновениями. А для открытой борьбы с Византией сил в Тао-Кларджети было недостаточно. Однако культурному фактору в этом процессе суждено было сыграть не меньшую роль, чем победам на поле битвы. Недостаток вооруженных сил был компенсирован идейно-политическим и культурным содействием процессу объединения грузинских земель в единое царство, и в этой области Тао-Кларджети проявила себя в полной мере и сыграла решающую роль[39].

Грузинская культура – литература, историография, научная и философская мысль, строительное искусство – с самого начала своего возникновения была следствием систематизации установившегося этно-культурного самосознания грузинского этноса.

Хотя Грузия в рассматриваемое время делилась на отдельные этнографические области и различные политические образования, грузинская культура в силу внутренних (непрерывной этнической и политической консолидации) и внешних (необходимость общего противостояния постоянной угрозе извне) причин формировалась как органически единое целое. В этом отношении очень показательны, что сразу же после возникновения в исторической Картли грузинской письменности и литературного языка в их развитии еще в раннем средневековье начинают принимать активное участие все картвельские племена, и они в целом вносят в единую грузинскую культуру больший вклад, чем, собственно, картлийцы (в узком понимании данного этнонима[40]). Эта культурная интеграция не была только следствием создания грузинской письменности. Наоборот, сам факт возникновения грузинской письменности являлся одним из показателей процесса интеграции картвельских племен, истоки которого уходят вглубь веков.

Мы с полным правом можем утверждать, что культурное единство было не только одним из важнейших следствий консолидации грузинской народности, но и одним из главных факторов и одной из предпосылок создания единой грузинской государственности в феодальную эпоху (IX – XIII вв.).

[1] Картлис цховреба (История Грузии), т. I. Грузинский текст. Подготовил к изданию по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили, Тбилиси, 1955, с. 249 – 317 (далее: КЦ, I).

[2] Истории составления КЦ посвящена обширная литература (И. А. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература (V – XVIII вв.). – Сочинения, т. VIII, Тбилиси, 1977, с. 307 – 315, на груз. яз.; К. Г. Григолиа. Ахали Картлис цховреба (Новая история Грузии), Тбилиси, 1954, на груз. яз.; С. Г. Каухчишвили. Введение к указанному изданию, с. 07 – 054; Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, с. 28 и др.; Р. К. Кикнадзе. Парсадан Горгиджанидзе и «Картлис цховреба», Тбилиси, 1980, с. 25 – 50).

[3] См. С. Н. Джанашиа. О времени и условиях образования Абхазского царства. – В кн.: С. Н. Джанашиа. Труды, т. II, Тбилиси, 1952; З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, Сухуми, 1959; Ср. Л. И. Лавров. Историко-этнографические очерки Кавказа, Л., 1978, с. 75 и сл.; Ш. А. Бадридзе. О времени и условиях возникновения Абхазского царства. – Труды Тбилисского государственного ун-та, В. 4 (143), 1972.

[4] И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, т. II, Тбилиси, 1965, с. 98 и сл. (на груз. яз.); М. Д. Лордкипанидзе. Политическое объединение феодальной Грузии, Тбилиси, 1963, с. 237 и др. (на груз. яз.).

[5] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 121 и сл.

[6] И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, т. II, с. 123 – 124.

[7] КЦ, I, с. 274. Термином «азнаур» в раннесредневековой Грузии обозначалась как высшая (мтавары), так и средняя и мелкая знать (см. С. Н. Джанашиа. Азнаури. – Грузинская Советская Энциклопедия, т. I, с. 214 – 215; А. П. Новосельцев. Генезис феодализма в странах Закавказья. Опыт сравнительно-исторического исследования, М., 1980, с. 201). Судя по тому, что в приведенном сведении «Летописи Картли» нет указания на подразделения азнауров на сословия, надо полагать, что Давид куропалат обращался ко всей картлийской знати, но не к какой-либо ее части. Поэтому, с точки зрения автора летописи, в успехе мероприятия Иоанна Марушис-дзе должны были быть заинтересованы все слои господствующего класса Картли.

[8] Г. А. Меликишвили. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии, Тбилиси, 1973, с. 12 и сл. (на груз. яз.); см. также: А. П. Новосельцев. Указ. соч., с. 191, 202.

[9] Г. А. Меликишвили. Указ. соч., с. 50 – 51 и др.

[10] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1980, с. 175.

[11] Основатель Абхазского царства Леон II был, вероятнее всего, родом абазг (ср. сведения римского автора II в. Арриана о традиции среди абазгов избирать своих правителей из собственной же среды. С этой традицией считались даже римские власти, назначавшие своих ставленников среди апсиллов из представителей местной, естественно, родовой знати).

[12] Г. А. Меликишвили. Политическое объединение феодальной Грузии, с. 54, 56, 145 со ссылкой на Г. Натадзе, давшего аналогичную трактовку указанного периода истории Грузии (см.: Г. Натадзе. Краткий социологический обзор истории Грузии, ч. II, Кутаиси, 1925, с. 31 (на груз. яз.).

[13] Г. А. Меликишвили. Политическое объединение феодальной Грузии, с. 12.

[14] Там же, с. 12 – 13.

[15] КЦ, I, с. 376; Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах. Перевод, введение и примечания М. Д. Лордкипанидзе, Тбилиси, 1979, с. 31. (Далее: Лордкипанидзе. Сумбат Давитис-дзе).

[16] См. Очерки истории Грузии, Тбилиси, 1973, т. II, с. 449 (на груз. яз. Далее: Очерки, II).

[17] Г. А. Меликишвили. Политическое объединение феодальной Грузии, с. 9 – 11, 63 и др.

[18] КЦ, I, с 267.

[19] См. об этом: Ш. А. Бадридзе. Из истории политической структуры «Грузинского царства». – Труды Тбилисского государственного ун-та, т. 113 (серия исторических наук), 1965, с. 257 и др. (на груз. яз.); автор отвергает существующее у некоторых исследователей мнение, будто полная суверенность Тао-Кларджети в отношении Византийской империи была историческим фактом. В этой связи достаточно напомнить отмену Давидом Строителем (1089 – 1125) чина куропалата в период подлинной независимости Грузии, «как неприятное воспоминание о вассальной зависимости от Византии»; В. Д. Дондуа. Грузия в XI в. (по «Матиане Картлиса»). – В кн.: Хрестоматия по истории СССР. С. древнейших времен до конца XV века, М., 1960, с. 343, примеч. 8 (далее: Дондуа).

[20] См. С. Г. Каухчишвили. Георгика, т. IV, ч. 2, Тбилиси, 1952, с. 268 (на груз. яз.).

[21] Подробно об этом см.: Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии; Очерки истории Грузии, т. I, Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).

[22] При сравнительном обилии материалов история борьбы грузин против византийцев за культурную самобытность до сих пор монографически не разработана. Об этом см.: К. С. Кекелидзе. Творческий процесс в древнегрузинской литературе в связи с некоторыми моментами идеологического характера. – В кн.: К. С. Кекелидзе. Этюды по истории древнегрузинской литературы, т. II, Тбилиси, 1945 (на груз. яз.); он же. Отражение борьбы за культурную независимость в древнегрузинской литературе. – Этюды..., т. IV, Тбилиси, 1957 (на груз. яз.). Вместе с тем изучение этой проблемы могло бы пролить свет не на одни только частные вопросы, но и в целом на культурное прошлое тех народов нашей страны, которые в силу исторических условий оказались в орбите греко-византийской истории и культуры.

[23] Одной из важных причин культурной «денационализации» иранцев в эпоху арабского господства, по давно ставшему хрестоматийным мнению В. В. Бартольда, было почти полное отсутствие у них письменной истории (В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса. – В кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. VII, М., 1971, с. 383, и сл.; М. М. Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана, М., 1961, с. 275).

[24] Еще в начале века об этом писал Н. Я. Марр в известной своей работе, посвященной армянам-халкидонитам (См. Н. Я. Марр. Аркауи, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкидонитах. – ВВ, XII, СПб, 1906). Однако подход

его к данной проблеме еще тогда не мог не вызвать законного недоумения. (Отметим, что правомочность некоторых выводов Н. Я. Марра вызывала сомнение у такого автора, как В. В. Бартольд, см. его: Соч., т. VI, М., 1966, с. 656 – 657). Так, говоря о догматических схватках внутри армянской церкви в VIII – XI вв., Н. Я. Марр писал, что частичная победа единоверных с грузинами армян-халкидонитов привела к тому, что «Грузия обогатилась двумя областями (Тао и Кларджети. – Г. Ц.) в высшей степени производительными, часто прямо-таки блестящими в культурной жизни грузин» (Н. Я. Марр. Указ. соч., с. 17). В действительности процесс должен был выглядеть несколько иначе, ибо Грузия в данном случае не «обогащалась», да еще за счет другого народа, а культурно абсорбировала местное аборигенное население Тао-Кларджети, о которых Н. Я. Марр в той же работе, исследуя деятельность армян-халкидонитов в названных областях (их наличие здесь никто и никогда не отрицал, см., например: С. Н. Джанашиа. Об одном примере искажения исторической правды, Тбилиси, 1947, с. 18 – 19), писал: «Кто аборигены этого района, в данный момент нас не интересует. Вероятно, какое-нибудь лазское или мингрельское племя» (лазы и мингрельцы братски родственны грузинам) (И. Я. Марр. Указ. соч., с. 21). Это отсутствие интереса к подлинным аборигенам Тао-Кларджети так и осталось вне научных интересов исследователей вплоть до настоящего времени, и поэтому история данного края в научных трудах часто выглядит противоречиво и дело доходит даже до ее извращения.

[25] Н. Я. Марр. Георгий Мерчуле. Житие Григория Хандзтийского. СПб, 1911, с. 123; Георгий Мерчуле. Житие Григория Хандзтийского. – В кн.: Памятники грузинской агиографической литературы, т. I, Тбилиси, 1963, с. 290 (древнегруз. яз.).

[26] Н. Я. Марр. История Грузии. Культурно-исторический набросок. По поводу слова протоиерея И. Восторгова о грузинском народе. СПб., 1906, с. 59; см. также: Г. А. Меликишвили. Основные этапы этно-социального развития грузинского народа в древности и средневековье, М., 1973.

[27] См. Синайский Многоглав 864 года. Подготовлено к печати под редакцией, с предисловием и исследованием А. Г. Шанидзе, Тбилиси, 1959, с. 280 (на груз. яз.); К. С. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. I, Тбилиси, 1960, с. 167 (на груз. яз.). Пророчество автора этого сочинения о том, что грузинскому языку наряду с другими предназначено возвещать народам «божественную премудрость» перекликается с легендарным рассказом из древнерусского произведения «Сказание о Вавилон-граде», в котором грузинский язык, названный обежским (абхазским), в обстановке, создавшейся после падения Византийской империи, наряду с

русским и греческим, относят к стражам христианства (М. О. Скрипиль. Сказание о Вавилон-граде. – Труды Отдела древнерусской литературы, т. IX, М., 1953; Г. В. Цулая. Обезы по русским источникам. – СЭ, № 2, 1975).

[28] Подробнее см. Лордкипанидзе. Сумбат Давитис-дзе (Предисловие, с. 15 – 18, там же библиография).

[29] Г. А. Меликишвили. Политическое объединение феодальной Грузии, с. 7, 133, 134.

[30] См. Х. С. Бгажба. Из истории письменности в Абхазии. – Труды АИЯЛИ, т. XXX, Сухуми, 1959, с. 253 – 254; он же. Из истории письменности в Абхазии, Тбилиси, 1967, с. 15 – 17; Корпус грузинских надписей, т. II; В. И. Силогва. Надписи Западной Грузии (IX – XIII вв.), Тбилиси, 1980, с. 64 – 67, 142 – 143 (на груз. яз.). См. также: Л. А. Шервашидзе. Средневековая монументальная живопись в Абхазии, Тбилиси, 1980.

[31] Можно лишь сожалеть, что в многочисленных исследованиях, посвященных легенде о «хождении» апостола Андрея по русской земле не говорится о ее древнегрузинском варианте (Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, М., 1963, с. 224, 226; М. Ф. Мурьянов. Андрей Первозванный в «Повести временных лет». – Палестинский сборник, вып. 19 (82), Л., 1969, с. 159 – 163; Л. Мюллер. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород. – «Летописи и хроники. 1973», М., 1974, с. 48–63. В перечисленных сочинениях дана библиография вопроса о русской версии сказания об Апостоле Андрее). А между тем их сравнительный анализ помог бы решению кардинального вопроса этой легенды – ее политической сущности.

[32] Ефрем Мцире. Повествование об обращении грузин – о том, в каких книгах об этом упоминается. Текст издала, введением и словарем снабдила Т. М. Брегадзе, Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).

[33] Ср. Г. А. Меликишвили. Политическое объединение феодальной Грузии, с. 7, 11, 134 и др.

[34] Георгий Святогорец. Житие Иоанна и Евфимия. – «Памятники древнегрузинской агиографической литературы», т. II, Тбилиси, 1967, с. 42 (на груз. яз.).

[35] История Византии, т. 2, М., 1967, с. 218 и др.

[36] Наиболее полно и объективно грузинские источники о восстании Склира проанализированы в работах: Н. Ю. Ломоури. К истории восстания Варды Склира. – Труды Тбилисского государственного ун-та, т. 67, 1957; ср. В. У. Копалиани. Из истории грузино-византийских отношений. Труды Тбилисского государственного ун-та, т. 61, 1956 (на груз. яз.), М. Д. Лордкипанидзе [36]. Из истории грузино-византийских отношений IX – X вв. – «Вопросы истории феодальной Грузии», т. II, Тбилиси, 1974, Ch. Badridze.-

Contribution a l'histoire des relations entre le Tao et Byzance (Les annees 70 du Xe siecle). Insurrection de Bardas Skleros. Bedi Kartlisa. Revue de kartvelologie (Paris), vol. XXXIII, 1975.

[37] Георгий Святогорец. Указ. соч., с. 45.

[38] К. Н. Юзбашян. Аристакес Ластивертци и его исторический труд. В кн.: Повествование Аристакеса Ластивертци. Перевод с древнеармянского, предисловие и примечания К. Н. Юзбашяна, М., 1968, с 17; Д. Л. Мухелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии, II, Тбилиси, 1980, с. 225 – 226 (на груз. яз.).

[39] В этой связи можно привести слова В. В. Бартольда о том, что сохранение культурного единства «для народа еще важнее политического» (Н. Н. Туманович. Описание архива В. В. Бартольда, М., 1976, с. 329). Исторические судьбы народов Закавказья красноречиво иллюстрируют это высказывание выдающегося историка.

[40] Н. Я. Марр. История Грузии, с. 57.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ «ЛЕТОПИСИ КАРТЛИ»

Источниковедческие проблемы «Летописи Картли», в частности ее место в своде грузинских летописей, использованные автором источники и их характер до сих пор обстоятельно не разработаны. Поэтому не удивительно, что в научной литературе на этот счет высказаны многочисленные, часто взаимно несогласные мнения и общие гипотезы. Мы не беремся дать в кратком введении обстоятельный анализ стоящих перед исследователями «Летописи Картли» указанных проблем и ограничимся лишь некоторыми частными вопросами.

Метод составления свода КЦ был продиктован стремлением дать по возможности систематизированное изложение многовековой истории грузинского народа. Составители КЦ располагали отдельными разрозненными историческими произведениями. Чтобы изложить в хронологической последовательности ход описываемых событий и одновременно придать своду характер непрерывного исторического повествования, его составители искусственно подгоняли друг к другу начала и окончания написанных в разное время и разными лицами исторических трудов. В результате такого «редактирования» были уничтожены названия почти всех, вошедших в КЦ, историко-литературных памятников, а также и сведения об их авторах.

Этой участи, естественно, не избежала и «Летопись Картли». Ныне принятые ее название и объем впервые условно установил И. А. Джавахишвили[1]. Главным ориентиром ему послужил один контекст из «Жизнеописания царя царей Давида»[2], в котором автор, обрушиваясь на вельможных противников централизаторских акций Давида Строителя, говорит: «Род грузинский изначально по природе своей двурушничает по отношению к владыкам своим, ибо, возвысившись и утучнив себя, обретя сан и покой, он начинает злословить о них, как повествует о том старая летопись Картли (дзуели матиане Картлиса)»[3]. В приведенных словах И. А. Джавахишвили обнаружил, во-первых, текстуальное сходство с аналогичной характеристикой вельмож в предыдущем разделе КЦ, который представлял собой самостоятельное историческое сочинение, и, во-вторых, увидел прямое указание на название того произведения, которое именовалось в тексте КЦ как «Летопись Картли»[4]. И, несмотря на то, что И. А. Джавахишвили не исключал возможность иного решения вопроса, указанные выводы имеют важное значение для истории грузинского лето-

писания XI в., хотя некоторые исследователи и подвергают их сомнению.

В частности, К. С. Кекелидзе в специальной работе[5], посвященной атрибуции ранних частей КЦ, отверг предположение И. А. Джавахишвили. К. С. Кекелидзе указал, что определение «матиане Картлиса» («летопись Картли») было расхожим в древнегрузинском летописании, оно широко распространено в ссылках ряда древнегрузинских авторов на различные синхронные или более древние произведения. Так, автор мартиролога Раждена (1-я половина XI в.), говоря о персидском происхождении своего героя, писал, что «осведомляют о том старые летописи (дзуелни матианени)»[6]. Далее К. С. Кекелидзе указал, что «старые летописи» (дзуелни матианени) в древнегрузинской литературе соответствовали определению «истории картлийцев» (картвелта цховребани) и заключил, что «старая летопись Картли» в устах историка Давида Строителя обозначала свод исторических трудов Леонтия Мровели и Джуаншера Джуаншерияни[7].

Однако обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Во всех приводимых К. С. Кекелидзе случаях речь идет о старых летописях (дзуелни матианени), т. е. в источниках говорится не о каком-то определенном произведении, а вообще о литературных источниках, в то время как автор жизнеописания Давида Строителя ссылался на одно определенное сочинение – «старую летопись Картли» (дзуели матиане Картлиса)[8]. Обнаруживается закономерный факт: когда древние авторы делали «беглую» ссылку на свои источники, они, действительно, следуя обычной авторской логике, называли их во множественном числе, а вполне конкретный источник должны были указывать, естественно, в единственном числе.

В этой связи можно привести также пример из декларации, созданного в начале XVIII в. грузинским царем-просветителем Вахтангом VI «совета ученых мужей» для реставрации свода грузинских летописей. Текст декларации составлен архаичным языком, и потому его использование для интересующего нас вопроса может быть вполне уместным. В этом документе говорится, что Вахтанг VI среди различных материалов собирал и «истории Грузии» (здесь употреблено мн.ч.: Картлис цховребаеби), чтобы восстановить разрозненные «в смутные времена» «Картлис цховреба» (здесь употреблено ед. ч.)[9]. Не приходится сомневаться, что форма множественного числа применительно к «Картлис цховреба» свидетельствует о том, как, кроме различных списков свода, «советом ученых мужей» были использованы различные сочинения, а конкретный свод «Картлис цховреба», который восстанавливал Вахтанг VI, назван, как и следовало ожидать, в единствен-

ном числе.

Вопросу о составных частях свода КЦ – одному из наиболее сложных в текстологии древнегрузинской литературы – посвящена специальная работа А. А. Богверадзе[10]. Автор отстаивает мнение, согласно которому начальные части свода КЦ состоят из двух произведений. Первое из них посвящено истории Грузии с древнейших времен до VIII в. (с включением повествования о нашествии арабов) и его автором, но не редактором, как это предполагает некоторая часть современных грузиноведов[11], является Леонтий Мровели[12]. Общепринятый текст «Летописи Картли», по определению А. Богверадзе, является «вторым» сочинением, вошедшим в свод. Оно, пишет автор, было создано одновременно с трудом Леонтия Мровели и имеет с ним существенно общие черты. По словам А. Богверадзе, «...нет смысла искать какое-либо определенное название для этой летописи, которая объединена с первой летописью общим названием»[13]. На этом основании К. Г. Григолиа выдвигает предположение о принадлежности Леонтию Мровели вообще всей ранней части КЦ, включая и текст «Летописи Картли»[14].

К. Г. Григолиа прежде всего не только разделил, но и попытался усилить сомнение И. А. Джавахишвили относительно им же введенного наименования «Летопись Картли» («Матиане Картлиса») и, повторив вышеприведенные доводы К. С. Кекелидзе, пытается подтвердить их материалами из сочинения анонимного грузинского летописца XIV в. (Жамтаагмцерели).

Рассказывая об известном в средневековой Грузии феодальном роде Багваши, безымянный автор XIV в. ссылается на «книгу царей из рода тех Багвашей»[15]. К. Григолиа не сомневается, что в данном контексте анонимной летописи XIV в. имеется прямое указание на «Жизнь картлийских царей» Леонтия Мровели и таким образом якобы выясняется непрерывность повествования от первых страниц КЦ до выделенной И. А. Джавахишвили и его последователями «Летописи Картли» включительно[16]. При этом К. Григолиа опирается также на заявление Леонтия Мровели, что он описывает «жизнь картлийских царей от начала и до поры нашей»[17], т. е. до XI в. Стремясь обосновать свою точку зрения, К. Григолиа должен был объявить «несущественными» такие важные для источникововеда и общеизвестные в грузинской историографии истины, как различие в языке, стиле, манере описания исторических фактов и событий в пределах этой обширной части КЦ, свидетельствующие о составном характере и принадлежности ее разным авторам.

При наличии убедительных фактов, противоречащих точке зрения К. Григолиа, нет надобности подробно рассматривать

мнение уважаемого исследователя. Остановимся лишь на терминологической стороне вопроса. К. Григолиа считает, что упоминаемая в летописи XIV в. «книга царей» адекватна «Жизни картлийских царей»[18]. Однако в терминологии древнегрузинского летописания термины *цховреба* – «жизнь», «житие», «жизнеописание», «история» и «цигни» – «книга» не смешивались. Словом *цховреба* обозначалось обычно сочинение исторического жанра, будь то история целой страны, народа или биография отдельной личности. В таком значении слово *цигни* – «книга» не употреблялось[19]. Слово *цигни* в контексте анонимного историка XIV в. могло означать писание, под которым можно подразумевать всякое историческое повествование.

Следует обратить внимание также и на то, что анонимный летописец XIV в. говорит не просто о «книге царей», а о «книге царей и рода Багвашей». Произведение же, которое именуется «Жизнь картлийских царей», даже в мыслимых А. Богверадзе и К. Григолиа пределах ни в коей мере не является «книгой о роде Багваши», история которых в КЦ, строго говоря, занимает эпизодическое место. Не исключается вероятность существования особого сочинения о феодальном роде Багваши и их взаимоотношениях с грузинскими монархами, о которой упомянул попутно летописец XIV в., повествуя о соответствующих событиях[20].

Поэтому предполагаемые А. А. Богверадзе и К. Г. Григолиа объяснения и толкования упоминания в КЦ «Летописи Картли» малоубедительны. Словом, нет оснований сомневаться в том, что упоминаемая в «Жизнеописании Давида Строителя» «старая летопись Картли» (дзуели матиане Картлиса) представляет собой, как это предполагал И. А. Джавахишвили, вполне конкретное произведение. При установлении несохранившегося названия «Летописи Картли» мы оказываемся перед необходимостью исходить в своих суждениях из содержания самого памятника и возможного упоминания его в другом источнике. Такой прием в аналогичных случаях применялся неоднократно и вполне себя оправдал.

Однако в последнее время возник вопрос о том, как подавать русскому читателю оригинальное название «Матиане Картлиса». М. Д. Лордкипанидзе предлагает сохранять форму подлинника в русской транскрипции и при этом ссылается на такие прецеденты, как использование в русском востоковедении арабских и персидских источников в их подлинном наименовании: «Худуд ал-алам», «Джами ат-таварих» (кстати, это заглавие больше известно в переводе: «Сборник летописей»), «Сиасет-намэ» и др.[21] Хотя автор ссылается на такой установившийся в советской медиэвистике факт, как использование русскими учеными названия сво-

да грузинских летописей «Картлис цховреба» в его грузинском оригинале, мы не можем согласиться с мнением относительно неправомерности перевода термина «матиане». При этом ссылка на арабско-персидские средневековые произведения не совсем оправдана; использование «Картлис цховреба» в русской исторической науке стоит особняком, является исключением, не влияющим на правило[22]. Здесь же уместно вспомнить, что названия всех остальных грузинских исторических сочинений обычно переводятся на русский язык.

В процессе изучения и издания грузинских литературных памятников на русском языке развилась традиция, отличающаяся от той, которая сложилась в процессе введения упоминаемых персо-арабских сочинений. И если уж возникла необходимость обращаться к параллелям, то следовало бы, прежде всего иметь в виду русские переводы армянских историко-литературных памятников и грузинские переводы иноземных древних и средневековых сочинений. Именно этой, более близкой нам традиции необходимо следовать, когда мы грузинское слово матиане переводим столь же емким, колоритным и близким по значению русским словом «летопись».

*

Еще более сложен вопрос об имени автора «Летописи Картли», следы которого столь тщательно стерты, что установить его вряд ли когда-либо удастся. Можно говорить лишь в общих чертах о его личности, основываясь на имеющиеся в произведении более или менее определенные намеки.

По предположению И. А. Джавахишвили, автор «Летописи Картли» мог быть только, картлийцем. Это предположение основано прежде всего на том, что, повествуя о Картли, летописец пользуется притяжательным местоимением. В частности, в тех случаях, когда речь идет о нашествии неприятелей на Картли, автор указывает, что они «ступили сюда» (в значении «к нам»). Кроме того, когда, он пишет о Картли, его повествование пестрит различными, порой мелкими деталями, топонимическими и другими подробностями; за пределами же Картли описания носят уже значительно более общий характер[23]. Однако текст «Летописи Картли» свидетельствует, что такое суждение ученого не может быть принято без оговорки, хотя против картлийского происхождения автора летописи нет оснований возражать – такое предположение представляется вполне естественным. Прежде всего отметим, что сведения «Летописи Картли» о различных областях и племенах за пределами Картли нередко также носят обстоятельный характер и, что самое главное, вполне согласуются с исторической реальностью и свидетельствами иных источников. Что же касается действительно более подробного описания событий в Картли, то оно объясняется не только лучшей осведомленностью автора летописи с этой областью Грузии и ее историей, но и особым значением Картли в исторических событиях IX – XI вв. Даже тот факт, что автор летописи, наиболее полно выразивший идею общегрузинского этно-политического единства, был выходцем именно из этой части Грузии, может быть немаловажным тому доказательством.

Установлено также, что автор летописи был современником царя объединенной Грузии Баграта IV (1027 – 1072), к которому он, несмотря на характерную для него сдержанность, проявил определенные симпатии. Его жизнь прервалась, видимо, в период правления Георгия II[24].

«Летопись Картли» знаменует собой новый этап в истории древнегрузинской исторической литературы. Если непосредственные предшественники ее создателя (авторы «Жизни картлийских царей», «Жизнеописания Вахтанга Горгасала») повествовали об исторических событиях в полубеллетристической манере и отно-

сильно их труды к чисто историческому жанру можно условно [25], то «Летопись Картли» – это уже произведение подлинно исторического жанра, лишенное каких-либо отвлекающих от основной темы беллетристических отступлений. Это, разумеется, не дает повода умалять литературные достоинства «Летописи Картли». Наоборот, ее автор предстает перед нами как талантливый писатель, а его произведение занимает значительное место в истории древнегрузинской литературы.

До сих пор остается малоразработанным вопрос об источниках «Летописи Картли». Высказаны предварительные, пока еще недостаточно аргументированные предположения об использовании автором летописи ряда как древнегрузинских, так и иноземных литературных памятников, в частности византийских. Существует мнение об использовании в «Летописи Картли» отдельных литературных памятников агиографического жанра, а также не дошедшего до нас исторического повествования об Абхазском царстве (по определению М. Д. Лордкипанидзе – «о деятельности Баграта III»)[26]. Особенно выделен исследователями вопрос о месте в «Летописи Картли» сочинения Сумбата Давитис-дзе «История и повествование о Багратионах» (предположительно было завершено в 30-х гг., XI в. [27]). Мнение К. Г. Григолиа о том, что «Летопись Картли» была использована Сумбатом Давитис-дзе для своего сочинения [28], не может быть принято по хронологическим причинам. Против предположения о том, что автор «Летописи Картли» пользовался трудом Сумбата Давитис-дзе выступил в свое время И. А. Джавахишвили, который считал, что наш летописец вообще мог не знать «Истории и повествования о Багратионах» [29].

Более приемлемым может оказаться мнение, согласно которому автор «Летописи Картли» пользовался трудом Сумбата Давитис-дзе. У начала этого мнения, пользующегося признанием ряда современных исследователей, находится Е. С. Такаишвили. В частности, он указал на совпадение в КЦ «Списка царицы Марии» «в рассказах о войнах греческих императоров Василия и Константина с грузинскими царями Георгием I и Багратам IV» [30] из сочинения Сумбата Давитис-дзе с соответствующим местом из текста впоследствии выделенной «Летописи Картли». Но имеем ли мы здесь факт использования автором «Летописи Картли» непосредственно труда Сумбата или объяснение этому совпадению следовало бы искать в недошедшем до нас протографе? Даже априорно можно утверждать, что бурные события, связанные с войнами Василия Болгаробойцы против грузин, не могли не отразиться в трудах историков и писателей того времени, сочинения которых в подавляющем большинстве бесследно исчезли

вместе с именами их авторов. Следует также учитывать, что автор «Летописи Картли» всегда охотно ссылается на отдельные произведения, попадавшие в поле его зрения. Это, можно сказать, один из его авторских методов. В таком случае он вряд ли не упомянул бы столь важный источник по истории и генеалогии Багратионов, одного из главных сюжетов создаваемого им произведения.

Кроме того, один лишь факт упоминания того или иного литературного памятника в летописи, без наличия конкретных его следов, еще не может быть основанием для утверждения его использования в качестве источника. Использование того или иного письменного памятника в качестве источника предполагает более широкий аспект внедрения его во вновь создаваемое произведение, а не беглая на него ссылка. Наоборот, последняя даже может быть вызвана стремлением автора не повторять рассказы о хорошо известных событиях или отдельных фактах (неоднократно зафиксированная в древнегрузинских исторических сочинениях авторская манера!). Поэтому просто упомянутое сочинение, естественно, не может считаться источником, ибо в таком качестве в летописи оно не использовано. Именно это можно было бы сказать по поводу мнения, согласно которому автор «Летописи Картли» якобы пользовался древнегрузинским агиографическим сочинением Стефана Мтбевари, «Мученичество святого мученика Гоброна» (нач. X в.). Это сочинение автором нашей летописи не было использовано, на него читателю было лишь указано.

Высказано также мнение об использовании в «Летописи Картли» сообщения византийского историка Скилицы, в частности, при описании византийско-грузинской войны 1021 – 1022 гг. Предполагается, что именно из этого источника заимствовано сведение об участии Георгия I в заговоре против Василия II Болгаробойцы. Считают, что сочинение Скилицы было источником осведомленности нашего летописца при описании помощи Липарита Багваша византийцам в борьбе против сельджуков[31]. Это мнение тоже не может быть надежно аргументировано какими-либо данными, если не сослаться на то, что и в византийском источнике и в «Летописи Картли» говорится об одном и том же событии[32]. Но параллельное упоминание одного и того же факта в двух (или более) исторических повествованиях еще недостаточно для утверждения, что какое-то из них было привлечено в качестве источника другого произведения. Кроме того, в данном случае не может не обратить на себя внимание и такая немаловажная деталь, как отсутствие в сочинении византийского историка подлинно родового имени Липарита Багваши. Что же каса-

ется общих соображений, то автору «Летописи Картли», по нашему мнению, не обязательно было прибегать к иноземному источнику для описания современных ему событий, к тому же имевших место в стране, в которой он проживал, и к представителям высших властей которой он, по всей вероятности, был близок.

*

Как известно, у исследователей, до сих пор еще нет общего мнения о характере и ходе начального этапа образования Абхазского царства (объединения Западной Грузии). «Летопись Картли» на этот счет сообщает, что, воспользовавшись ослаблением византийцев, «отложился от них эристав абхазский Леон, племянник эристава Леона, коему Абхазия была дана в наследство. Сей Леон II был сыном дочери хазарского царя и с его помощью он (Леон II) и отложился от греков, овладел (??????? – даипкра) Абхазией и Эгриси до самого Лихи и нарекся царем абхазов, ибо был мертв Иован и состарился Джуаншер»[33].

Основываясь на «Летописи Картли», С. Н. Джанашиа считал, что в «конце VIII в. владетельные князья (мтавары) Абхазии одним ударом сокрушили Эгрисское царство»[34]. В грузинском тексте «Истории Грузии» С. Н. Джанашиа пользуется термином первоисточника??????? (даипкра)[35], а в русском переводе той же работы находит ему эквивалент «присоединил»[36], что без специального разъяснения не воспринимается адекватно. Против толкования древнегрузинского источника, как якобы свидетельствующего о «насильственном завоевании» Леоном II Эгрисского царства, высказался П. И. Ингороква[37]. З. В. Анчабадзе полагает, что слово даипкра, «в зависимости от контекста, может быть переведено с древнегрузинского и как «завладел», и как «завоевал»[38]. В данном случае, считает З. В. Анчабадзе, акт «овладения» Леоном II Эгриси «мог произойти тем более безболезненно, что Леон Абхазский, как мы знаем, находился в родстве с царским домом Арчила, правившим в Эгриси»[39]. Но в заключение З. В. Анчабадзе пишет: «Тем не менее недостаток источников не позволяет нам категорически утверждать, что объединение Абхазии и Эгриси в одну политическую единицу было осуществлено только мирным путем при отсутствии какого-то ни было насилия со стороны абхазского владетеля»[40].

Между тем «Летопись Картли» не дает никаких оснований для вывода о завоевании Эгриси. Слово даипкра в равной мере относится не только к Эгриси, но и Абхазии, тем более, что оно и стоит-то перед ее названием, но вряд ли кто-либо будет считать, что Леон II завоевал свое наследственное владение. Сообщение летописца, что Леон «завладел» Абхазией и Эгриси до Сурамского хребта и нарекся царем, потому как Иован помер, а Джуаншер состарился, может указывать лишь на наличие у абхазского владетеля законных наследственных прав как на Абхазию, так и на Эгриси. Тон рассказа летописца может быть свидетельством того,

что у Леона не было никаких соперников на права единоличного правителя Абхазского царства.

Для истолкования термина «завоевал» древнегрузинского оригинала, вызвавшего столь многочисленные суждения о характере объединения Абхазии и Эгриси в конце VIII в., как нам кажется, можно привлечь древнеармянский перевод КЦ[41], в котором интересующий нас контекст звучит следующим образом: «А некто Левон, сын дочери царя Хазарии, возложив (на себя) корону, присвоил (арм.букв. – унер) Апхазет и Эгрис до самого Лих-а»[42]. Таким образом, в данном случае грузинскому слову даипкра в древнеармянском тексте соответствует унер, что означает «займел», «взял», «присвоил». Грузинскому же слову даипкра в значении «завоевал», «завладел» (исключительно силой), в армянском тексте КЦ соответствует калан (арм. букв.). Так, в рассказе о захвате правителем Абхазского царства Георгием в середине X в. Картли в древнеармянском тексте КЦ читаем: «В то же время Георгий – царь апхазов, и Деметрэ – зять Левона, – вступили и захватили (калан) Картли»[43]. В первом случае автор древнеармянского перевода КЦ явно избегает мысли о насильственном захвате Леоном II Эгриси, проявляя при этом не только тонкое знание грузинского языка, но, что важнее, описываемой исторической ситуации; во втором же случае, при описывании хорошо известного в литературе факта, он пользуется словом калан («захватил», «завоевал»), которому в древнегрузинском оригинале также соответствует даипкра.

Все, что нам известно об объединении Абхазии и Эгриси в единое Абхазское царство, исключает всякое предположение о каком-либо насильственном характере возникновения этого государственного образования. В частности, у нас нет даже намека на существование какого-либо движения в Западной Грузии против «насильственного захвата» Абхазией Эгриси. А если бы такой захват имел место, то, естественно, он не мог бы не вызвать ответной реакции со стороны Эгриси в той или иной форме и в целом это не осталось бы вне поля зрения какого-либо источника. Поэтому описанное в «Летописи Картли» событие следует квалифицировать как акт мирного воссоединения Абхазии и Эгриси. И свершилось оно, по всей видимости, еще в 80-х гг. VIII в. (до образования собственно Абхазского царства!). Об этом может свидетельствовать такой надежный первоисточник, как сочинение Иоанна Сабанис-дзе «Мученичество Або Тбилели» (VIII в.), согласно которому Абхазия простиралась «до рубежей Халдии, где Трапезунт»[44].

*

Составители КЦ, естественно, предполагали, что текст свода будет читаться в целом. Такой замысел, как мы уже отмечали, привел к деформации начала и конца искусственно подгоняемых друг к другу исторических сочинений. Это обстоятельство делает необходимой при отдельном издании «Летописи Картли» также и публикацию непосредственно предшествующей ей в своде части, которая с ней логически тесно связана.

«Летопись Картли» следует в своде за приписываемым Леонтию Мровели небольшим повествованием агиографического характера «Мученичество царя Арчила», которое композиционно представляет как бы эпилог «Жизнеописания Вахтанга Горгасала». В свою очередь объем последнего вряд ли соответствует тому, в котором оно предоставлено в традиционно установившемся тексте. По нашему мнению, текст, следующий за смертью Горгасала[45], не является частью посвященного ему труда, а представляет собой самостоятельное и к тому же многослойное, принадлежащее, скорее всего, разным авторам произведение. Его можно было бы расчленить на две части. Первая из них – это описание жизни преемников Вахтанга Горгасала и событий до нашествия на Грузию арабского полководца Мервана ибн-Мухаммада (начало 30-х гг. VIII в.). Это был период распада созданного при Вахтанге Горгасале фактически объединенного Грузинского царства и вместе с тем начало нового этапа в истории страны с центром в городе Тбилиси.

В наиболее ранних списках КЦ («список царицы Анны» – XVI в.; «список царицы Марии» – 1634 – 1645 гг. и некоторые другие), присовокупления к «Жизнеописанию Вахтанга Горгасала» часть написана сплошным текстом. Впоследствии (в XVIII в.) она была разбита на отдельные главы, связанные с именем того или иного правителя Картли, и дополнена многочисленными «вставками», извлеченными из различных памятников средневековой грузинской литературы[46], за некоторым исключением, когда «вставки» составлены редакторами КЦ. Вместе с тем выясняется, что монолитность этой части также является иллюзорной. Есть основания считать, что узловым моментом этой части интересующего нас повествования является выдвинутая картлийскими эриставами не позже середины VII в. идея пожалования персидским царем Хосровом, данниками которого эриставы Картли стали в первой декаде VII в., грамот о наследственных правах их на свои княжества[47].

Однако дальнейшее развитие Грузии создало условия для аннулирования подобных «грамот». Наступление центральной власти на сепаратизм эриставов было столь решительным и необратимым, что апелляция на какое-либо оправдание независимости феодалов (к тому же идущее извне) теряло реальную силу. В таких условиях и возникла легенда о «реформах» царя Арчила, суть которой заключалась в том, что Арчил якобы еще в VIII в., следуя заветам своего брата и соправителя Мира, выдал его дочерей за эриставов и в качестве приданого отдал им в общем половину всей Грузии. Таким образом, на сей раз эриставы стали аппелировать уже не к грамотам чужеземного сюзерена (персидского царя), а к завещанию своего царя, потомка Вахтанга Горгасала, наследие которого считалось законной собственностью грузинских династий из рода Багратионов[48]. Исследователи не без оснований считают, что эта легенда возникла в кругу грузинских эриставов и была направлена против той ожесточенной борьбы, которую вела централизованная власть против сепаратских феодалов за создание единой монархии в X – XI вв.[49].

Таким образом, «Мученичество Арчила» могло возникнуть не ранее IX в. и являлось своего рода реакцией на политические претензии децентрализирующих сил внутри страны в начальный период объединительного движения в Грузии.

Две эти легенды, созданные разновремененно, преследовали одну и ту же цель, но историческое развитие Грузии противопоставило их друг другу. Включены они в две различные части текста, лежащего между описанием смерти Вахтанга Горгасала и (не считая «Мученичества Арчила») «Летописью Картли». Именно ко второй части указанного текста, которая начинается с повествования о походе Мервана ибн-Мухаммада и через «Мученичество Арчила» восходит начало «Летописи Картли», прерванное на описании событий, связанных с нашествием арабов.

Но в таком случае может возникнуть вопрос – не является ли вся эта вторая часть послевахтанговского повествования органически принадлежащей «Летописи Картли»? Как бы ни решился этот вопрос, нельзя не считаться с тем, что автор «второй части» не является сторонником нарождавшейся в Грузии самодержавной монархии. Во всяком случае, автор «Летописи Картли» куда лучше представляет преимущества «единодержавия», чем автор «второй части». Кроме того, обращает внимание, что последний лучше знаком с обстановкой в Западной Грузии, чем автор «Летописи Картли», хотя осведомленность и этого автора в делах Абхазского царства не так уж «ничтожна», как это до сих пор склонны думать исследователи.

Ниже мы приводим основной текст (без поздних «вставок») второй части послевахтанговского повествования и «Мученичества Арчила, царя Картли», служащие как бы прологом «Летописи Картли».

*

Подступил к Картли агарянин амир, коего звали Мурван Глухой, сын Момада и коего отправил (в Картли) Эшим, Амирмумл Багдадский, сын Абдал-Мелика Багдадского из того же племени. Потому-то и было дано ему второе имя Глухой, что не считался он со словом рассудительным.

И все мтавары. и питиахши, потомки эриставов и вельмож бежали в горы Кавказа и скрылись в лесах и пещерах. Обошел Глухой все земли Кавказа, захватил Врата Дариала и Дарубанда и сокрушил все города и большинство крепостей в пределах Картли.

И узнавши, что цари картлийские со всей родней ушли в Эгриси, а оттуда скрылись в Абхазию, стал преследовать их по пятам и сокрушил все города и крепости страны Эгрисской. Разрушил трехстенную крепость Цихе-Годжи, разгромил и прошел порубежную стену Клисурь. А (в пору) нашествия его католикосом был Табор.

И как только прошел Глухой Клисуру, которая была в ту пору рубежом между Грецией и Грузией, разгромил город Апшилети Цхуми и подступил к крепости Анакопии, в которой пребывает нерукотворный, свыше начертанный образ всея святой Богородицы и о котором неведомо, кто явил его на вершину той горы, граничащей на юге с морем, а на севере с лесами многоводными. В ней (Анакопии) пребывали тогда цари картлийские Мир и Арчил. Отец же их помер и был погребен в Эгриси. А эристав кесаря Леон находился в крепости Согбиси, расположенной на Осетском перевале. И никто не мог противостоятъ Глухому, ибо были войска его более и многочисленнее лесов Эгриси.

Говорил тогда Арчил брату своему Миру: «Обречен сей город-крепость на погибель. И уж коли схватят они нас, разведают они о сокрытых в земле нашей сокровищах, коих стяжали богомудрые цари Мириан, а затем Вахтанг (Горгасал) и все дети их, что породили нас. Да потребуют и то, что сокрыл царь Ираклий, полную опись чего положили мы заодно с обоими изумрудными багряно-яхонтовыми венцами, которых отец наш – великий царь Вахтанг (Горгасал) – вывез из Индии и Синдии; сокрыли мы их в Уджарме, близ и промеж двух беззащитных там башен. И все то описано в памяти моей. И заberi ты оба те венца, золотой и ониксовый: один царя Мириана и другой Вахтанга (Горгасала), что пожаловал ему персидский царь заодно со златом и серебром, которыми он навьючил пятьсот животных и две тысячи пеших (людей). Ты и отец наш положили все это в Кутатиси и Цихе-Годжи. Я же те

венцы мои и грамоты, скрепленные свинцом, положил отдельно. И если уж ныне помрем, то все те сокровища останутся неведомыми, и с приходом греков да разыщет их кесарь в пользу рода нашего и даст ему царство и сокровища те. И не станем мы отныне причиной разорения Картли и Греции, но уйдем и будем сражаться на этой стороне приморья. Да ежели будет воля господня, (то) один прогонит тысячу, а двое – десяток тысяч».

И пришли пред святым образом всесвятой той Богородицы, поклонились ей и припали и говорили: «Уходим в уповании на сына твоего и господя нашего, что рожден тобою, будь ходатаем пред ним за нас и сопроводи нам милость твою». И было при них небольшое число тадзреулов и родни эриставов и питиахшей около тысячи (человек), а из бойцов абхазских – две тысячи. И еще до рассвета навел господь на сарацин жестокий зной юга и поразил их кровавым поносом. И явился Арчилу в ту ночь ангел божий, который и сказал ему: «Идите и нагряньте на агарян, ибо ниспослал я на людей тех и твари их недуг изничтожающе жестокий. Выступайте и услышите исходящие из лагеря их скорбные звуки стенаний. Вы же будьте отважны и обретайте мощь в уповании на господя». И с наступлением рассвета стали исходить из лагеря их плачевный глас и причитания.

И, уповая на бога, вышли на битву с ними. Сразились, и ниспослал господь мощь малому люду христианскому; погибло от недуга тридцать пять тысяч сарацин, от меча же три тысячи. И был ранен Мир копьем в пах. Христиан в день тот было убито человек шестьдесят, а кони сарацин пали, словно леса, и вышвырнули их всех в море*.

Тогда явилось некому агарянину видение, которое якобы вещало словно пророк их: «Ниспослал господь победу на нас до скончания десяти царей, как пророчествовал господь Аврааму и в Агаре вы же берегитесь святых церквей и людей богослужителей, как о том поучал я в Коране моем». Спешно снялись и бежали вспять по своим же следам. Минуя Цихе-Годжи, разбили лагерь между двумя смежными реками. И грянул дождь суровый и поднялись (воды) рек безмерно: и полилась меньшая из рек на войска абашей и утопила из них тридцать три тысячи пеших; большая из рек хлынула на всадников, лагерь которых был разбит в лесистой местности, и некоторые из них разбежались в разные стороны, некоторые спаслись, взобравшись на деревья, и забрала река тридцать тысяч лошадей и с тех пор стала именоваться одна из них Цхенис-цкали, а другая – Абаша. И двинулись отселе и прошли дорогу Гурийскую, прошли дорогу Сперскую, а на численности их не было видно убыли. Но прежде поотрубали они хвосты коням своим, потому как тяжело было (лошадям) от прилипшей

(к хвостам) грязи**.

А в пору ту остались разоренными земли Картли, Армении и Рана, и нельзя было сыскать нигде ни строения, ни пропитания для людей и животных. И отправили Мир, Арчил и Леон – эристав абхазский – посланника к царю греческому и поведали ему обо всем, что сотворили они по воле господней и своими руками. А тот передал им два венца и грамоту Миру и Арчилу, и начертал им, а именно: «И царство Картли, и в ней отвага и мудрость были с вами. А ныне хотя мы заодно с вами преследуемы за служение кресту и обращение наше (в христианство), как заповедовал нам то господь, с нами заодно возвеличьтесь. Но вместе с тем оставайтесь в твердынях ваших до истечения трехсот лет; ибо на двухсот пятидесятом году расчленился царство их, а по истечении трехсот лет обретет силу царство наше, и сокрушим мы агарян, и падут все возвышенные ими, и вознесутся славившие нас».

А Леону начертал следующим образом: «Мы понесли страдания во всех пределах Картли, а от царей ее мы познали содействие и пользу. Ныне же они положили третью службу и помощь нашему престолу царскому: спервоначала получили они свет из рук наших; затем спасли от сокрушения великий град понтийский и сотворили мир между нами и персами. Потому как тот же царь Вахтанг стал посредником и мечом своим вернул царству этому Палестину и обе части Джазиры. И если бы ныне господь с помощью их не воспрепятствовал бы этим злостным супостатам, достигли бы они самого Константинополя; и между потомками Ниброта господь сделал славными этих, ибо не убавилось в роду их мудрецов истинных и бойцов, как о том повествует начертанная нами грамота, в которой описаны цари, знатные своими племенами и землями. А тебе же я повелеваю быть эриставом Абхазии, тебе и детям твоим и будущему твоему (потомству) вовеки веков. Но уважь добром царей и народ их картлийский и не посягай отныне на них и пределы их эгрисские, покуда пребудут они там или отбудут оттуда».

Но Мир был отягчен смертельными ранами и говорил брату своему Арчилу: «Ну, вот брат, я и отхожу к пращурам нашим; однако заberi ты меня и погреби среди могил праотцов наших. И поведаю я тебе о местах, в которых сокрыты сокровища наши. И не наследует мне сын, ибо народилось у меня семеро дочерей, и потому отныне ты и есть наследник царский из дома нашего царя Мириана. И тебе самому ведомо, что деву, дитя наше, не (следует) выдавать в супруги (кому-либо) из эриставов наших, но выдадим за царя или если кто явится из рода персидских царей, подобно Перозу, коему царь Мириан выдал в супруги дочь свою. А мы ущерблены, ибо ты неженат, а я без сына (наследника). Ну а

поскольку отцы наши приводили себе в супруги дочерей эриставов наших, выдадим им дочерей моих и поделим им земли, картлийские: половину тебе, да половину им. Однако бывшую у меня долю главы рода я отдаю тебе, да пусть она пребудет у тебя в качестве (также) доли главы рода нашего: Эгриси, Сванети, Таквери, Аргвети и Гуриа. А Кларджети и среднюю Мтиулети отдай дочерям моим и да пребудут в них во все время наше злое. И отец наш помер в пору этой смуты, и не смогли перенести его в Мцхета, заberi останки его и погребите в церкви Кутатисской, чтобы явилось то свидетельством нашего владычества, а ты же оставайся тут и дружи с греками покуда не рассеется тьма сущая».

И помер Мир, забрали (прах) его в Мцхета и погребли в верхней церкви у входа на пороге.

Арчил же призвал эриставов картлийских и выдал им (в супруги) племянниц своих*: одну выдал за племянника отца своего, сына Гуарама куроопалата, что владел Кларджети и Джавахети; вторую – за питиахша из рода Пероза и который господствовал в Триалети, Ташири и Абоце; третью – за Нерсе Нерсиана из рода знатных (вельмож) царя Вахтанга; четвертую – за Адарнасе Адарнасиана и обоих их наделил Верхней Землей, которая есть Картли; пятую – за Варазмана и отдал (во владение) от Котмана до Куртского ущелья; сей Варазман был из рода персидского эристава бардавского, что был отцом матери Вахтанга Горгасала; шестую выдал за Джуаншера Джуаншериани, что был из рода царя Мириана, одного из потомков Рева, и отдал им Джвари и Херки и всю Мтиулети, Манглиское ущелье и Тбилиси.

Доля Арчила представляла собой половину всех этих хеви (округов). Когда же те узрели, что Джуаншеру выдал он наиболее (значительную) часть, то это их несколько удручило. И отпустил мтаваров этих совместно со своими супругами по своим местам.

Арчил же призвал Леона и сказал: «Будь же благословен господом» ибо проявил доброе радение (за время) гостевания нашего и защитил нас миром на земле твоей. Но ныне известно, что восстановлены владения наши выше от Клисурь. Пойду и устроюсь в Цихе-Годжи в Кутатиси. Теперь же требуй от меня, чего бы тебе было угодно, в награду за добрую службу твою».

На что Леон отвечал: «Дал мне кесарь страну сию в наследственную (собственность) ввиду доброй отваги вашей. Отныне же дана она мне в вечное владение от Клисурь до реки Великой Хазарети, к которой примыкают отроги Кавказа. Присоветуй меня к числу рабов твоих, к тем, коих удостоил ты быть сыновьями и братьями твоими. Не нужен мне удел твой, но пусть и мой пребудет твоим».

Тогда выдал он Леону в жены племянницу свою от брата (которую звали) Гурандухт, и венец, что был дан греческим царем Миру. И дали (друг другу) обещание и клятву твердую, дабы не быть вражде меж ними, но повиновался Леон Арчилу во все дни свои.

Пришел Арчил и утвердился в Эгриси до (самого) Шорапани. Управил все крепости и города и построил крепость на рубеже Гурии и Греции. Прошло с тех пор двенадцать лет, и начала строиться Картли. Мцхета же стал непригодной для пребывания (в ней). Пришел Арчил из Эгриси и сел в бывшей крепости Хидра.

Тогда же явился к нему мтавар, некий потомок пророка Давида по имени Адарнасе, племянник Адарнасе Слепого по брату и отец которого был породнен с Багратионами, а греками посажен эриставом в области Армении. В пору пленения (Картли) эмиром Глухим ушел он к сыновьям Гуарама куропалата в Кларджети и оставался там. Просил он Арчила и сказал: «Коли изволишь и превратишь меня в наследника своего, дай мне земли». И дал ему Шулавери и Артани.

Вслед за этим пришел Арчил в Кахети и всем служилым своим даровал он Кахети, сделал их азнаурами, воздвиг церковь в Садз-мори. Женился на дочери Гуарама куропалата, что был потомком одного из детей царя Вахтанга, рожденных женой-гречанкой. И осел в Цукети, построил Касри, а в ущелье Лакуасти воздвиг крепость. И застал в Цукети мтаваров, которым Цукети был дарован царем Вахтангом; а тушами, хунзами и всеми язычниками тех мест правил эристав Абухуасро, и не изъявил (Арчил) желания изъять у него Цукети. И построил в междуречье город-крепость Нухпати. Нухпатьяцы же были язычниками и природы хищной, но Глухой, посек их множество. И силой крестил их Арчил.

Усилились сарацинцы на земле Рана. Завоевали Газир и Армению. А Маслама воевал с греками. Племянники же Адарнасе Слепого, трое братьев, что выжгли глаза брату отца своего, прибыли из Тарона в Шаких и обосновались там по велению Арчила, ибо все пределы Кавказа до Рана были обезлюдены. Эрети же и Кахети превратились в леса дремучие. И утвердились трое братьев там до самой Гулгулы.

В ту же пору некоторых питиахшей не впустили в Кларджети и они завладели скальной местностью в Тао, которая называлась Калмахи и построили там крепость. (Другая же) половина явилась в Кахети к Арчилу. За одного выдал замуж (женщину) из рода Абухуасро, потому как была та вдовой и не имела мужа, и даровал им Цукети заодно с крепостью и Касри. В ту пору, на пятидесятом году после, ухода Глухого, пытались сарацины вторгнуться в Картли. До сей поры они не вторгались, но получали

дань от эриставов.

И было у Арчила двое сыновей: Джуаншер и Иован, да четверо, дочерей: Гурандухт, Мария, Мирандухт и Шушан.

*

Финал этой части КЦ, сшитого с текстом «Жизнеописания Вахтанга Горгасала», послужил неизвестному автору «Мученичества Арчила, царя Картли» источником для начала своего сочинения. Не являясь в строгом смысле продолжением предыдущего текста, это произведение, о чем мы уже говорили, как бы продолжает готовить читателя КЦ к пониманию того, с чего начинается «Летопись Картли». В таком же плане составлено и начало названной летописи. Поэтому есть основания полагать, что в каждом из приведенных случаев зачин обоих произведений принадлежит не создателям их первоначальных текстов, а составителям КЦ, выработавшим общий метод компоновки разновременных, принадлежащих различным авторам сочинений.

[1] И. А. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература, с. 198 – 201.

[2] Написана в XII в. и в КЦ следует вслед за «Летописью Картли».

[3] КЦ, I, с. 359.

[4] И. А. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература, с. 199 – 200.

[5] К. С. Кекелидзе. Историк Вахтанга Горгасала и его история. – В кн.: К. С. Кекелидзе. Этюды по истории древнегрузинской литературы, т. IV, Тбилиси, 1957, с. 187 – 192 и др. (на груз. яз.).

[6] Хрестоматия по древнегрузинской агиографической литературе, т. I, Тбилиси, 1946 (составил С. И. Кубанейшвили), с. 242 (на груз. яз.).

[7] К. С. Кекелидзе. Историк Вахтанга. Горгасала и его история, с. 192.

[8] Автор 1-й половины XII в., писавший после 1125, вполне мог назвать сочинение, написанное за полвека до него, «старым» (Ср. И. А. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература, с. 196 – 197).

[9] С. Г. Каухчишвили. Объем и состав «Картлис цховреба». – В кн.: КЦ, I, с. 024.

[10] А. А. Богверадзе. Первая летопись «Картлис цховреба» и ее автор. – В кн.: Грузинская историография, т. I, Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).

[11] См. Н. С. Джанашиа. Об источниках «Жизни картлийских царей». – В кн.: Вопросы истории народов Кавказа, Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).

[12] А. А. Богверадзе. Указ. соч., с. 41.

[13] Там же.

[14] К. Г. Григолиа. «Матиане Картлиса» и вопрос об его наименовании. – В кн.: «Юбилейный сборник, посвященный 100-летию И. А. Джавахишвили», Тбилиси, 1976, с. 224.

[15] Картлис цховреба (История Грузии), т. II. Грузинский текст. Подготовил к изданию по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили, Тбилиси, 1959, с. 225 – 226.

[16] К. Г. Григолиа. Указ. соч., с. 225 – 226.

[17] КЦ, I, с. 8.

[18] К. Г. Григолиа. Указ. соч., с. 225 и сл.

[19] Среди различных синонимов слова цигни в «Словаре древнегрузинского языка» И. В. Абуладзе (Тбилиси, 1973, с. 543 – 544) слово цховреба («история») не упоминается. В ряду многочисленных синонимов слова цигни, приведенных в «Толковом словаре грузинского языка» С. С. Орбелиани (Сочинения, т. 4, ч. 2, Тбилиси, 1966 (на груз. яз.), слово цховреба (в значении «история») также не упоминается.

[20] Как известно, древнегрузинские историки, в том числе и анонимный летописец XIV в., неоднократно ссылаются на несохранившиеся сочинения и приводимые ими их наименования почти всегда носят общий характер.

[21] М. Д. Лордкипанидзе, Н. Т. Накашидзе. Еще раз о русском переводе грузинских исторических источников. – «Известия» («Мацне») АН ГССР, серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, 1979, № 4, с. 164 – 165 (на груз. яз.).

[22] Напомним, как долго и упорно искали именно русские и грузинские востоковеды эквивалентное название на русском языке поэмы Шота Руставели, которое в конце концов утвердилось не в форме оригинала (Вепхисткаосани), а в виде многословного ее толкования.

[23] И. А. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература, с. 202.

[24] Ф. Д. Жордания. Хроники, т. I, Тбилиси, 1892, с. XXIV (на груз. яз.); см. также: И. А. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература, с. 203.

[25] К. С. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. II, Тбилиси, 1958, с. 259 (на груз. яз.); Г. В. Цулая. «Житие св. Нины» как источник по истории народов Кавказа. – «Известия» («Мацне») АН Грузинской ССР, серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, 1979, № 3, с. 97.

[26] Матиане Картлиса. Перевод, введение и примечания М. Д. Лордкипанидзе, Тбилиси, 1976, с. 20 (далее: Лордкипанидзе. Матиане). Ср. И. А. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература, с. 202 – 205.

[27] Г. И. Гелашвили. Сумбат Давитис-дзе и «Матиане Картлиса». – Труды Тбилисского государственного ун-та, т. 86, 1969, с. 239 – 256 (на груз. яз.).

[28] К. Г. Григолиа. Ахали Картлис цховреба (Новая история Грузии), с. 225 – 235; см. также: С. Г. Каухчишвили. Объем и состав, с. 034 – 036.

[29] И. А. Джавахишвили. Указ. соч., с. 204.

[30] Е. С. Такайшвили. Источники грузинских летописей. – «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 28, Тифлис, 1900, с. 177, примеч. 2.

[31] С. Г. Каухчишвили. Указ. соч., с. 039; Лорткипанидзе. Матиане (Введение), с. 21.

[32] Такие данные, как частое использование автором «Летописи Картли» (или, возможно, авторами тех документов, которыми пользовался ее создатель) греко-византийской терминологии, могут свидетельствовать о широте его научной эрудиции и знания языка (ср. Ш. А. Бадридзе. «Картлис цховреба» о грузино-византийских взаимоотношениях первой трети XI в. – В кн.: «Вопросы изучения и издания письменных источников по истории Грузии». Всесоюзная научная сессия. Тезисы докладов, Тбилиси, 1979, с. 17).

[33] КЦ, I, с. 251.

[34] С. Н. Джанашиа. Феодалная революция в Грузии. – В кн.: С. Н. Джанашиа. Труды, т. I. Тбилиси, 1949, с. 88 – 89 (на груз. яз.).

[35] И. А. Джавахишвили, Н. А. Бердзенишвили, С. Н. Джанашиа. История Грузии, Тбилиси, 1943, с. 147 (на груз. яз.).

[36] И. А. Джавахишвили, Н. А. Бердзенишвили, С. И. Джанашиа. История Грузии, Тбилиси, 1943, с. 147 (на груз. яз.).

[37] П. И. Ингороква. Георгий Мерчуле, Тбилиси, 1954, с. 116 (на груз. яз.).

[38] З. В. Анчабадзе. Указ. соч., с. 99 – 100.

[39] Там же, с. 100.

[40] Там же, с. 101.

[41] Соотношению грузинского летописного свода с его древнеармянским переводом посвящена обширная литература. Основные работы: Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник (Картлис цховреба). Грузинский оригинал и древнеармянский перевод с исследованием и вокабулярием издал И. В. Абуладзе, Тбилиси, 1953 (Далее: Абуладзе); С. С. Какабадзе. Некоторые вопросы изучения древнеармянской версии «Картлис цховреба». – «Кавказ и Византия», т. I, Ереван, 1979 (там же библиография).

[42] Абуладзе, с. 130.

[43] Там же, с. 155.

[44] Хрестоматия по древнегрузинской агиографической литературе, т. I, с. 62; С. Н. Джанашиа. О времени и условиях возникновения Абхазского царства, с. 339; см. также; З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 110 – 111 и сл.; Ш. А. Бадридзе. О времени и условиях, с. 36 – 39.

[45] КЦ, I, с. 204 и сл.

[46] Эти «вставки» представляли собой извлечения в основном из «Жития Шио Мгвимели»; сочинения Ефрема Мцире (XI в.) «Сведения о причинах обращении (в христианство) грузин и в каких книгах о том сказано»; «Хроники» Сумбата (XI в.); «Жития Давида и Константина» (метафрастная редакция XII в.) и др.

[47] См. Г. С. Мамулиа. Генезис и политическая тенденция легенды о реформах «царя» Арчила (VIII в.) – В кн.: Разыскания по истории Грузии и Кавказа, Тбилиси, 1976, с. 117 и сл. (на груз. яз.).

[48] Г. С. Мамулиа. Указ. соч., с. 118 и сл.

[49] См. Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, т. IV, Тбилиси, 1973, с. 88 и др. (на груз. яз.).

* В данном случае, как и во всем рассказе приводимого древнегрузинского источника, мы имеем свидетельство о важной роли грузин в том, что арабы (впрочем, как и персы до них), несмотря на длительное и упорное стремление, так и не утвердились в южной и юго-западной частях бассейна Черного моря. Исследователи это приписывают обычно заслугам лишь византийского оружия (см. В. В. Бартольд. Ислам и Черное море. – В кн.: В. В. Бартольд. Соч., т. VI, М., 1966, с. 659).

** Аналогичный факт описан и в сочинении арабского историка Табари в связи с походом арабов в Беленджер в 732/3 г. «Поход этот называется Грязным походом, – пишет Табари, – вследствие множества дождей, лишивших в продолжение всей кампании, так что Мерван принужден был приказать отрезать хвосты у лошадей, потому что к ним прилипла грязь» (Дорн, с. 86; М. И. Артаманов. История хазар, с. 218).

* Дословно: «детей брата своего».

ЛЕТОПИСЬ КАРТЛИ

МАТИАНЕ КАРТЛИСА

Перевод

По преставлении святого мученика Арчила остались у него [249]* сыновья Иован и Джуаншер. Отправился Иован в Эгриси и забрал с собой мать и двух сестер. А Джуаншер с двумя (другими) сестрами остался в стране Картлийской и Кахетской. Сестра же младшая его была прекрасна ликом, и слухи о красоте ее дошли до царя Хазарского Хакана; прислал он гонцов, дабы выпросить Шушан себе в жены, взамен обещав пособить в борьбе с сарацинами. И когда посол Хакана подступил (к Картли), Джуаншер поведал обо всем своему брату и матери. Однако они не поддались и ответствовали: «Уж коли станет нам невоготу, то лучше удалиться в Грецию и обратиться к христианам, нежели позволить язычнику опохабить дитя наше». И Шушан гневно порицала Хазарского царя¹.

Спустя три года после этого снарядил Хакан спасалара своего Блучана²; прошел он дорогу Лекетскую³ и вступил в Кахети; осадил крепость, в которой пребывали Джуаншер и сестра его Шушан и дней через малость овладел (крепостью) и увел их в плен; сокрушил город Тбилиси, полонил Картли и всю эту страну//[250]

И когда они ступали по дороге Дариалана⁴, Шушан молвила однажды брату своему: «Лучше мне помереть, дабы господь сопричастил меня святой матери, нежели быть посрамленной язычником». И тут же выщербила из перстня своего драгоценный камень, высосала скрытое под ним смертное зелье и тотчас пала мертвой.

Затем прибыл Блучан к Хакану и представил ему Джуаншера; поведал также о кончине сестры его Шушан. И разгневался (Хакан) за то, что не принесли тела усопшей, узреть которое он желал. Схватили Блучана, накинули ему на шею аркан, отдали двум всадникам на растерзание и оторвали ему голову немилосердно. По истечении семи лет Хакан отправил Джуаншера в собственную страну, одарив его обильно.

Но отныне стало убывать царство великих царей Хуасроанов⁵. Прежде возросло господство сарацин и отныне страна эта подвергалась их постоянным набегом, и разорению, затем возникло множество мтаваров на земле Картлийской, и разразились меж ними усобица и вражда. И если кто и выходил из детей Вахтанговых достойным быть царем, тут же обрекался сарацинами уничи-

жению. Ибо захватили сарацины город Тбилиси и превратили его в столицу свою⁶; получали с нашей страны дань, которую называют харадж. Ибо по промыслу вышнему в наказание за грехи наши паче возвысилось племя агарян⁷. [251]

Оный Джуаншер женился на деве из рода Багратионов⁷, дочери Адарнасе по имени Латаври. Но мать корила его за тот брак, ибо не ведала она достаточно, что исходят они из рода пророка Давида, который нарекался божьим отцом по плоти. Но как узрела супругу сына своего, возлюбила ее и благословила.

Спустя много лет после того пришел агарянин эмир по имени Хуасро⁸, что правил в Армении, Картли и Эрети; он восстановил разоренный хазарами город Тбилиси.

Когда же ослабли греки, отложился от них эристав абхазский по имени Леон, племянник эристава Леона, которому дана была в наследство Абхазия. Сей второй Леон был сыном дочери хазарского царя, и с помощью его и отложился он (Леон) от греков, присвоил Абхазию с Эгриси до самого Лихи и нарекся царем абхазов, ибо мертв был Иован и состарился Джуаншер. (Вскоре) после этого помер и Джуаншер.

Но еще при жизни Джуаншера переместился Адарнасе Багратион в (свою) треть Кларджети, Шавшети, Ачары, Нигали, Асиспори, Артани и Нижний Тао и крепости, которыми владели потомки царя Вахтанга. И ушел Адарнасе в Кларджети и там скончался⁸. [252]

И по смерти Адарнасе господь умножил царство Ашота куропалата, распростершего свою власть над Картли (во всех) ее пределах. Маслама находился в ту пору в Греции⁹ и вернулся обессиленный и посрамленный. Тогда же греческий царь пожаловал Ашоту титул куропалата¹⁰. Сарацины же были обессилены, а Ашот возвеличен. В Тбилиси не осталось никого из сарацин, кроме сына Али Шуаба. В Кахети мтаваром был Григол¹¹.

В то же время выступил в поход Ашот куропалат, ему вспомоществовал царь абхазов Феодосии, отпрыск второго Леона, что был зятем Ашота куропалата. Явился Григол из Кахети. Поддержали Григола горцы цанары¹² и тбилисский эмир. И сошлись на Ксани Ашот и Григол. Обратили в бегство Григола¹¹, [253] мтавара Кахети, и овладели землями, коих отторг от Картли. Стал владельцем Ашот от Кларджети до Ксани.

Вслед за этим пришел Халил арабиец¹³, сын Изиды, и завоевал Армению, Картли и Эрети. Убили Ашота куропалата¹⁴ в самой церкви в Гардабани¹⁵, и кровь, пролитая им тогда и поныне видна, как свежая¹¹. [254]

И вновь заняли сарацины Картли¹⁶. Удаляясь, Халил оставил там эмиром Али¹⁷, сына Шуаба. Тогда же гардабанцы сговори-

лись и выдвинули хорепископом Дачи¹⁸, сына Иована Квабулисдзе, а после него посадили хорепископом Самоэла Донаури. В другой раз вновь пришел тот же Халил араб. Схватились с ним гардабанцы в Гавазе и обратили в бегство Халила и перебили множество (арабов)//.[255] Вновь сел эмиром в Тбилиси Сахак, сын Исмаила¹⁹. Однако Халил явился в третий раз, но был убит в Джавахети. И явился в Картли сын его Мохаммед. К нему прикнул Баграт, сын Ашота куропалата, и отдал ему Картли.

Выступил с войском тбилисский эмир Саак и стал в Рехи²⁰, а Мохаммед и Баграт забрали (крепость) Уплис-цихе²¹. Пришли кахи гардабанские на помощь Сааку; сошлись в Рехи, и произошла меж ними битва, но ни одна из сторон не смогла преуспеть (и таким образом разошлись). Снялся Мохаммед и удалился в Бардав²².

До сего времени прошло двести девятнадцать лет с тех пор, как явился Мохаммед, заложивший сарацинам основы веры//²³. [256]

Пришел тогда из Багдада турок Буга, холоп Амир-Мумна, пришедшего его во главе большой армии. Сокрушил он всю Армению и увел в полон всех ее мтаваров и (затем) пришел сюда и осадил город Тбилиси, ибо не повиновался ему эмир Саак. Убил Саака, сокрушил Тбилиси, предал огню и разорил все окрестности его.

Но царь абхазов Феодосий²⁴ выступил супротив него и стал в Кверцхоби. Проведав об этом, Буга выставил против (Феодосия) спасалара своего Зирака и Баграта, – сына Ашота куропалата. Схватились и обратили абхазов вспять, погибло множество людей. Царь Феодосии бежал по Двалетской дороге²⁵.

Перед бежавшими вновь (нежданно) предстали гардабанцы в Джварис-Гверди²⁶ и премного навредили (отступавшему) воинству. Как только Буга узнал об этом, всем своим (станом) двинулся и прибыл в Чарталети, расположился здесь, взял у мтиулов заложников триста человек, пытался вторгнуться в Овсети и дошел до Цхавата. Но армянский эристав Абулабаз и Гуарам, сын Ашота, написали мтиулам не впускать (к себе Бугу). Они же принесли в жертву заложников своих. Бог шел им в помощь, ибо когда предстали перед врагами и сразились, начался снегопад. Одарил господь их мощью, и погибло бесчисленное множество воинов сарацинских; и кони их поедали шабину и был большой падеж. Однако числу воинов (неприятеля) не видно было ущерба, ибо было их около ста двадцати тысяч.

Ушел отсюда (Буга) и перезимовал в Бардаве. Схватил сына некоего священника, который сделался здесь мтаваром, и сокрушил Гардабани. Отверз ворота Дарубанда и вывел триста домов хазар и насадил ими Шамкор²⁷. По Дариалану вывел // [257] сто домов овсов и насадил ими Дманиси²⁸, соблаговолил летом

вторгнуться в Овсети. Когда же Амир-Мумн разведал о помыслах племени хазар (против него), он сообщил Буге отдать Картли Хумеду²⁹, сыну Халила. И ушел Буга, а эмиром остался Хумед, сын Халила. И отстранил эмир Хумеда и утвердил Исэ, сына Шихо, из рода того же Хумеда.

А хорепископом³⁰ был Габриел Донаури, брат Самоэла хорепископа. И ушел Исэ³¹, а вместо него пришел другой эмир, Абрахам³². И вновь вернулся (в качестве) эмира сын Халила Хумед и самовластно овладел он всеми этими странами: Арменией (Сомхити), Картли и Рани.

Удалился затем сын Халила (Хумед) и эмиром стал некто по имени Габулоц³³ – из подвластных Саака. Но Гуарам – сын Ашота куроपालата – схватил Гобулоца. и выслал его в Грецию, ибо подчинились ему гардабанцы и усилился (оттого) Габулоц. И Ашот боролся супротив племянника своего отца, брата Гуарама. Гуарам же сумел захватить Джавахети, Триалети, Ташири и Абоци и Артани. И воевал против сарацин: порою одолевал он их, порою – они его. Но Гуарам же поделил страну свою между братьями своими Адарнасе и Багратом; Абоци отдал шурина своему – царю Армении//[258]

В ту же пору пришел Георгий, царь абхазов, брат Феодосия и Деметрэ, сын Леона; силой овладел Картли и поставил эриставом в Чихе сына Деметрэ. Когда же преставился Георгий, царь абхазов, сын Деметрэ пребывал в малолетстве, звали его Баграт, и известен (он) как изгнанник. Супруга царя Георгия умертвила сына Деметрэ, эристава Чихского, соблазнила мтавара Иованэ Шавлиани и тело Баграта выбросили в море. Но господь спас его, и он достиг града Константинополя. И женил царь Иован сына своего Адарнасе на внучке Ашота и дочери Гуарама. Помер Иован, царь абхазов, и царствовал вслед за ним сын его Адарнасе. И Липарит³⁴ овладел землями Триалетскими, воздвиг крепость Клдекарскую и доброхотно сделал своим патроном Давида, сына Баграта//[259]

А Насра, сын Гуарама, и Гурген были на стороне абхазов, Давид и Липарит пособляли армянам, и воевали армяне и абхазы из-за Картли. В ту пору постригся в монахи Гуарам. И по смерти хорепископа кахов Габриеле Донаури, хорепископом воссел Фадла аревманский, личность мудрая и (хорошо) сведущая в делах.

В ту пору сын Гуарама Насра заманил (к себе) Давида, сына (царя) Баграта, двоюродного брат своего* и умертвил его//[260]

И супротив Насра стали враждовать армяне, Липарит и картлийцы, и Ашот – брат Давида, а заодно с ними сарацины. Сразились с Насра и вынудили его бежать³⁵. И отобрали у него крепости. Отбыл (Насра) в Грецию к царю греческому.

И помер Гуарам, сын Ашота, и погребли его в Опизе³⁸, повторно им отстроеном//[261]

Баграт же, сын абхазского царя Деметрэ, находился в Греции, в Константинополе. Царь Греции дал ему войско и отправил его морем, и тот на кораблях подступил к Абхазии. Убил он Адарнасе, сына Иована, и овладел Абхазией, женился на вдове его, дочери Гуарама. Привел Баграт, царь абхазов³⁷, своего шурина Насра и дал ему свое войско. Насра же овладел тремя, Гуарамом построенными, крепостями в Самцхэ: Одзрахэ, Джаварисцихе и Ломсиана³⁸.

Пришли Гурген и Адарнасе, сын Давида, вспомоществовали (им) армяне, вступили в бой на берегу Куры; одолели абхазов, убили Насра и мтавара овсов Бакатара и эристада абхазов//[262]

А хорепископ Фадла усилился и подчинил себе гардабанцев. После него хорепископом сел Квирикэ. (Страной) Картли владели азнауры.

В ту пору пришел Констант, царь абхазов, овладел Картли. Против него стал враждовать царь армян Сумбат Тиезеракал; двинулся с войском большим и подступил к Уплисцихе, собрали вьючные седла, положили их друг на друга, поднялись по ним и (таким образом) хитростью овладели крепостью. Однако добром породнились Сумбат и Констант и вернул он ему Уплисцихе и всю Картли.

После этого пришел (в Картли) эмир агарянин по имени Абул-Касим, сын Абу-Саджа³⁹. Его направил сюда эмир – Мум⁴⁰ с бесчисленно великим войском, которого не вмещала (наша) страна. Сперва он вторгся в Армению, сокрушил всю Армению, Сюник, Ваедзор и Васпуракан. Армянский царь Сумбат, не устояв против этой грозы, спасся бегством и обратился к горам абхазским, где и пребывал//[263]

И пришел сын Абу-Саджа (Абул-Касим) в Тбилиси, в котором эмиром в ту пору был Джафар сын Али⁴¹. Явился и подступил к Уджарме⁴². В ней стояло триста человек, и воевали много дней. И когда они смекнули, что не в силах были противостоятъ, (то) оставили (крепость) ночью и бежали: одни скрылись, прочих настигли люди (Абул-Касима) и истребили. Как только узнали защитники Бочормы о падении Уджармы, покинули крепость (свою) и бежали. Когда же пришли (неприятели) и увидели ее безлюдную, удивились: «Отчаянно сражались из-за загона⁴³, а (собственно) крепость-то (запросто) покинули». Взяли Бочорму, заняли крепость, а ограду Уджармы срыли.

Хорепископ же Квирикэ, видя, что иссякли силы его, вверился клятве, пришел и увидел (Абул-Касима); а он спросил: «По чьему совету ты пришел сюда?» Тот отвечивал: «По совету матери

моей». И тот сказал: «Не причиню боли сердцу единокровного чада матери». И возлюбил (хорепископа) за доблесть его и отпустил, но Бочорму оставил себе.

После этого он вторгся в Картли и опустошил ее. Но прежде чем (он успел) войти, (кارتлийцы) сами срыли ограды Уплисцихе, дабы (арабы) не сумели им завладеть. Оттуда (Абул-Касим) отправился в Самцхе, разорил Самцхе и Джавахети, подступил к крепости Тмогви⁴⁴. Но как только испытал твердость ее и мощь, удалился отсюда в Квели, осадил ее и приступил к бою.

Был в ней юноша по имени Гоброн. Совместно со сверстниками своими он ежедневно устраивал отважные вылазки.

Когда же супостаты взяли крепость, схватили (они)// [264] святого Гоброна и замучили. Мученичество его подробно описано святым отцом нашим епископом Стефаном Мтбевари⁴⁵. Поднялся (Абул-Касим) оттуда и двинулся на город Двин⁴⁶. Явились и сообщили (ему), а именно: царь Сумбат вступил в крепость Капоети⁴⁷. Стремглав снялся с места и повелел воинам своим не пропускать живой души, не представив их ему. Пришел и подступил к крепости Капоети и всех (жителей), оказавшихся вне крепости, со всеми их домочадцами прибрал к рукам. Потому-то и сдали крепость и схватили Сумбата. Забрал (Абул-Касим) его в Двин и умертвил, вздернув на дереве.

По прошествии после этого нескольких лет и как только страна приустроилась, призвал хореписком Квирике абхазского царя Константа; вступили они в Эрети и осадили крепость Вежины⁴⁸. Царь абхазов подступил с вышних мест, а Квирике же – с нижней стороны. И когда осада подходила к концу и (должны были) взять крепость, явился патрикий Адарнасе и в Параскевис-джвари⁴⁹ предложили мир. Отдал царю абхазов Ариши⁵⁰, Гавази⁵¹, а Квирике – Орчоби⁵². И как только примирились – разошлись. Пришел царь абхазов Константин⁵³ и молился в Алаверди пред святым Георгием и украсил образ его золотом. А большую часть своего войска отправил в путь обратный. Хорепископ Квирике оказал ему отменные почести и (Констант) удалился в собственную страну.

Спустя немного дней после этого преставился Константин, царь абхазов, и в стране абхазов на некоторое время наступила смута. Ибо было у Константа два сына //: [265] старший и другой, младший, рожденный от второй жены. Старшего звали Георгий, младшего – Баграт. И была меж ними жестокая усобица, о чем подробно сказано в их Жизнеописании.

Баграт же этот был зятем эристава эриставов Гургена; помогал Гурген ему всеми силами своими. И до смерти Баграта не было мира. А со смертью его царство сполна принял царь

абхазов Георгий⁵⁴. Был он преисполнен всякой добродетели, мужественный и многосильный, боголюбив и более всего устроитель церквей, милосерден к убогим, щедр и кроток и исполнен всякого добра и благодеяний. Он устроил и управил все дела в отечестве и царстве своем возвел храм в Чкондиди⁵⁵, образовал епископат и украсил его мощами многих мучеников.

В ту пору преставился хорепископ Квирикe и воссел хорепископом сын его Фадла; он воздвиг крепость Лоцобанскую⁵⁶. В эту же пору вторглись сарацины, коих именовали Саджами. Полонили Кахети, спалили Джвари во Мцхете⁵⁷ и удалились; ушли и захватили с собой крест пречистый и разрушили его. Но обуял их недуг живота и порешили они, что пострадали от (того) креста. Собрали его части и вернули в Джвари, водрузили на место прежнее, уложив его собственное же гнездо//[266]

А в Эрети до царствования Ишханика первоначально все были в еретиках. А Ишханик был племянником* эристава эриставов Гургена, и мать его царица Динар обратила в православие. А салары⁵⁸ овладели тогда Бардавом и Адарбадаганом.

А Георгий, царь абхазов, отдал Картли старшему сыну своему Константу//[267]

Как только миновало три года, стал (Констант) враждовать против отца своего и посягать на царство. И когда стали явными дела его, укрепился он в Уплисцихе, и здесь примкнули к нему тбетцы и много других азнауров.

Но как только царь Георгий убедился в отложении собственного сына, выступил в поход со всеми своими силами, привел тайских царей, хорепископа Фадлу и подступили (совместно) к Уплисцихе. Произошло сражение многодневное, но так и не принесли уцербя крепости, ибо находилось в ней множество (людей). В дни некоторые вступали в схватку конные, в дни некоторые – пешие.

Тогда царь Георгий стал сманивать (сына своего) с помощью азнауров из Сазвере⁵⁹ следующим образом: «Выходи, и мы отправим тебя в Абхазию, ты сделаешься там царем, а отец твой останется без (престола)». Он же поверил и доверился, но азнауры, что были при нем, советовали ему не поддаваться уговорам, однако он не внял им. Ночью один вышел он на плоту в Куру. И как только отчалил от берега Куры, стремглав кинулись на него, дабы схватить. Поняв их вероломство, он направил плот обратно, чтобы вновь войти в крепость. Не управились они с плотами и провалились на том же месте, где остановились их плоты. Поднялся шум, вышел царь и с ним все воины; окружили крепость снаружи. И с рассветом стали разыскивать. Он же, выбравшись из воды, вошел в расщелину скалы и скрывался там. Обнаружил его

некто человек ничтожный, схватили и представили царю, а царь покарал его немилосердно: вначале выжгли глаза//,[268] затем оскопили, и он умер. Азнауров же, что стояли в крепости, вывел на честном слове, тбетцев отпустил с миром и отправил их в Васпуракан⁶⁰.

Преставился хорепископ Фадла и хорепископом стал Квирике. Затем отложились азнауры гардабанские и начали стовариваться с царем Георгием. Выступил царь Георгий в поход, вошел в Кахети, сжег ее и сокрушил и вернулся в собственную же страну. Затем расположился в Атени⁶¹. А сын его Леон был эриставом Картли и вновь настроил войско на подход в Кахети. Но Квирике, поняв, что невмочь ему противостоять, предстал перед ним. Однако вновь коварно замыслил бежать, но схватил его (Леон) и ушел в Кахети, чтобы забрать его домочадцев. Однако те бежали, ибо осведомили их о том азнауры Картлийские.

Брат хорепископа Квирике – Шурта примкнул к царю Георгию и поднес ему крепость свою Уджарму; завладели и другими крепостями кахетскими, за исключением трех: Нахчевана, Бочормы и Лоцобани.

(Крепость) Лоцобанская, принадлежала Иванэ Аршис-дзе. Он усилился и предал патрона (своего). Возвели Шурис-цихе и разместили в ней воинов. Крепость Марани находилась тогда (под властью) Хахуа, тоже Аршис-дзе, брата Иванэ; подобно своему брату он пытался держать крепость мощной дланью. Пришел царь и повелел устроить схватку войск. Овладели они искусно и схваченного Хахуа представили перед царем; царь отправил его и заточил в Джикети⁶².

Крепость Нахчеван принадлежала Фадле, сыну Квирике. Он также укрепился изнутри. Хорепископ Квирике, видя как ему недоставало сил, попросил гарантии// [269] того, что отпустят его живым и даровал царю Георгию Кахети. Но царевич Леон не помышлял отпускать Квирике, ибо и в первый раз не было на то его воли, но отец не послушался его. Квирике просил условия не брать в эту зиму крепость Бочорму и уйти после пасхи. Просьбу его уважили. Поэтому взяли крепость Нахчеван, а в качестве заложника – младшего его сына Давида, и отпустили в день Сретения.

Царь отправился в Абхазию, а Квирике вошел в Бочорму готовился, помышляя уйти после пасхи. Тогда стоворились с ним азнауры картлийские и заодно кахетские: Годердзи Мгдеури, Мама Канчаели, Дачи Коринтели, Дачи и Иванэ Схвилосели, братья Сара и Григол Пхвенели и совместно с ними пятьдесят других азнауров и примкнули к Квирике. Начали они отвоевывать крепости и в течение немногих дней захватили все; разрушили кре-

пости Шурисцихе и Лоцобанскую и вновь стал Квирике владеть своей вотчиной.

Пришли к царю Георгию и поведали о захвате Кахети. Тяжела была ему эта весть и стал винить всех тех, кто подвигнул его на отпущение хорепископа Квирике. И когда же прошла эта зима, вновь отправил свое войско под предводительством сына своего Леона. Вторгся он в Кахети и сжег ее. Во время этого похода сообщили ему весть: кончину великого и боголюбивого царя Георгия. Леон тут же призвал хорепископа Квирике, встретились они в Базалети⁶³, на берегу озера, сопутствуемые по одному всаднику и беседовали целый день, прежде чем (Леон) сообщил о кончине своего отца. И высказал любовь и поведал о желании сделать сына его (хорепископа) зятем своим. Как только услышал о том Квирике⁶⁴, [270] спешился и с благодарностью поклонился ему, возрадовался он миру и любви, но более всего – сватовству.

Вернулся Леон⁶⁴ и распростер власть на вотчину и царство свое, ибо тогда же вступил в Абхазию. Умножил господь царство его, подобно отцу его. И был он также боголюбив и преисполнен всякого добра. Он построил церковь в Мокви⁶⁵ и превратил его в храм епископства, благословил и сотворил всякий порядок. И как только он окончательно овладел царством своим, выполнил обещание, (данное) им хорепископу Квирике – выдал сыну его дочь свою в жены. Но спустя немного времени умерла дочь Леона. Вновь начал (Леон) враждовать против Квирике и посягать на Кахети. Двинулся в поход во главе огромного войска и расположился на берегу Арагви; изничтожил Мухнари⁶⁶, Херки⁶⁷ и Базалети. Во время этого похода он занемог, вернулся и помер.

Вслед за ним царем стал Деметр⁶⁸, брат Леона, и овладел (страной) Картли. Но на устройство царства его ушло некоторое время. Был у него в Греции брат Феодосий, и люди некие страны нашей призвали его, дабы пошел он на брата своего. Ибо еще при жизни великого царя абхазов Георгия были посланы на воспитание в Грецию два сына его, Феодосий и Баграт, дабы после смерти его не было бы промеж них ссоры и борьбы.

Выступил Феодосий из Греции, пришел в Самцхе, стал у Маргис Мере⁶⁹, призвал месхских азнауров, собрал вокруг себя воинов, стремясь самолично овладеть вотчиной своей. Но царь Деметр⁷⁰ двинул на него воинов своих, нагрянул врасплох и прогнали Феодосия. Ушел он в Картли и обратился к Адарнасе – мтавару Дзамскому; ввели его в крепость Дзама⁷⁰ и в окрестностях ее промышлял он дела свои⁷¹. [271]

Тогда царь Деметр⁷¹ направил (против них) собственную рать. Подступила она к крепости Дзама, и длилась осада около трех месяцев. Весьма разорили окрестности крепости. Когда им стало

невмоготу, просили клятвы и заверений, что отпустят Феодосия и отправят его с миром. Они исполнили то и выпроводили (Феодосия) с миром. Пошел он к Давиду куропалату и провел у него год.

Вновь он двинулся из Тао на Кахети. Тогда прислал царь Деметрэ Феодосию и хорепискому Квирикке посла его со словами: «Ввиду того, что брат мой явился из Греции, не прервется между нами усобица, доступная (описанию) слова человеческого. Теперь же ты ходатайством своим примири меня с братом моим и да будем оба равно владеть отчиною своей, как некогда были мы с Леоном; прими от меня заверения и посредников, а я с благодарностью восприму деяние твое». В ответ на эти слова царя Деметрэ, хорепископ призвал Феодосия и склонил его довериться (царю) и говорил: «(В случае чего) я буду мстить за кровь твою». И, (таким образом) доверив Феодосия брату, отправил его.

И повели его с клятвой и гарантией и поклялись перед Столпом животворящим католикос, архипастыри и вельможи все //.[272] И предстал Феодосий пред братом своим и провел у него немного дней. Но Деметрэ забыл ходатайство божье и людское и дерзнул преступить клятву: схватил он Феодосия и выжег ему глаза. Когда же узрели это воочию пребывающие в отчине их, стали выставлять (в цари) брата его, коего именовали царем Чала. Но не в силах оказались осуществить это, ибо был Деметрэ сильным и отважным. Когда же преставился царь Деметрэ, все жители страны, видя, что не осталось (у царя) преемника в Абхазии и Картли, вывели Феодосия и утвердили его царем.

Тогда пришли кахи и подступили к Уплисцихе. Был в ту пору в Картли эриставом Иванэ Марушис-дзе, человек, сильный и многолюдный. Он представил пред Давидом куропалатом посла своего и предложил выступить с войском своим и взять Картли: или завладеть ею самому, или пожаловать ее Баграту, сыну Гургена, сына дочери Георгия – царя абхазов – и которому принадлежали со стороны матери Абхазия и Картли. Этот же Иванэ Марушис-дзе хотел (сделать) царем Баграта. Выслушав все эти слова Иванэ Марушис-дзе, выступил Давид куропалат и двинулся всеми силами своими и пришел в Картли. Узнав о приходе его, кахи удалились, словно беглецы, и оставили ему Картли.

Пришел Давид куропалат и прибыл в Квахврели⁷¹, явился к нему Иванэ Марушис-дзе, принял от него Давид Уплисцихе и пожаловал его Баграту и отцу его Гургену, ибо не было сына у Давида куропалата, а Баграта, сына Гургена, он усыновил//.[273]

Сей Давид куропалат возвеличился более всех царей таойских//.[274] Ибо прежде всего был боголюбив и милостив к обездоленным, не горделив, миротворен и незлопамятлив, созидатель

церквей, ласков и щедр, человеколюбив, покровитель монахов, паче добродетелен и преисполнен всякой благодати. Он воздвиг монастырь и храм божий – святую церковь Хахульскую⁷².

Когда же он двинулся в обратный путь, то оставил в Уплисцихе Гургена и сына его Баграта. В ту пору Баграт пребывал еще в несовершеннолети, и поэтому (Давид куропалат) поставил ему в сопровождении отца его Гургена. Созвал (Давид куропалат) картлийских азнауров и повелел: «Он есть преемник (царя) Тао, Картли и Абхазии, сын и воспитанник мой, я же его попечитель⁷³ и пособник; повинуйтесь ему все». Побыл он (здесь) еще немного дней и ушел в Тао. С истечением после этого некоторого времени, наступило новое злостное вероломство, как это заведено в обычаях картлийских азнауров: сговорились с азнаурами из Накурдеви и Саботари⁷⁴ и привели войска из Кахети; сдали Уплисцихе, схватили Гургена и сына его Баграта и царицу Гурандухт и увели в Кахети.

Тяжела была Давиду куропалату весть об этом. Со всеми силами своими вошел он в Триалети, дабы (затем) вторгнуться в Кахети. Когда же кахи узнали (об этом), послали ему гонцов и предложили условия перемирия: отпустили Гургена и Баграта// [275] и царицу Гурандухт, вернули Картли и Уплисцихе, а крепости Цирквали и Груи⁷⁵ оставили за собой. В ту пору Уплисцихе и Картли владела царица Гурандухт. Сия царица Гурандухт была дочерью Георгия, царя абхазов и матерью Баграта.

Прошло с тех пор три года, в Абхазии царствовал Феодосий Слепой. Разлагалась вся страна эта, сменились законы и правление, установленные первыми царями⁷⁶. Взирая на все это, пребывали вельможи той страны совместно в великой печали.

Тот же Иванэ Марушис-дзе изъявил волю привести Баграта царем в Абхазию. Вместе с ним все вельможные эриставы и азнауры Абхазии и Картли выпросили Баграта себе в цари у Давида куропалата. Он же нехотя и с большим трудом выполнил их желание, ибо, как я уже говорил о том, бездетным был Давид куропалат, Баграта же усыновил и воспитал для владения обеими частями Тао. Лишь когда остались страна Картлийская и Абхазия без преемника, отдал им, по уговору, а взамен забрал заложников.

Привели его в Абхазию, благословили на царство, и повиновались все воле его, ибо он уже был в возрасте совершенном. По прошествии после этого двух лет начал он править и радеть об исправлении дел, подобно деду своему, великому царю Георгию. И добавлю я, что во всех деяниях своих уподобился великому царю Давиду куропалату; а люди познали при нем свершение всякой добродетели. Отправил он царя Феодосия и дядю своего* в Тао к Давиду куропалату, ибо увидел // [276] в этом лучший исход

дела, дабы люди всякие – большие и малые – были бы в доброй надежде на него или в страхе пред ним за допущение беспорядков.

Вслед за этим пришел он в Картли с целью поправить дела расстроенные картлийские. Вступил в Тигву⁷⁷. Но в ту пору некоторые азнауры картлийские не желали прихода его, ибо розно правили делами картлийскими, хотя и пребывали в повиновении у Гурандухт.

Выставили они главарем Кавтара Тбели, отважились на борьбу и расположились у подступов к Могриси⁷⁸. Видя это, царь абхазов Баграт бросил клич своим воинам, и противники сошлись. Бежали картлийцы: одних перебили, других схватили живыми, прочие спаслись бегством и рассеялись. Вступил (Баграт) в Уплисцихе, отобрал крепость (Уплисцихе) у матери своей, пробыл (здесь немного) дней, несколько поправил дела картлийские; забрал свою мать и ушел в страну Абхазскую. И словно кормчий многоопытный, управил он дела абхазские. Так что мало было людей, кто бы мог увидеть непокорных, вместо коих были возвышены верные и благонадежные ему.

После этого прошло несколько лет. Правил в ту пору в Клдекарской (крепости) эристав Рати, во власти которого были Атенская крепость и все земли Картли к югу от Куры, Триалети, Манглиское ущелье и Сквирети⁷⁹; не повиновался он подобию Баграту.

Царь Баграт тайно собрал все свое воинство и вступил в Картли с целью захватить эристава Рати. Тогда же спешно поставили в известность Давида куроपालата, сказав следующим образом: «Отправляется он не куда-нибудь, // [277] но приготовился убить тебя». И Гурген, отец Баграта собрался в путь к сыну своему. Но Давид куроपालат спешно двинулся, собрал рать свою и созвал всех царей Армении. В ту пору еще был жив дед Баграта, картвельский царь Баграт, который также явился к Давиду куроपालату, опасаясь посягательства собственного сына Гургена на царство. И с войском огромным, коему не было числа, пришли и разместились в Дливе⁸⁰ и пустили рать на Гургена. Отправились навстречу Гургену и сошлись в Гардатхрили⁸¹, у начала Шавшети; прогнали Гургена, удалился беглец и скрылся в крепости Цепти⁸².

В ту пору Баграт вступил в Триалети и стал в Карушети. Отправил посланника, осмотрел войска и понял, что невмочь ему противостоят Давиду куроपालату. Тогда он оставил войско на своем месте и сам единолично предстал пред ним; просил прощения и заявил: «Пришел я не за чем-нибудь, но лишь из-за неповиновения Рати». Он же отпустил его, сказав: «Говорили мне, что пришел ты, чтобы умертвить меня, но ныне я узнал истину о твоей

невиновности и даю тебе свободу против Рати: подчини себе его угодным тебе образом».

И вернулся он преисполненный радости и пошел вновь в Абхазию, дабы не дать Рати повода для подозрений и напасть на него внезапно и врасплох. С наступлением зимы явился он со всеми своими силами и подступил к Клде-Карской (крепости). Видя это, Рати со своим сыном Липаритом вышел вон (из крепости)//, [278] взмолился царю абхазов Баграту и отдал Баграту собственную крепость, сам же сел в вотчине своей Аргвети.

Когда вновь прошло с тех пор некоторое время, как сказано мною вначале, (царь Баграт) привел в порядок и (наладил) правление всех дел абхазских: непокорных ему отстранил от дел вельможных, а их места насадил верными, беспрекословно исполнительными и покорными воле его. И преуспел он в правлении своем более прочих царей Абхазии и Картли. И умножилось войско его, как ни в одно из прежних времен.

Двинулся всем своим войском, вошел в Картли, отправил послов в Кахети и (стал) домогаться находившихся под властью (правителя Кахети) картлийских крепостей. Хорепископом в то время был Давид⁸³. Он не изъявил желания сдать крепости и ответил так: «Поелику ты посягаешь на крепости, пусть убедят нас мышцы и битва. Я же предстану пред тобой на Ксани».

Разгневался Баграт, царь абхазов и картлийцев. Куропалат был в ту пору в Дливе, где правил он делами Тао и Картли. А Тао он самолично владел по кончине отца его царя царей Гургена. Послал он спешно (ему) представителя//,[279] пригласил войска абхазские и картлийские, сам же двинулся с воинством из верхней части своих владений, прошел Триалети, прошел Мцхетский мост⁸⁴ и примкнули к нему абхазы и картлийцы. Расположился в Тианети и начал громить Кахети. И не мог ему противостать Давид, ибо неисчислимы были силы (Баграта). Начал воевать против крепостей в тогда же обрел страну Эрети, поставил мтаваром Абулала^{8!} и вернулся восвояси.

В ту же самую пору, когда вернулся царь абхазов Баграт, вновь откололись люди Эрети и примкнули к Давиду⁸⁶ (и) занял Давид Эрети. Спустя некоторое время после этого он помер. Вновь вошел Баграт со своими войсками в Эрети и во второй раз занял ее. Самолично прибрал царицу Динар стал посягать на Кахети и силами своими недосыгаемыми захватил крепости кахетские. Запер Квирике в Бочорме, в течение года осаждал крепость войском, а затем взял Бочорму. Завоевал он полностью Эрети и Кахети, захватил Квирке и держал его при своем дворе.

В ту пору возвысился эмир гандзийский Фадлон⁸⁷ и начал непрерывно теснить эриставов эретских и кахетских, время от вре-

мени устраивать коварные разбои, опустошения и полон. Видя наглость его, великий царь Баграт разгневался и преисполнился мести. Привел в готовность всю свою рать отправил гонца к шаханшаху Гагику – царю армянскому призвал его на месть Фадлону. Тот же весьма возрадовался спешно собрал все//[280] свое воинство и пришел и предстал перед царем абхазов Багратам. Сошлись оба в Дзоракерте. Двинулись против слишком обнаглевшего Фадлона, ненавистника христиан, всеми мерами помышлявшего о погибели слугителей креста. Но как только он увидел силы их непобедимые, оробел, повернул вспять, отступил с намерение скрыться в укреплениях.

Великий и облаченный мощью царь Баграт полонил земли Рана, подступил к городу Шамкору, выставил у стен его камнеметы и в течение немногих дней раздробил стены Шамкора. На следующий день он намеревался сокрушить и захватить этот город. Но в ту ночь Фадлон отправил к ним посланника с просьбой о пощаде; обещал служить ему в течение всей своей жизни, согласился на дань и письменно заверил самолично выступить против его супротивников. Тогда велел (Баграт) всем вельможам собраться пред собой и прежде всего повелел им держать город тот своими силами. Рассмотрели, рассудили и доложили, что это никому не по силам, а паче потому, что из-за прочих военных дел не было у них досуга.

Вновь повелел он собраться и вынес решение заключить с Фадлоном мир. И все они, по разумению своему, признали это решение лучшим и предложили мир. Отправил он посланника и через него сообщил об истинном мире. Тогда Фадлон преисполнился великой радости и все обещанное на словах исполнил на деле: сделал подношения великие и неисчислимы, одарил всех вельмож дарами обильными, и вернулся (Баграт) к себе победителем//[88. [281]

Этот великий царь построил Ведийский храм⁸⁹ и основал в нем епископат, заменив им Гудаквский епископат, пожертвовал множество сел со всеми ущельями и местечками, создал для него уложение, рукоположил и посадил епископа. И если кто соблаговолит узреть и убедиться в величии Баграта, пусть прежде глянет на великолепие Бедийской церкви и воистину чрез нее познает, что не было равного ему царя в стране Картлийской и Абхазской.

Он благословил церковь в Кутаиси великим и беспримерным уложением, ибо собрал всех ближних царей и католикосов, священноучителей и настоятелей всех монастырей и всех вельмож из Верхних и Нижних⁹⁰ земель его вотчины и царства, а также находившихся во всех прочих государствах.

Сей Баграт, царь абхазов и картлийцев, превзошел всех царей совершенством правления. Угождавшие ему и к нему стремившиеся – все сполна стали государями, а разделявшие с ним власть стали рыцарями-вассалами ему подвластными и (нелицеприятно) верными. И покорил господь ему врагов и супротивников его; одарил страну его миром и покоем твердым//[282] И не в силах кому-либо обстоятельно живописать все деяния его, из коих я поведал лишь малость, дабы сохранить их в памяти беспредельных времен.

Скажу и то, что после великого царя Вахтанга Горгасала не являл нам никто подобного величия, мощи и всякой мудрости; был он созидателем церквей, милосерден к убогим и для всякого люда – вершителем правого суда//[283]

Царствовал тридцать шесть лет и увенчанный старостью чудесной преставился в кроникон двести тридцать четвертый*, мая седьмого дня в пятницу. В день кончины своей пребывал он в Тао. И прах его забрал эристав эриставов Звиад и упокоил в Бедии.

Царем после него стал сын его Георгий. Он также был преисполнен всякой благодати//[284]

Этот же царь Георгий распространил власть свою на всей вотчиной своей в пору отрочества и юности, ибо стал царем, когда ему было (всего) двенадцать лет.

На седьмом году его правления* двинулся на него царь Греции Василий со всей ратью греческой и бесчисленным иноплеменниками⁹¹. Однако Георгий выступил супротив него с многочисленным воинством. И много дней оба стояли лагерем на земле Басианской, не вступая друг с другом в сражение. Уклонился царь Георгий (от схватки), вступил в город Олтиси и сжег его. Оттуда выступил в Колу, и царь Греции Василий стал преследовать его по пятам, оказавшись у него в тылу. Схватились ариергарды войска Георгия и авангарды войска Василия и произошла большая битва в деревне, именуемой Ширимни⁹². Было перебито множество с обеих сторон, были убиты вельможные эриставы** Рати⁹³, сын Липарита, и Хурси. Но поздно дошел слух до царя Георгия//[285] о том, что идет бой против замыкающих (его рать) воинов. Тут же по повелению его все войско спешно привело (оружие) в боевую готовность. Рванулся вперед сам царь Георгий во главе воинов своих, ибо был он отважен и совершенно бесстрашный, словно бестелесный, и вместе с ним множество воинства его. Подоспел и Василий со всем своим войском. Расположились друг против друга и произошла битва мощная. Сокрушили множество греков, захватили трофеи. И затянулась меж ними битва настолько, что царь Василий стал готовиться к бегству.

Но смалодушничали грузины, повернули и двинулись вспять. Настигли их греки и зарубили множество (грузин). Достигло войско (греков) Артани, захватили и разрушили; ее. Когда же царь Георгий отбыл в Триалети, (Василий) пошел за ним следом, сокрушил страну Джавахети и прошел Триалети. Вновь сошлись они, ибо Георгий укрепился, призвал силы из Кахети и Эрети, но не дали ему (возможности) вторично вступить в бой.

Удалился царь Василий из Триалети, прошел через Джавахети и Артани. И вновь с большим, чем прежде, рвением и мстительностью разорил эти земли; ушел и стал на зимовку в стране Халдийской, неподалеку от города Трапезунта. И (стали) обмениваться они послами для утверждения мира и любви.

В ту пору в Греции произошла великая смута. Объединились Спаспет⁹⁴ и // Царвез, сын отступника Фоки, и прибрали земли восточные. Василий оробел весьма. Однако уважил бог ему: Ксифий умертвил Царвеза и союзники отложились от мятежников. Ксифия же постигло возмездие за лживость (в отношении) Царвеза, ибо заманили его в крепость Даласаносы и схватили его в отместку за кровь сына Фоки, доставили // [287] царю Василию, а тот сослал его на какой-то остров. И таковым же многим мечами отсекали голову, среди коих был и Перис, сын Джоджика,⁹⁵ родом из Тао, прочие же были греки.

Вновь вернулся Василий, вступил в Басиани, стал домогаться земель и крепостей, обещая мира и согласия. Поняв (ситуацию), царь Георгий отправил эристава Звиада с его же воинами и велел, соблюдая мир, на некоторое время отвлечь (Василия), а сам же последовал за ним с большой ратью. И рассудил он так: «Коли пожелает царь Василий мира – да будет так, но уж если пожелает войны – будем готовы и к ней». Кто же не желал оставаться в мире, стал готовиться к войне. И подошли к Василию, готовому к бою и расположенному лагерем, который греки именуют свидоксом.

Началось сражение, и обратили в бегство часть войска его (Василия). Рассвирепел царь Василий, велел принести дерево животворящее и распростер на земле плат пречистый и произнес: «Боже! Коли предашь меня во вражьи руки, не поклонюсь я тебе вовеки». Из-за затянувшегося сражения были обращены // [288] вспять воины грузинские, и множество бегущих было посечено (вражьими) мечами, другие же схвачены в полон. Забрали (греки) добычу обильную и тут же имевшуюся царскую казну.

И стал преследовать царь Василий (грузин). Но вновь по-прежнему приступили к мирным переговорам, ибо (Василий) больно опасался мятежа в Греции. И положили мир и договор⁹⁶. Отдал царь Георгий в заложники сына своего трехлетнего Баграта и

крепости, что прежде выдали ему (Василию) азнауры, а также прочие крепости, прежде пожалованные (Василием Багратионам), и затем четырнадцать крепостей, а также земли, коими владел Давид куроупалат в Тао, Басиани, Кола-Артани и Джавахети. Некоторые же церкви, деревни и местечки этих земель пожаловал царю Георгию⁹⁷. И удалился царь Василий и увел с собой заложником царевича Баграта, сына царя нашего Георгия//,[289] дав клятвенный обет, а именно: «На третий год верну сына твоего». И был он в течение трех лет в царственном граде Константинополе. И на третий же год вернул, как и обещал⁹⁸.

Когда он возвращался в вотчину и царство свое, то его сопровождал катепан востока до рубежей его вотчины. Но как только тот повернул обратно, его настиг мандатур предъявил катепану письмо царя Константина, в котором было писано следующим образом, а именно: «Волей божией преставился желанный брат мой, царь Василий и вместо него царем всей Греции становлюсь я. И каких бы пределов моих владений ни достиг Баграт, сын государя абхазов Георгия, верните его с поспешностью великой, дабы предстал он пред нами».

Когда же он прочел повеление царя, то проявил готовность вернуть (Баграта) обратно, соответственно данному указу. Мгновенно вернулся, дабы настичь (царевича). Когда же он приблизился (к цели), то увидел, какое великое множество предстало пред ним: вельможные эриставы и азнауры таойские, месхи и картлийцы, числу коих не было предела. Тогда отошел он в сторону и сказал подоспевшему мандатуру: «Ежели ты в силах, увлечи его, мне же сделать это теперь невозможно»//. [290]

О, великое чудо и милость божия! Как скоро ты спас невинность (Баграта) из рук тех, кто вероломно замыслили; возвращения его. И ежели кто (изъявит) желание узреть подобное поспешение господя, зрите и испытайте неисчислимую милость господню, оказанную оному царю абхазскому Баграту, и которая не постигла ни одного из прочих царей, о чем постепенно поведаст вам предлежащее слово.

Когда же он уже предстал пред отцом своим царем Георгием в доме его в Кутатиси, узрели и родители сына своего, подобного им, невиданного и неизреченного добродетелями; совершенного ликом, о доблестях которого не в силах глаголить устам человеческим. Узрев его, возрадовались несказанно и благодарствовали бога. Стоял в ту пору кроникон двести сорок пятый*.

Спустя два года, в лета почти молодые, преставился царь Георгий, преисполненный всякой добродетели, подобного которому не было среди предков его: по силе, молодечеству храбрости, статью и ликом, познаниями//,[291] совершенный в управлении цар-

ством. (Умер он) в кроникон двести сорок восьмой**, в августе шестнадцатого (дня), на Триалетской земле, в местечке, что именуется Мкинвари или Ицрони. И оставил он по себе людям своей вотчины и царства скорбь и печаль. Скорбели все о добродетели, юности и доблести его. Понесли его и погребли в храме в Кутатиси.

Осталось у него четверо детей: сыновья Баграта и Деметрэ, да дочери Гурандухт и Ката; пятое дитя его Марфа была (до того) усопшей. После смерти великого царя Георгия девятилетний Баграта тут же был возведен в государи всей вотчины и царства своего Верхнего и Нижнего.

В ту же пору удалились в Грецию таойские азнауры: Ваче Каричис-дзе, Банский епископ Иован и с ними заодно множество азнауров таойских⁹⁹. Царь же Константин¹⁰⁰, спустя, примерно, год, отправил бесчисленное войско во главе с паракиманосом¹⁰¹//.- [292] Оно явилось и вторгло и разорило те же земли, что (в свое время) были разорены царем Василием. Вступило (войско) в Триалети и подступило к крепости Клде-Карской, (которая) в ту пору принадлежала сыну Липарита – эриставу эриставов Липариту. Собрал (последний) и прочих азнауров, укрепились в Гандзах и под крепостью схватились (с византийцами). Когда же паракиманос увидел, что ничем не повредит (осажденным), повернул вспять. Тогда же ушел в Грецию Чанчахи Палели, сдал грекам крепость Гарклубскую и примкнул к ним. И Арджеван и Холлолас-дзе также сдали грекам крепость Церептисскую¹⁰².

Когда же узрел Саба – епископ Тбетский, – что в Шавшети не стало более сил, воздвиг крепость на вершине Тбети, прибрал к рукам земли Шавшетские, проявил твердую верность царю абхазскому Баграту. Уважил господь ему и не отторгли враги у него страну его. Ибо в ту пору отправили паракиманос и проедрос¹⁰³ хартулара¹⁰⁴ Иована Банели, (который) повел с собой также Валанга с большим войском и присовокупил к нему Деметрэ Кларджа¹⁰⁵, сына Сумбата, с целью переманить население страны¹⁰⁶ и тем самым привлекли к себе многих из мелкого люда. Вступил в ту же крепость Эзра Анчели, и все азнауры, (что выразили) ему единодушие, примкнули (к нему) в той крепости и укрепились паче//[293]

Крепость же Артануджская принадлежала эриставу Иовану Абусеру. В те времена в стране этой происходили войны, распря и множество взаимных набегов. И потому как чрезмерно волновалась страна эта, вновь уважил господь Баграту, царю абхазов и картлийцев. Постиг недуг смертельный царя Константина. Написал он (письмо) паракиманосу проедросу, отозвал обратно. Тот же спешно пошел (на зов), но прежде чем достиг (Константинополя),

преставился Царь Константин. Перед кончиной посадил он другого царя, коего звали Романоз¹⁰⁷ и выдал ему в жены дочь свою Зою//[294]

На третий год после этого царица Мария, мать царя абхазов Баграта, отправилась в Грецию искать мира и согласия, а также выхлопотать сыну своему сан куропалата, как заведено то в обычае и распорядке их дома, да привести сыну невесту.

Когда же предстала она пред царем Греции, тот с радостью исполнил все желания ее: дал клятву и гарантию союза и любви, и составил золотопечатную булу, пожаловал (Баграту) сан куропалата и выдал в замужество ему царевну Елену//[295]

Вернувшись в вотчину сына своего, в страну Тао, царица Мария поднесла ему сан куропалата; справили свадьбу благословили ему (царский) венец в Бана.

Спустя немного времени скончалась царица Елена в Кутатиси, и женился царь Баграт на царевне Борене, сестре Дорголела, дочери овсского царя.

Кроме того, у царя Георгия остался в Анакопии и другой сын – от второй жены, – дочери овсского царя¹⁰⁸. Среди некоторых азнауров бродили различные толки, а отрок по имени Деметрэ был мал. Но не (смогли) воцарить его, хотя кое-кому и приходилось по душе, и не сумели его переманить к себе ни царь Баграт, ни мать его, ни главные вельможи их царства. Не мог он (Деметрэ) оставаться и ушел из царства своего и обратился к царю Греции и отдал ему Анакопию. С тех пор и поныне отошла Анакопия от царя абхазов//[296]

После этого Баграт усилился и овладел Верхней и Нижней частями своей вотчины.

Великий Фадлон дурно поступал и привередничал со всеми предводителями его (Баграта) царства. И покуда был отроком Баграт, собрали войско его царства, сговорились с Липаритом и Иванэ Абазас-дзе; пришел и великий Квирикэ, – царь ранов и кахов; Давид – царь армян; Джафар – эмир Тбилисский. По уговору Квирикэ все они собрались против Фадлона в Эклеце¹⁰⁹. Обратили в бегство Фадлона, перебили войско его, захватили добычу и большие сокровища. Отныне и до самой смерти злокозничал Фадлон.

В ту же пору малолетства царя Баграта Липарит – сын. Липарита – и Иванэ Абазас-дзе, – эристав картлийский, – заманили тбилисского эмира Джафара в Мухатгверди¹¹⁰, схватили его там и (затем) долго держали его в заключении да изъяли у него Биртвиси//[297] Сжалился над ним царь абхазов и отправил его эмиром в Тбилиси. И отныне возникла вражда между Липаритом и эмиром.

Спустя немного времени Липарит призвал Баграта к захвату Тбилиси. Войска царя абхазов подступили к Тбилиси с этого берега Куры, с высот и низин; с другого берега реки, со стороны Исани, подступили войска кахов и эров. Тогда же неким рабом¹¹¹ овсом был убит великий царь кахов Квирике, ибо в бою царь Квирике убил овсского царя Урдуре. И (таким образом), из кровной мести был убит рабом овсом царь Квирике во время охоты в горной местности Парадзи.

В то время в Кахети царем был Гагик, сын армянского царя Давида Самшвилдского и Дзоракетского и племянник* Квирике. И воевали они два года против Тбилиси¹¹². В ту пору эмиром состоял Джафар сын Али. Жители Тбилиси были столь стеснены, что за литр¹¹³ ослиного мяса платили пятьдесят драхм¹¹⁴ и не смогли они вынести голода и противостоят ожесточенной осаде. Жители Тбилиси порешили сдать город. В ту пору осады этого города войска царя абхазов захватили крепости Орбети и Парцхиси. Эмир снарядил свое воинство, построил плоты и челны, дабы ночью отправиться в Гандзу к сыну Фадлона Лашкарию¹¹⁵. А некоторые из вельмож царя абхазов втайне от Липарита советовали царю не изгонять амдара и втайне же от Липарита навязали эмиру мир, объявили об этом и утвердили его эмиром//[298] в Тбилиси¹¹⁸. Царь абхазов привлек кахов, Ашота – мтавара из Марили, зятя** царя Квирике и заодно Хахвилу Гурта Джварисцхского. Вторгся царь абхазов в город и стал враждовать с кахами. Отныне Липарит стал зловредничать в отношении своего патрона.

Двинулся царь абхазов в поход на Кахети сошелся (с кахами) и вступил в схватку на горе (архангелов) Михаила и Гавриила. В бою им были схвачены: Стефаноз Варджанис-дзе, эристав Панкиси; Ваче сын Гургена Бери, эристав Хорнабуджский; Джеди сын сестры Годердзи, эристав Шторский и Мачельский. Перевалил Тианети и сжег дворец Бододжи, славное здание, возведенное великим царем Квирике. И все эти эриставы покорно сдавали ему свои твердыни; но не вступили (воины царя абхазов) в Кахети, вернулся, ибо Липарит стал проявлять заботу о предательских делах своих.

Спустя немного времени вывел Липарит из Греции брата Баграта Деметрэ с войском греческого царя¹¹⁷. Примкнули к нему и некоторые прочие вельможные азнауры, обошли верхние области и вошли в Картли, подступили к Атени и местами сожгли Картли.

С Липаритом были кахи и греки, но не сумели они взять Атени, ибо владельцами крепости являлись люди, твердо преданные Баграту, кроме Парсмана Тмогвели и Бешкена Джакели – эриста-

ва Тухарисского. Ушли в Джавахети и начали возводить стены (вокруг) Ахалкалаки, ибо в ту пору город не был огражден стенами. Наступала зимняя пора; грекам вздумалось идти восвояси. Замирился Липарит с царем абхазов: пожаловал царь (Липариту должность) эристава Картли. Удалились греки в Грецию и забрали с собой Деметрэ//[299]

Вновь усилился и возвысился царь Баграт в царстве своем. Настало время благодатное для Баграта; примкнул к нему вест118 с девятью твердынями Анийскими, за исключением Амберда119. Вручили анийцы Ани120 матери Баграта, ибо армяне приходились ей сородичами: была она, царица Мария, мать Баграта, дочерью царя Армении Синекерима.

Стояла пора весенняя, Баграт был в Абхазии; подступил он к Анакопии и приблизил час ее взятия. Но пришли к нему старейшины Тбилиси, ибо незадолго до этого скончался тбилисский эмир Джафар. Сулили (Баграту) город и спешно звали его к себе. Ушел он, а осаду Анакопии и воинов Абхазии поручил Квабулелу Чачас-дзе Отаго121. Вернулся и пришел в Кутатиси, присоединил к себе войска кутатисские; из Самокалако, азнауров Гурии и ломсианов привел в Хупати, расположил камнеметы и сражались. Двинулся царь и явился в Картли и пришли к (нему) прочие глашатаи, старейшины Тбилиси.

Направился в Тбилиси и на Дигомском поле встречали его старейшины города, придворные служители, всадники и весь народ пеший, выстроенный в Умедеули и множество отцов и матерей было на площади и с обеих сторон гремели мощные звуки труб и литавры и от звуков тех сотрясалась земля, и была повсюду радость дивная. Привели и водили, по городу, металы драхмы и драхканы, поднесли ключи городские и ввели во дворец эмира. Приступил царь Баграт к заботам. Прибрал башни над воротами (со всеми) людьми, занял крепость городскую Дариджели, обе башни Цкалкини и Табори и разместил в них своих воинов и эриставов. Лишь исанцы разрушили мост и не сдали// [300] Исани122; приставили к ней стенобитные орудия и металы в Исани стрелу. На Исанийское поле явились царь кахов Гагик и эристав эриставов Годердзи и все вельможи кахские для переговоров с царем Багратом в поисках мира. Тогда вошел царь Баграт на поле Исанийское, призвал кахов и признал их покорность, пожаловал им мир и отпустил. И были радость и мир и день изо дня росли заботы о преуспевании.

Но затем, как только прошла пора летняя, вновь стал Липарит одержим жестокостью. Переманил от царицы из Ани Абусера – эристава Артануджского, владельца Хихата, Цихис-Джвари и крепости Ацкури; эристава Иванэ; Иванэ Дадиани и Гуарама, сына

Годердзи – владельца крепости Бетчи и схватил их у ворот Ани. И покинул царь Тбилиси и ушел в Джавахети.

После этого Мацкверели на средства Баграта вывел ему на помощь месхов. А царь стоял в Гртила. Липарит же собрал кахов и подступил к (местности) Поке. Сбежал Мацкверели от царя и сговорился с Липаритом. Как только узнал об этом царь, он в жестокую зимнюю пургу прошел (через) Шавшети и вступил в Картли¹²³.

Липарит вновь вывел из Греции Деметрэ, брата царя Баграта. Были ему (отданы) в помощь войска и казна греческого царя. И внес раскол он в людей царства этого: одних привел (к послушанию) Деметрэ, другие же остались верны Баграту. Но в руках Баграта был в заложниках сын Липарита Иванэ и он выпросил его у Баграта, а взамен с миром освободил Абусера с его крепостью. И были заодно с Липаритом кахи (со всеми) их силами и Давид – царь армян//[301] – (со всеми) силами своими. И усилился он с их помощью в этой части Картли. А постоянные помыслы о кознях продолжались.

И пришли варанги¹²⁴ – три тысячи человек и расставил их в Баше; взял с собой семьсот человек. И явился Баграт с войском из внутренней части своего царства; не дожидаясь месхов, пришли варанги и схватились у начала Сасиретской рощи; бежали войска внутренние; в этом же бою схватили Абусера и вместе с ним прочих дидебулов, не выдержали боя с варангами, отдал Липарит плату (варангам) за службу и встречали их (варангов) с хлебом и, таким образом, перешли (варанги) Лихи.

Перед этим опочил брат Баграта Деметрэ. После бегства Баграт был встревожен (возможностью) раскола в своем царстве и стал просить (мира) у Липарита и с небольшим (числом) всадников явился к Липариту в Ховле. Липарит же, узнав о приходе его (царя), уклонился, решил удалиться оттуда; царь также повернул (обратно) и ушел в Абхазию.

Спустя немного времени, эристав Сула Калмахский и Григол – эристав Артануджский договорились и, приобщив к себе прочих азнауров месхских, призвали царя Баграта. Он пришел (к ним) с войском и, преодолев Ркинис-Джварскую дорогу, соединились в Аркисцихе. Разведав об этом, Липарит собрал войско, привлек кахов и армян; к тому же были, у него и греки. Врасплох напал на Аркисцихе, и завязалась схватка. Вновь победил Липарит. И обратили в бегство царя//[302] схватили эристава Сулу Калмахского (от которого) путем многих пыток и подвешиваний на дереве требовали Калмахи, но тот не уступил. В том же бою был схвачен Григол, сын Абусера, и под угрозой смерти требовали Артануджи, и тот отдал. Усилился Липарит в вышних землях и прибрал кре-

пости, привлек главарей и обходным путем с той же ратью направился в Двин, воевал за царя Греции против Двина и вернулся в свою страну.

Затем с истечением года появились в землях Басиана турки султана Барахим-Илмиана¹²⁵. Выступило войско царя Греции и призвали (греки) Липарита. И пришел Липарит пособлять грекам со всем своим воинством верхней части (страны). Схватились под Ордро и Укумией и турки обратили в бегство все войско греков и Липарита¹²⁶. И произошло великое избиение, схватили Липарита и отправили его к султану в Хорасан. А вельможи его царства и сыновья Липарита – Иванэ и Ниания – (стали) создавать себе безопасность и (потому) признали царя (Баграта) своим царем. И вновь усилился (Баграт) и прибрал сыновей Липарита; занял (крепость) Уплисцихе и отпустил Иванэ.

И находились турки на земле Гандзийской, и была Гандза близка к падению. Прислал царь Греции вместо себя лихтура¹²⁶ во главе большого войска, призвали Баграта со всем собственным войском и двинулся он с ними. Схватились с турками; достигли ворот Гандзы и спасли (греки и грузины) земли Гандзы и вернулись с миром. Затем вновь призвали тбилисцы (Баграта) и сдали Баграту Тбилиси и ввели его туда. И были мир и радость великая//[303]

После этого вышел Липарит из турецкого плена и вступил в Ани. Покинул Баграт Тбилиси из-за Липарита, обогнул Картли и явился в Джавахети. Усилился Липарит, ибо пострадал за службу греческому царю¹²⁸; пошел в Грецию, встретился с царем греческим и привлек силы его. И не в силах был Баграт ему противостоять.

Еще до того рос у Баграта сын Георгий, оставил его в Кутатиси правителем царства Абхазского, (а сам) отправился в Грецию. В ту пору был царем греков Константин Мономах¹²⁹, а затем Михаэл. По воле Липарита не сразу вернулся Баграт в свою вотчину и остался он там (в Византии) три года, (находясь) в великом почете и уважении//[304]

Покуда же пребывал Баграт в Греции, Липарит предложил царице и вельможам его страны сделать сына Баграта Георгия царем. Привезли его в Руисский храм¹³⁰ и благословили на царство. Назначили ему наставником Липарита и покровительницей сестру Баграта царицу Гурандухт, человека совершенного ликом и незаменимого мудростью, щедростью, боголюбием и всякой добродетелью. Спустя немного времени, Гурандухт вытребовала Баграта у греческого царя, и отправил его царь Греции с великой славой, дарами и сокровищами безграничными. Все воинство Абхазии встретило его на берегу моря в Хупате. И были радость и

благодарения богу великие, и по велению собственному сопроводили его в дом свой в Кутатиси.

Непрестанно росли силы Липарита в Верхних землях и возлюбили его в Хорасане султан Доглубег, а в Греции – царь греческий. Растил он Георгия – младшего сына Баграта – именем царским. Баграт же владел землями, расположенными ниже Лихи.

Спустя немного времени вельможи сего царства стали тяготиться властью Липарита. Сула Калмахский и все месхи покинули Липарита. Они схватили в Дливе Липарита и сына его Иванэ, а Нианиа ушел и скрылся в Клдекарской крепости, но не пустили его защитники этой крепости – люди его отца – и удалился он в Ани к грекам. А пленных Липарита и Иванэ Сула увел в Калмахи. И Сула спешно отправил к царю глашатаев. Гурандухт же/[305] и Георгий, сын Баграта, стояли в Гртиле и, узнав о пленении Липарита, ввели, его в Ахалкалаки и здесь ждали Баграта, чтобы вручить ему их (Липарита и его подручных) души. Пришел Баграт и пожаловал Суле за такую службу (в качестве) вотчины Цихисджвари и Одзхре заодно с Бодо-Клде, премного прочего добра, (различное) церковное имущество и всего, чего пожелал.

Предстал Сула пред царем в Джавахети и доставил ему пленных Липарита и Иванэ и доложил; самолично отобрал у рода Липарита крепости Артануджи и Квели, Уплисцихе и Биртвиси. Но (крепостью) Клде-Кари твердо владел гарнизон, ибо в крепости пребывал Анамор – мцигнобарт-ухуцес¹³¹ Липарита. Привели (Липарита и Иванэ) в Триалети; жители крепости не поддались сладкоречивым уговорам и не сдали Клде-Карскую крепость. (Тогда) воздвигли дерево и подвесили на них Липарита и Иванэ, обрекая их на смерть. Спустя несколько дней, жители крепости Липарита договорились с царем и вельможами его царства отпустить с миром Липарита и Иванэ. Сдали Клде-Кари; извлек Липарит (из крепости) свое имущество, облачился в монашескую рясу и отдал сына своего Иванэ под покровительство царя. Осталась у Иванэ вотчина в Аргвети. Поклялся Липарит впредь не грешить, отпустили его (на свободу) и ушел он в царство (византийское).

Спустя немного времени Иванэ тайно бежал в Грецию и пробыл там несколько лет. Нианиа же помер в подданстве греческом в Ани; а за Иванэ отец ходатайствовал перед царем Багратом.

И сам Баграт привлек его и призвал в царство свое и пожаловал ему вотчины в Аргвети и Картли и служил (Иванэ), ему преданно. И был он главою царства сего и спасаларом добрым¹³². А Липарит преставился/[306] в Греции в царственном граде Константинополе. И принесли его с великими почестями соратники и воспитанники его, доставили в Кацхи и погребли на фамильном кладбище.

Возрос Баграт¹³³ и усилился паче всех (когда-либо живших) царей своей страны. Он овладел крепостями в Эрети и Кахети, кроме Кветари и Нахчевани. И после этого созидались великие дела и было великое пробуждение царей.

В пору царствования его явился с целью набега султан Арпасаран¹³⁴, царь Персии. Явился нежданно и сокрушил Кангари и Триалети и в один день набегники его достигли подступов (крепости) Квели, прошли Шавшети, Кларджети и Тао до Панаскерта. В этот же день достиг Тори и Гвивис-Хеви, а сам стал на три дня в Триалети.

А в ту пору царь находился по пути в Тао, и были при нем мать, сестра и сын его Георгий. Стояли они в Хекребули. И когда они только собирались (в путь), нагрянуло войско султана; пришли и стали на гребне хребта. Они же успели уйти в Картли. Пошли (турки) в Джавахети и подступили к Ахалкалаки, ибо азнауры месхские и Верхних (земель) отменно укрепились в Ахалкалаки и дрались три дня, потому как не был основательно обнесен Ахалкалаки стенами твердыми. Не выдержали мощного боя, вооружились жители города, отверзли ворота и схватились жестоко и перебили множество (горожан) остриями меча. Вступили в город турки и полонили бесчисленное количество христиан; захватили сокровища и добычи премного и окрасились кровью воды Ахалкалаки.

И отправил султан из Ахалкалаки посла к Баграту, навязал ему сватовство^{[[307]} и требовал в жены себе его племянницу. Затем повернул султан в Ани, сокрушил и забрал Ани, перебил и полонил бесчисленное множество душ и удалился в страну свою Персию. Ани, отобрав у греков, отдал Мануче, сыну Абуласвара¹³⁵.

Племянница же Баграта, которую требовал себе султан, была дочерью брата армянского царя Квирикe. Просил (о том же) Баграт (у Квирикe), но отказал царь армян. Отправил Баграт (к Квирикe) в качестве посланника эристава почтенного Вараз-Бакура Гамрекeли. Сманил (к себе) также людей армянского царя. И вошедшего в Самшвилде царя армян Квирикe и брата его Сумбата схватил в Квешском лесу и оповестили (об этом) Баграта. Он спешно отправился из Квахврели, а схваченных представили ему под Кдe-Кари. Потребовал Самшилде, но не уступил (Квирикe), ибо в Самшвилде пребывал один из братьев его Адарнасе. Тогда приволокли его в Самшвилде, воздвигли дерево и подвесили на нем царя армян Квирикe на три дня; просили мира и уступили Самшвилде. Явились еще два эристава армянского царя: эриставы Лукийский и Каквакарский. Уступил и отдал Сумбат, брат Квирикe, три крепости: Опрети, Кошки и Варзакар. Но вызвали милосердие у царя Баграта: он освободил и вернул им все крепо-

сти, за исключением Самшвилдской; и никого из прочих, владевших крепостями, людей вельможных, не впустил в Самшвилде, но сам радел о нем, как о собственном доме, и также покорились (Баграту) армяне//136.

И выдал царь Баграт дочь свою Марфу в замужество за царя греческого//[308]

А после того выдал племянницу свою в замужество персидскому царю-султану. Спустя три года явился султан, обошел Рани и неожиданно вторгся в Эрети. Вельможи страны той были заодно с Багратором и преданы ему. В ту пору царем в Кахети был небогатый имуществом Ахсартан сын Гагика. Все (кахетины) побросали крепости свои и бежали на Кавказ. Баграт был в походе против Кахети, войско его было отправлено вперед с эриставом Вежинским Цирквалели. Вернулись они с миром и поведали (Баграту) о нашествии султана и о падении крепостей. (Баграт) повернул и стремглав вернулся в страну свою Картли//[309]

Ахсартан же примкнул к султану. Сделал (ему) большие подношения, покинул веру, сотворил обрезание, согласился платить дань; а султан отдал ему все покинутые крепости и ему же вернул все те крепости, которые были оставлены людьми царя абхазов и те, которые оставили люди самого Ахсартана. Спустя три недели двинулся на царя абхазов. Примкнули к нему (султану) царь армян Квирикэ, эмир тбилисский и Ахсартан. Обступили Картли кольцом. Пустили набегников на рассвете, и к вечеру наполнилась ими вся Картли декабря десятого числа во вторник, короникон был двести восемьдесят восьмой*.

И было в Картли хлеба и вина в изобилии. И стоял он (султан) шесть недель и опустошал и истреблял людей, и двинулись набегники его в Аргвети, достигли ее и опустошили до самой Свердловской крепости¹³⁷. И было стерто и полонено неисчислимое количество душ христианских. И стала страна Картлийская омерзительна взгляду людскому: запустели церкви и от множества трупов не касался взгляд человеческий тверди земной; и в оправдание грехов наших небо ниспослало нам пытки и кровоточивые облака покрыли Картли с Востока; и настала ночь бесконечная вместо сияния дня. И был вид ее страшен и ужасающ и местами людям мерещились кровавые дожди. Наступила жестокая зима; те, что снялись (со своих мест) и обратились в горы, вымерли по причине суровых холодов. А по всей Картли разместились войска, а сам главарь султан расположился в Карби, а затем спустился в Шертульскую (местность). Но повредили ему трудности зимы и сильные бураны.

А царь Баграт для поисков мира¹³⁸ отправил к нему посланником Иванэ, сына Липарита. Султан же вернул его к Баграту в

Абхазию, требовал дани//[310] и обещал мира. Но из-за жестокостей зимы, не дождавшись (ответа), ушел из Картли. Уходя, прибрал Тбилиси и Рустави и отдал их Фадлону, владельцу Гандзы¹³⁹. И не только из вражды к царю нашему так вырезал он Тбилиси и Рустави, (города) этого царства и не потому натворил (зла), хотя эмиры те лицемерили при его дворе. Но в награду за добро и службу платили они (эмиры) злом всякому человеку, ибо были они вверены силе безбожия своего и были они по отношению к каждому коварны. Во (время) этого опустошения Картли было войско его (султана) численностью в пятьсот тысяч человек.

И ушел султан в страну свою. Когда же наступила пора весны, произошло великое обилие вод, и Кура не вмещалась в русло своем, затопила поля и забрала множество душ, оставшихся после султана.

Затем стал предаваться надменности и злодеяниям Фадлон и выводить из прилежащих к Тбилиси мест ремесленников. Когда же наступила весна, царь вышел из Картли и расположился в Дидгори, который является местом летних стоянок царей. Фадлон же не считался с пребыванием царя в Дидгори. Выступил с тридцатитрехтысячным войском, вступил в Тбилиси и разбил лагерь на Исанской равнине. Оставив здесь шатры свои, обошел он за ночь Мухнари и опустошил окраины Картли.

Узнав (пребывавший) вне Тбилиси, царь абхазов о (постигшем) Картли разоре от нашествия Фадлона, отправил сына Нианиа, сына Куабулела узреть Иванэ – сына Липарита; Мурвана Джакели – эристава Квельского и вместе с ними малое число прочих азнауров с отборным войском. Но в Картли его не застали, а настигли бежавших//[311] под Мухнаром у Цилканской горы. Ввязались в схватку с арьергардом и при первом же прикосновении к мечам обратили в бегство Фадлона. И бежавшее войско Фадлона вступило в овраг Нареквави¹⁴⁰. Побивали и хватали врагов воины царя абхазов, и наполнился овраг тот (убитыми) лошадьми и людьми.

А войско, оставшееся над (оврагом), стало пробираться сквозь леса Шобо. И каждого из скрывавшихся вояк Фадлона воины Баграта вылавливали из лесов и кустарников, словно птенцов-чижат. Настигли у узкого (прохода местности) Гарта¹⁴¹, и немногие (спаслись) бегством, и преследовало их войско Баграта до горы Херки. Сокрушили и полонили воинов Фадлона. Фадлон же, примерно с пятнадцатью всадниками прошел дорогу Цилканскую, подошел к берегам Арагви и по бездорожью пробрался в Эрцо и выдал себя гонцом, а именно: «Я – гонец Фадлона и благовестником иду к Ахсартану; мы обратили в бегство армию абхазского царя». Однако (нашелся) человек некий сведущий, который знал Фадлона, и сказал: «Ты не гонец, но эмир эмиров Фадлон».

И сказал тому человеку Фадлон: «Прими от меня уйму золота и серебра и множество добра, но не выдавай; выведи меня на равнину и следуй за мной».

Ответил ему человек: «Не сотворю я дела такого, ибо я коренной житель земли сей. Теперь же выслушай меня и следуй за мной, я приведу тебя к Ахсартану и пусть он отправит тебя в твою страну».

Не хотел этого сам Фадлон, (но) не осталось у него сил идти в Эрцо. Предшественный тем человеком, был им представлен (Фадлон) в Жалети Исаку Толошелис-дзе азнауру[312] месхийскому. Как узрел тот приход к нему Фадлона, ограбил его людей, сверг с коней, прибрал их к рукам и посадил Фадлона на мула. Запомнил Исаак подданство свое царю абхазов, то, что схватив бежавшего от царя абхазов Фадлона надлежало взять в Бочорму для Баграта. Но спешно увез и представил Ахсартану в Телави. А Ахсартан тут же увез его в Хорнабуджи, ибо побаивался преследований со стороны царя абхазов. Приперли к Хорнабуджи Фадлона и сдал он Хорнабуджи. Отправили затем в Арадети и отдал Арадети также Ахсартану.

Баграт же испугался упустить Фадлона, отдал Бочорму и Уджарму кахам и (взамен) взял с собой Фадлона. Подвесили его к столбу и возвратили в Тбилиси; с трудом захватили Тбилиси, ибо пребывавший в нем (некий) человек посягал на (должность) эмира. Но не придержал Баграт Тбилиси себе, а разыскал оставленного им в Дманиси Ситил-араба¹⁴², ввел его в Тбилиси и отдал Тбилиси ему. Себе же (Баграт) прибрал крепости Рустави, Парцхиси, Агарани, Григол-Цминдани, Кавазини и сорок четыре тысячи драхманов и заложниками племянника его, сына Мануче, и трех главней гандзийских.

И прислал султан воеводу Алхаза и по ходатайству его и уговору султана помирился Баграт с Фадлоном, отпустил его и отправил во владение свое в Гандзу. И ушел с ним воевода//[313]

Преподнесли (Баграту) ключи от Гаги, и взял царь абхазов Гаги. Вслед за этим Фадлон нарушил клятву и посредничество великого султана и своровал Кавазини. После этого царь пребывал в Абхазии. Явился Фадлон и подступил к Агарани; начальник крепости сдал ему Агарани. Но спешно явился царь, подступил к Агарани и захватил он Агарани.

Призвал он царя овсов Дорголела с сорока тысячами овсов и под водительством сына своего Георгия куропалат¹⁴³ опустошил Гандзу, полонил и захватил добычи несметно и отправил (Дорголела) в царство свое. Затем возжелал великий царь овсов Дорголела явиться к зятю своему Баграту севасту и просил встречи с Багратом. Баграт же изъявил волю и царь овсов с радостью отпра-

вился со всеми своими овскими главарями и, пройдя дорогу Абхазскую, пришел в Кутатиси. И узрел (царь овсов) сестру свою царицу – мать Георгия куропалата. Но прежде встретил его Георгий куропалат и привели его в Картли. Царь стоял в роце Тинисхидской, у Надарбазеви¹⁴⁴ и встретил (овсов) с великой радостью и почестями.

Собрались совместно в Казуне. И была радость и раздавались громогласные и высокие звуки литавр и труб. И пребывали совместно дней двенадцать в покое и радости всеобщей. Но по причине зимы заторопились (овсы), и одарил (Баграт) царя овсов и всех его вельмож дарами. Проводили их и те удалились радостные//.[314]

После этого Султан (постоянно) отправлял послов и собирал дары царю Баграту и сладкоречиво требовал харадж. Но не положил царь Баграт на себя харадж и сам слал ему гонцов и ему также собирал дары. И была меж ними любовь словесная.

Спустя немного лет на Баграта, пребывавшего (тогда) у озера в Самшвилде, пал недуг живота и ушел он в Марабду. Но усугубился недуг. И понесли его на паланкине, а сопровождали Георгий куропалат и все вельможи его. А Георгия-куропалата отправил (ранее) навстречу и привели царя в Картли и все вельможи его пришли с ним. И пришла мать его – царица Мария и жена его Борена и дочь его Мария¹⁴⁵. Дней через малость сделал сына своего Георгия куропалата правителем над вельможами этого царства, и все уповал на него. И сказал он матери своей: «О мать, мне жаль тебя, ибо преставишься ты, прежде похоронив всех рожденных тобой». После этого скончался он в месяце ноябре двадцать четвертого, в кроникон двести девяносто второй*.

Тогда же в пору смерти Баграта был убит султан неким лицом, турком пожилым, в лагере его собственного войска. Прошел он (султан) Джеон с семьями тысячами людей воевал против турецкого царя, какой-то крепости подле Самарканда и (тут) был убит турком, владетелем той крепости. Но не успел тот турок (скрыться) в замке, как нещадно изрубили его мечами. И не ведали Баграт и султан смерти друг друга.

После этого сел царем сын Баграта Георгий куропалат//.[315]

И даже куры замерли в царстве его (в траурном) безмолвии. С великими почестями понесли (Баграта) и погребли в Чкондиди. Сей Баграт стал царем в девять лет и преставился в возрасте пятидесяти шести лет. Баграт спервоначала был куропалатом, затем стал новелисимосом, а потом севастом. Был он ликом совершеннейшим из людей, полон мудрости, философ речью, осчастливлен судьбой, богачейший из всех царей Абхазии, милостив к согрешившим, щедрый на пути своем. В пору его (царство-

вания) в стране не было (суетной) праздности: о судьбах церковей и крестьян, азнауров и бедняков не сумятился никто.

А царь Георгий был милостив и правосуден с убогими, муж грозный и паче щедрый из всех царей Абхазии, хлебосол лучший среди всех людей, наездник и лучник отменный.

По (скончании) отца своего провел мирно зиму одну и половину лета. Но затем главари его царства Нианиа сын Квабула, Иванэ – сын Липарита, Вардан – эристав сванский, будто удрученны-е//[316] отрочеством царя Георгия, возмутили ему страну: Иванэ присоединил себе кахов и разбил лагерь на берегу Ксани; Нианиа присвоил казну кутатисскую и, заперся в Кутатиси; Вардан отторгнул сванов, благожелателей зла, опустошили и сокрушили страну эгров.

Но царь Георгий одолел добром и мудростью и не стал злопамятствовать: даровал он Иванэ Самшвилде, а сыну Иванэ – Липариту – преподнес Лоцобани взамен Рустави, который был отдан кахам; Нианиа (получил) Тмогви и прочее отменное добро; Вардану, по совету Иванэ, даровал Аскалану, а Утагубо – (роду) Джакели. И всех, единокорных и двурушников, царь Георгий покрыл милостью и тем утихомирил он царство свое.

Вновь отложился Иванэ, сын Липарита, о чем и проведал царь Георгий. Двинулся он из Кутатиси и вступил в Самцхе, присоединил к себе месхов, выступил оттуда и подступил к вратам Самшвилде. Туда же и привел царя кахов Ахсартана. Не смог устоять Иванэ в крепости, уклонился к горам южным. В эту беспокойную пору Ахсартан забрал у Липарита Лоцобани. Вторгся в Самшвилде, перевалил через Джавахети и явил их царь-царей Георгий пред собой и поклялись в Экранте и утвердили Иванэ (правителем) над Клде-Карской (крепостью) и Самшвилде.

Вновь отложился Иванэ, коварно выманил крепость Гаги у защитников, людей царя Георгия и продал ее Фадлону, владельцу Гандзы. И пришел султан Меликшах неприятелем всех христиан. Отправил Иванэ сына своего Липарита к нему, подчинил его султану. Тот провел (у султана) немного времени и удрал. Пришел султан и подступил//[317] к Самшвилде, захватил Самшвилде и были пленены сам Иванэ с супругой, внуками, со всеми азнаурами и их семьями и овладел султан (крепостью) Самшвилде. И в пору пребывания в ней опустошил он Картли, полонил множество (жителей, захватил) неисчислимую добычу и ушел вон. Взял Гандзу, оставил во главе Гандзы воеводу с сорока восемью тысячами воинов для борьбы со всей страной. Заперся в твердыне крепости Фадлон, но не устоял, вывели и схватили его также.

Спустя немного времени, воевода при поддержке эмиров Двина и Дманиси собрал свою и гандзийскую рати и направился против

царя Георгия. Собрался царь царей Георгий со всеми воинами своими из Верхних и Нижних (земель) и явил себе царя кахов Ахсартана и пособили друг другу. Усилил господь царя Георгия; предводительствуемый пречистым крестом, нагрянул на полководца Алхаза под Парцхиси и обратил в бегство лагерь его: изгнал и истребил. Было время позднее и ночь спасла остатки войска воеводы. Царь царей Георгий невредим вернулся мирно в царство свое.

Вслед за этим угодил господь Георгию крепостями, силой отобранными греками. Отобрал у греков Анакопию – главную крепость Абхазии, и – множество крепостей в Кларджети, Шавшети, Джавахети и Артани. И после того господь вновь угодил: взял (Георгий) город Кари – крепость и страну, и твердыни Ванадские и Карнифорские и вынудил бежать турок тех земель¹⁴⁶.

* В скобках указаны страницы в соответствии с пагинацией текста свода КЦ (от ред. Отдела электронных тестов Национальной парламентской библиотеки Грузии).

* Дословно: «сын брата отца своего».

* Дословно: «сыном сестры».

* Дословно: «брат матери».

* 1014 г.

* Т. е. 1021. Георгий I правил в 1014 – 1027 гг.

** В изданном С. Г. Каухчишвили КД «Эриставы и дидебулы» («Эриставы и вельможи»). Однако в наиболее ранних списках свода считаем: «Эриставни дидебулни» – «вельможные эриставы».

* 1025 г.

** 1027 г.

* Дословно: «сын сестры».

** Дословно: «муж сестры».

* 1068 г.

* 1072 г.

МУЧЕНИЧЕСТВО АРЧИЛА, ЦАРЯ КАРТЛИ*

И по прошествии пятидесяти лет вновь явился Чичнаум, сын Мохаммеда, опустошил и сокрушил все строения Картли и затем обратился в Кахети, дабы и ее разорить и сделать безлюдной. И обуял страх великий царей и мтаваров и всякий люд и никто не был в силах противостоятъ. Ибо даже по прошествии с миром долгих лет после разорения страны нашей (эмиром) Глухим, она не вернулась уже на стезю свою.

Но святой Арчил порешил разумом своим и доблестью сердца своего придти и узреть и просить у него мира для страны (своей) и защиту неприкосновенности церквей и не преследовать за верность собственной вере. В уповании на бога избрал он (себе в удел) положить главу свою и душу во искупление христиан; встал и пошел к Чичнауму, коего звали Асим.

Он же, узнав о приходе его, с радостью вышел навстречу; и приветствовал его с великим почтением. День этот провели совместно. Похвалял он доброту (Арчила), возлюбил почтенный возраст его, а более всего благоразумие его. Дней через малость завел лицемерные речи; сулил даров и призывал оставить веру Христову и обратиться в сарацины. Но святой Арчил не поддался обольщению и в твердом разуме отвечивал и говорил: «Не будет. Хотя я и выслушал слова твои, не оставлю мне Христа господи животворящего, который и есть истинный бог, претерпевший убиение плоти своей во спасение наше. Я выслушаю тебя, но знай, что умру я смертью мучительной вовеки. И ежели умертвишь меня, я воскресну, как господь наш и подобно ему вознесусь».

Выслушав все это и видя твердость его незыблемую, неверный весьма изумился и повелел схватить его и заточить в темницу, дабы силой обратить его (в мусульманство); ибо не хотел его заклать ввиду благообразия его и почтенности возраста. И как только заточили его в темницу, благословлял он бога и просил его поспешания, дабы милостью его сопричислиться ко всем святым в вечном сиянии, принятием смерти за бога, обретшим бессмертие.

Тогда же встал пред Асимом некий мтавар из Гардабана, обращенный в сарацины, дядю которого по отцу убили цанары, а убийц его с миром отпустил дед Арчила царь Адарнасе. И решив отомстить за это, гардабанец сказал Асиму: «Не ведаешь, кто есть сей Арчил? Он есть сын Стефаноза, из колена великого царя Вах-

танга, что был из колена Мириана, сына Касрэ. И он был при отце своем, когда тот утаивал сокровища Картлийского царства; он ведает и о том, где царь Ираклий утаил сокровища свои, ибо Ираклий (сам) показывал тот тайник».

Услышавши обо всем этом, Асим призвал вновь Арчила и сказал: «Давеча ты ввел нас в заблуждение благонаравием своим, ибо ты действительно весьма благороден. Но ныне мне, поведали о тебе, что ты потомок царей Хосроидов. Однако этим ты лишь возрос в глазах моих и потому выслушай меня. Владей царством своим и сокровища отца твоего я дарую тебе. Но прежде укажи мне сокровища царя греческого, обратись в веру мою, сделайся сарацином, я же сделаю тебя спасаларом в стране твоей Картлийской, царем и владыкой над народом картлийским».

Тут ответствовал святой Арчил и сказал: «Знай твердо, был я несовершеннолетним, когда прошел эту страну царь Ираклий. Отец же мой и брат изъяли все сокровища крепости той, которую покинул эмир Глухой и ныне владеют греки. Я же не отрекись от бога моего и не променяю беспредельность величия его на быстротечность преходящего».

Асим ответствовал и сказал: «А был ты в Абхазии в пору нашествия на нее сарацин?»

Сказал святой Арчил: «Я был там в пору, когда господь низверг их».

«Какой бог низверг сарацин?»

Ответствовал святой Арчил и сказал: «Господь животворящий, который и есть создатель неба и земли, явленный свыше нам во спасение рода человеческого и смертью своей поднявший нас и давший нам бессмертие. Он низверг их и унизил».

Сказал тогда Асим Святому Арчилу: «Надлежит умереть тому, чей смертен бог и кто на смертного бога уповает в надежде».

И повелел казнить и отсечь голову Святому Арчилу и не пощадил (Асим) добродетелей его и не смутила высота благородства его. И вывели (Арчила) во двор и отсекли ему голову в месяц миркан, что есть март, в двадцатое его число. И отдал душу свою создателю. Избрал он смерть, приносящую бессмертие и сменил кратковременность царства быстротечного на радость вечную. И сподобился предстать пред богом в сонме воинствующих святых и доблестных мучеников и вкупе с ними венценосный ликует пред святою троицею.

По скончании святого мученика явились Годерзиани из Тбети и вместе с ними прочие азнауры Мамеаны и похитили тело Святого мученика Арчила, взяли его и насмирненного с великими почестями погребли в Ноткаре в им же воздвигнутой церкви. А супруга его поднесла им, принесшим прах святого Арчила, в на-

следственное владение деревни в Кахети.

*

Подводя итоги нашему обзору, мы вправе отметить, что «Летопись Картли» является первоклассным историческим источником. В ней прежде всего верно передан политический климат описанной эпохи в период складывания Грузии в объединенное и независимое государство. Главную роль в этом событии, определившим историческую перспективу грузинского народа на много веков, сыграло его внутреннее экономическое, политическое и этно-культурное развитие. Но вместе с тем в нашем источнике по праву говорится и о той роли, какую сыграли в ходе объединения Грузии соседние с нею народы. Международная ситуация, которую великие державы (Иран, Византия, халифат) стремились всегда приспособить к своим гегемонистским, захватническим интересам, обычно складывалась в ущерб малым народам и странам. Грузины, армяне, албаны, народы Северного Кавказа находились под постоянной угрозой. В такой обстановке непрекращавшегося столкновения с внешней опасностью интересы народов Кавказа объективно нередко совпадали.

В «Летописи Картли» даны верные и яркие оценки историческим событиям, классам и социальным группировкам, а также отдельным историческим личностям, в той или иной мере влиявшим на ход политических событий своего времени.

Ценность сведений «Летописи Картли» о различных народах нашей страны (и не только кавказского региона!) дает ей право занять заслуженное место в ряду тех исторических памятников, которые намечено включить в издаваемый Институтом истории СССР обширный корпус «Древнейшие источники по истории народов СССР»[1].

Существуют два полных перевода «Летописи Картли»: французский[2] и русский[3]. Не вдаваясь в общую их оценку, необходимо, однако, отметить, что уже имеется научная литература о русском переводе «Летописи Картли»[4].

Наш перевод «Летописи Картли» выполнен в качестве плановой работы в 1972 году в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. При подготовке работы печати нами были приняты во внимание прежние переводы летописи и учтена литература, существующая о русском переводе памятника, а также соблюдены нормы, установленные «Правилами перевода памятников грузинской исторической литературы на русский язык» (сост. Р. К. Кикнадзе. Тбилиси, 1977).

В заключение я приношу благодарность доктору исторических наук, профессору В. К. Гарданову, рецензентам – кандидатам ис-

торических наук О. К. Жордания и З. П. Папаскири за помощь, которую они оказали при подготовке рукописи к печати, а также кандидату исторических наук С. Я. Серову, прочитавшему рукопись перевода «Летописи Картли» и предложившему ряд ценных корректив.

*

В основу предлагаемого перевода положен текст по изданному С. Г. Каухчишвили своду КД. На полях перевода указан страницы в соответствии с пагинацией в названном издании.

* Последнее критическое издание данного произведения опубликовано: Памятники древнегрузинской агиографической литературы, т. II (X – XV вв.), Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).

[1] Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР (Ответственный редактор чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто), М., 1978.

[2] M. Brosset. Histoire de la Georgie, SPb., 1849, p. 256 – 345.

[3] Матиане Картлиса. Перевод, введение и примечания М.Д. Лордкипанидзе (Там же даны сведения о переводах отдельных фрагментов из «Летописи Картли»: на армянский Л. М. Меликсет-Бека и русский В. Д. Дондуа. Следует также указать перевод отдельных отрывков «Летописи Картли», выполненный Е. С. Такайшвили и опубликованный в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 28, Тифлис, 1900, с. 178 – 182).

[4] Г. Г. Пайчадзе. Древнегрузинская рукопись на русском языке. – Журн. «Литературная Грузия», 1976, № 11; Э. В. Хоштария. По поводу русского перевода грузинских источников. – «Известия» («Мацне») АН Груз. ССР, серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, 1979, № 1 (на груз. яз.); М, Д, Лордкипанидзе, Н. Т. Накашидзе. Еще раз о русском переводе грузинских исторических источников.

CHRONICLES OF KARTLI

Summary

„Chronicles of Kartli” is an integral part of a well known code of medieval Georgian chronicles, namely „Kartlis Tskhovreba” („Life of Kartli”). Obviously, the very first compilers of this code, not later than in the 12th century, included into it the „Chronicles of Kartli”.

„Chronicles of Kartli” embraces the period from the 8th century to the seventies of the 11th century, the years of life and creative activity of the anonymous author. The main theme of the Chronicles is the history of the political unification of Georgia into a feudal kingdom. The author begins this theme when he tells how by the end of 8th century the ruler of the Abkhazian principedom Leon with the aid of Khazars declared his independence from the Byzantine Empire and established his Abkhazian Kingdom with its centre in Kutaisi.

It is proved that the author of the „Chronicles of Kartli” could be nobody but a Kartlian himself. When he tells about Kartli, he uses a possessive pronoun. When he tells of enemy invasions into Kartli, he says that „they came here” (or „to us”). Besides, when he writes about Kartli, his text is full of the smallest details, both in toponymies and description. However, his accounts of various tribes and areas outside the limits of Kartli are often quite thorough and reliable and well in agreement with the data of other sources. It is also proved that the author was contemporary to the Georgian king Bagrat IV (1027 – 1072) and probably died during the reign of George II (1072 – 1089). „Chronicles of Kartli” marks a new step in the development of ancient Georgian historical literature. Contrary to earlier historical – literary texts, it belongs completely to the domain of history, without any additions or interventions of Celles letters type, deviating from the main theme. However, this is not to diminish its literary merits. No doubt, the author was a talented writer, and his creation occupies an important place in the history of ancient Georgian literature. But first of all it is an important historical source. It gives a correct understanding of the political climat in Georgia when a united and independent state was forming there. The main part in this event, which predetermined the historical perspective of the Georgian people for many centuries to come, was played by the factors of internal economic, political and ethnocultural development. The unity of culture was among the most important factors in the consolidation of the Georgian nationality and an important prerequisite for establishment of the unified Georgian statehood in the feudal times (10th – 13th centuries).

A particular attention is devoted by the author of Chronicles to the raise of Tao – Klardjetian princedom in the South – Western Georgia. Here at the frontiers of the Byzantine Empire the Georgians managed to establish their cultural domination. The social, political and cultural forces of the Eastern Georgia were concentrating in Tao – Klardjeti. The spiritual -foundation of the Georgian feudal nationality, laid down early in the middle of the first millennium A. D., was further strengthened here. Here, in Tao-Klardjeti, in the 9th – 10th centuries the idea of unity of the Georgian nationality, based on the unity of its language and spiritual culture, has finally formed. In its flourishing period Tao-Klardjeti had given a mighty impetus to the Georgian colonizing movement far beyond the limits of Georgia proper. In 9th – 10th centuries Georgian colonists from Tao-Klardjeti were disseminating in various parts of the civilized world of that time. The Abkhazian Kingdom of the Western Georgia was under the impact of this cultural and political movement. The striving of rulers of Abkhazian Kingdom to subordinate all remaining Georgian lands to their hegemony was a reflexion of the tendency in the cultural development of this kingdom. The determination, with which Leon II moved eastwards, had been prepared by the preceding developments in Abkhazia. This is testified not only by the author of Chronicles but also by epigraphic monuments of Abkhazia, written in ancient Georgian script and belonging to the best examples of lapidary inscriptions in Ancient Georgia.

The Chronicles tell a good deal about the part played in the process of unification of Georgia by neighbour peoples. The international situation was always exploited by great powers, like Iran, Byzantine Empire, Arabian Khalifate, to serve their aggressive interests, to disadvantage of smaller countries and peoples. Georgians, Armenians, Albanians, peoples of the Northern Caucasus were under a constant danger not only of an enslavement by the great powers, but also of a total elimination as independent ethnic entities. In such circumstances of a continuous confrontation with a danger from outside, the interests of various peoples of the Caucasus objectively most often coincided. Chronicles of Kartli give correct and bright evaluations of historical events, classes, social groups, and many historical persons, who influenced the course of historical and political development in that time.

The data on various peoples of our Motherland, contained in „Chronicles of Kartli”, place this text among the most important historical sources, to be included in the compendium „The ancient sources for the history of peoples of the USSR”, planned by Institute of History of the USSR.

This translation of Chronicles is accompanied by comments, aimed to provide short historical and bibliographical references to some not too well known facts, connected with the text of Chronicles and the more general historical circumstances.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Как отмечают исследователи, в письменных источниках о хазарах (Ибн Фадлан, Иакут) часто говорится о браках хазарского кагана с дочерьми предводителей тех племен и народов, которые находились в политической зависимости от Хазарии или антагонистически к ней настроенных (Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. I, М., 1962, с. 144). При этом предполагается, что в таких случаях дело было связано с «ритуальным браком» (А. В. Гадло. Этническая история Северного Кавказа IV – X вв. Л., 1979, с. 62). В данном предположении нет ничего невероятного, и потому легендарная судьба картлийской царевны Шушан может быть тому дополнительным свидетельством.

2. Точная дата описанного здесь нашествия хазар в Картли не установлена. Однако принято считать, что это было одно из вторжений, направленных против арабов и имело место в 764 г. (Очерки истории СССР. III – IX вв. М, 1956, с. 705; Очерки истории Грузии, т. II, Тбилиси, 1973, с. 292 – 293, на груз. яз. Далее: Очерки, с указанием тома). Грузинский источник, очевидно, верно передает, по словам В. Ф. Минорского, то ли имя, то ли звание хазарского полководца. Минорский также обращает внимание на, возможно, идентичное имя более позднего хазарского предводителя «сын Б. л. джана», в 901 г. вторгшегося в Дербенд (В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, М., 1963, с. 143: там же: примеч. 92).

3. Лекетская дорога в данном контексте «Летописи Картли» обычно отождествляется с упомянутым ниже Дарьяльским путем («дорога Дариалана»). (Лордкипанидзе. Матиане, с 63, примеч. 6). На наш взгляд, такое понимание комментируемого контекста неубедительно. Средневековые грузинские историки никогда не путали хорошо известный еще в древнем мире Дарьяльский проход, всегда связывавшийся ими с овсами-аланами, ни с каким из других путей, не говоря уж о том, что грузинские летописцы четко отделяли Овсети и его население (овсов) от Лекети и его населения (леков). И уж совсем неправомерно переименовывать «Лекетский путь» в «Дарубанскую дорогу» (см. Очерки, II, с. 292). Другое дело, что в нашем памятнике не объяснены причины использования хазарами иного пути возвращения к себе на родину. Объяснение этого необходимо искать в политической ситуации, которую создавали и в которой жили, многочисленные местные племена, находившиеся, как известно, в постоянном противоречии как с арабами, так и с хазарами. Лекетская дорога упоминается в грузинских письменных источниках в связи с важными событиями в Грузии. Она играла видную стратегическую роль в

политических, связях населения горной зоны древней Кавказской Албании с картлийцами и не только в условиях войн, но и в процессе культурного обмена между этими народами (см. А. В. Гадло. Указ. соч., с. 198).

4. См. примеч. 3.

5. Как уже отмечено нами, автор «Летописи Картли» за некоторым исключением строго следует принципу последовательности исторических событий. Поэтому в данном контексте должна идти речь не о Картлийском царстве Фарнавазианов-Хосроидов, а об иранских Хосроидах (См. Предисловие, с. I). Слова о постоянных набегах и разорениях «страны этой» должны относиться к Ирану, а не к Картли, о которой речь идет лишь в следующей фразе. Летописец представлял, что причиной падения Картлийского царства было его внутреннее разложение, которое арабское нашествие лишь довершило.

6. Речь идет об образовании Тбилисского эмирата, имевшего место после и в результате походов Мервана ибн Мухаммада (30е гг. VII в.). Арабы еще до Мервана уверенно чувствовали себя в Тбилиси, во всяком случае, сохранились арабские монеты, битые здесь еще в начале VIII в. (Г. А. Пахомов. Монеты Грузии, Тбилиси, 1970, с. 38 – 39). Хотя именно с этого периода необходимо считать, если не образование Тбилисского эмирата, то, по крайней мере, его усиление (См. М. Д. Лордкипанидзе. Из истории Тбилисского эмирата. – «Мимомхилвели», Тбилиси, 1951, с. 186, на груз. яз.). Образование Тбилисского эмирата было результатом не только того, что халифат представлял собой рыхлый конгломерат отдельных «провинций», которые «сохранили широкую административную и финансовую автономию» (А. Массэ. Ислам. Очерк истории. М., 1961, с. 67). Для автономизации того или иного эмирата было недостаточно одного лишь неповиновения багдадскому халифу. Восточная Грузия с центром в Тбилиси задолго до ее завоевания арабами представляла собой экономически вполне сложившуюся единицу, что и облегчало местным эмирам сепаратистские выступления. Высшей степени усиления Тбилисский эмират достиг во 2-й половине VIII в. На рубеже VIII – IX вв. в период образования и развития новых грузинских политических единиц влияние эмирата начинает ослабевать, хотя полное упразднение его произошло лишь в 1-й четверти XII в. (С. Н. Джанашиа. Арабы в Грузии. – В кн.: С. Н. Джанашиа. Труды, т. II, Тбилиси, 1952).

7. В данном контексте отмечены два момента раннего периода истории объединительного движения в Грузии. Во-первых, генеалогическая легенда рода Багратионов, которая, как мы уже говорили (см. Предисловие, с. 17 – 18), вносит известную ясность в

характер ставленничества правителей Тао-Кларджети; автор «Летописи Картли» уверяет, что в конце VIII в. грузинское общество пока еще не знало этой «истории». Во-вторых, показана борьба первых Багратионов в Грузии за наследство династии Фарназидов (Г. С. Мамулиа. Происхождение и политическая тенденция легенды о реформах «царя» Арчила (VIII в.), с. 121 – 122; Лордкипанидзе. Матиане, с. 63, примеч. 11).

8. Подразумевается Иезид ибн Усаид ас-Сулами, один из видных представителей арабской военной знати (М. Д. Лордкипанидзе. Из истории Тбилисского эмирата, с. 187). Восстановление им разоренного хазарами центра Восточной Грузии явилось прежде всего актом усиления Тбилисского эмирата (между 754 – 764 гг.).

9. Груз. Сабердзнети в средневековой грузинской литературе обозначало как классическую Грецию, так и Византийскую империю. В данном случае автор «Летописи Картли» (а возможно, ее переписчики), впадает в анахронизм, перенося на начало IX в. события, связанные с грозной осадой Византии арабами под предводительством известного полководца Масламы в 717 – 718 гг. (См. М. В. Левченко. История Византии. Краткий очерк. М. – Л., 1940, с. 120).

10. Один из высших и редко встречавшихся титулов в иерархической структуре Византийской империи. Титулы в Византии основывались не на вассально-ленных связях, а на дарственном пожаловании (см. История Византии, т. 2, М., 1967, с. 159). Удоставление титулом высокого ранга определялось ролью того или иного деятеля и этим выясняется то значение, которое придавалось Ашоту куропалату на восточных рубежах Византии.

11. Кахетское княжество возникло ранее прочих грузинских раннефеодальных княжеств, которые приступили к борьбе за гегемонию в объединительном движении в Грузии (Очерки, II, с. 387 и др.; И. И. Сургуладзе. О суверенах Кахети IX – X вв. – «Известия» («Мацне») АН Груз. ССР, 1978, № 2, с. 142 – 147, на груз. яз.; Д. Л. Мухелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии, II, с. 130). Тон свидетельства из «Летописи Картли» – «В Кахети мтаваром был Григол» может указывать на то, что это не был первый глава данного политического образования.

12. В издании С. Г. Каухчишвили своде читаем: «мтиулы и цанары» (КЦ, I, с. 252), т. е. мтиулы и цанары представлены как два самостоятельных этноса. В действительности термин мтиулы «горцы» в данном контексте необходимо понимать не в позднем его значении определенной этнографической группы грузин, а в прямом, так как речь идет просто о горцах и именно в таком случае получается более логично: «горцы цанары».

Цанары – племя на территории древнего Кахетского княжества. Ареал распространения цанаров охватывал северо-западную часть Внутренней (Шида) Кахети, – основное ядро Кахетинского княжества. Высказано мнение о вайнахском происхождении цанаров (В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, с. 210 – 211). Впоследствии они приняли участие в формировании грузинской этнографической группы мохевцев. Осетины еще сравнительно недавно называли мохевцев цон (цан). Известная по источникам инициатива цанаров в борьбе против экспедиционных отрядов халифата в Восточной Грузии свидетельствует о значительной военной силе горцев Цанарети (Г. А. Меликишвили. Политическое объединение феодальной Грузии, с 54 – 56 и др.). Не исключена возможность, что первыми правителями (мтаварями) Кахетского княжества были выходцы из цанаров. Не случайно, что в представлении иноземных наблюдателей цанарами называлось все население Кахети. Арабские авторы говорят о цанарах, которых они считают главными противниками халифата на территории Грузии, обычно в собирательном значении, подразумевая под ними все население Кахетского княжества (Я?куби, с. 9; Очерки, II, с. 380 и др.; М. Д. Лордкипанидзе. Политическое объединение феодальной Грузии, Тбилиси, 1963, с. 140, на груз. яз.).

13. Халил арабиец – известный по арабским источникам Халид бек Йезид, который правил в Армении в период халифатства ал-Мумина (813 – 823) (М. Д. Лордкипанидзе. Из истории Тбилисского эмирата, с. 190; Т. Г. Папуашвили. Вопросы истории Эрети, Тбилиси, 1970, с. 189, на груз. яз.). Это был период, когда положение арабов в Закавказье заметно пошатнулось (В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, с. 44). По армянским и грузинским источникам, Халид принял решительные меры против антихалифских сепаратистов. Правители ряда княжеств один за другим являлись к нему с повинной.

14. Дата смерти (убийства) Ашота куропалата точно не установлена. Современные исследователи относят ее к периоду между 826 – 836 гг. (Подробно см.: А. А. Богверадзе. К дате смерти Ашота I великого куропалата. – Сб. «Вопросы истории феодальной Грузии», т. I, Тбилиси, 1970, с. 131 – 139, на груз. яз.).

15. С начала IX в., в период полного вырождения социальных отношений дофеодального периода (Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории, Грузии, т. IX, Тбилиси, 1980, с. 60, на груз. яз.), в Кахетском княжестве активную роль начинают играть гардабанцы, потомки одного из племен, населявших западную окраину древней Кавказской Албании. Уже в описываемых арабскими историками событиях в Закавказье первой половины IX в. санарийцы-цанары соответствуют гардабанцам древнегрузинских источни-

ков. Так, по словам Я?куби, полководец халифата Халид ибн-Иезид воюет (40-е гг. VIII в.) против санарийцев (Я?куби, с. 15; см. Очерки, I, с. 393). Выдвижение в начале IX в. на первый план в событиях в Восточной Грузии гардабанцев было не только следствием ослабления цанаров в борьбе с арабами. Древнегрузинские источники свидетельствуют, что борьба между гардабанцами и цанарами имела место еще до преобразовательных здесь мероприятий. Об этом, в частности, говорится в вышеприведенном нами жизнеописании Арчила: «Тогда же встал перед Асимом некий мтавар из Гардабана, обращенный в сарацины, дядю которого по отцу убили цанары, а убийц его с миром спас дед Арчила» и т. д. (см. выше с. 42). В «Летописи Картли» отмечены время и условия усиления гардабанцев. В 30-х гг. IX в. произошла последняя схватка правителя Кахетского княжества в союзе с тбилисским эмиром против Ашота куропалата и Феодосия Абхазского (см. Очерки, II, с. 393). «Обратили в бегство Григола, мтавара Кахети, и овладели его страной до самого Картли» (см. выше, с. 48). Вслед за описанием этого события в «Летописи Картли» говорится: «Тогда же гардабанцы составили заговор и выдвинули хорепископом Дачи» (см. выше с. 49). Отныне в Кахетском княжестве инициатива в политической борьбе в процессе объединения Грузии перешла к гардабанцам.

Область Гардабани в эпоху борьбы грузин против халифата представляла собой часть Кахетского княжества. В сообщениях автора «Летописи Картли» к гардабанцам применяется этноним кахи гардабанские, т. е. гардабанцы в данном случае могли представлять собой этнографическую группу внутри кахетского этноса. «Летопись Картли» свидетельствует о росте стратегического значения Гардабани с середины IX в. Так, когда в 853 г. Буга вторгся на территорию Тбилисского эмирата, то исход борьбы решили выступившие на стороне Тбилиси гардабанцы. Описывая эти же события, Я?куби пишет, что Буга двинулся «против санарийцев (читай: гардабанцев – Г. Ц.), сражался с ними, но они разбили его и обратили в бегство (Я?куби, с. 21). Затем Буга вторгся в Чарталети и даже взял у местных горцев заложников и лишь после этого он «пытался вторгнуться в Овсети». Однако Буга сумел добиться успеха лишь благодаря тому, что «сокрушил Гардабани» и разорил семью местного мтавара (см. выше, с. 50). Об этом же событии позднее писал и Ибн ал-Асир, называя при этом уже не «санарийцев», а собственно гардабанцев. По словам названного автора, Буга послал одного из своих подручных «во главе отряда своих войск к крепости Джардаман (читай: Гардабан. – Г. Ц.), что между Барда?ой и Тифлисом и он занял ее и взял батрика в плен» (Ибн ал-Асир, с. 68). Арабские и древнегрузинские источники в данном

случае удачно дополняют друг друга.

16. Эта фраза производит впечатление обобщения сравнительно более обстоятельного изложения в «Хронике» Сумбата Давитис-дзе эпизода, хотя непосредственная зависимость от этого источника «Летописи Картли» едва ли доказуема. В «Хронике» Сумбата говорится: «А по скончании Ашота внешние земли, коими владели сыновья Ашота, ввиду их несовершеннолетия забрали сарацины. Но когда же они достигли полноты возраста, господь вновь им же вернул отчье их владение, потому как трое эти братья, сыновья Ашота куроपालата, росли в крепости Артануджской и были (тогда) все ущелья Шавшт-Кларджет-Нигальские данниками сарацин» (КЦ, I, с. 254, примеч. 1; ср. Лордкипанидзе. Сумбат Давитис-дзе, с. 32). Как видим, Картли в данном случае названа «внешними землями», так как она не принадлежала владельцам Шавшет-Кларджети. (И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, II, с. 96).

17. Али ибн Шуаб, Тбилисский эмир (начало 30-х гг. IX в.) – один из представителей местной эмирской династии Шуабидов, правившей с конца VIII в. до середины IX в. (М. Д. Лордкипанидзе, Из истории Тбилисского эмирата, с. 190, там же библиография).

18. Это часто встречающееся в грузинских источниках имя среди правящей аристократии древней Кавказской Албании.

19. Настоящее имя Исхак бен Исмаил, тбилисский эмир в 830 – 833 – 853 гг., один из наиболее активных арабских сепаратистов в закавказских владениях халифата. Последний и самый выдающийся представитель тбилисских эмиров Шуабидов. Деятельность Исхака бен Исмаила получила довольно обстоятельное освещение как в иноземных, так и в грузинских источниках, в том числе и в «Житии Григория Хандзтийского» Георгия Мерчуле (См. изд. Н. Я. Марра, с. 137; М. Д. Лордкипанидзе. Из истории Тбилисского эмирата, с. 190 – 191 и др.). В своих сепаратистских акциях по отношению к халифату он не без успеха обращался к поддержке соседнего полумусульманского населения и даже был женат на дочери одного из правителей Дагестана, а также цанаров и кахетин (см.: В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, с. 39, 82 и др.).

20. Эта стычка между тбилисским эмиром и посланным против него войском халифа имела место в 841 г. Рехи был расположен вблизи современного г. Гори (см. Н. С. Джанашиа. Труды, II, с. 406), неподалеку от которого ныне сохранилось село с названием Реха.

21. Одна из наиболее важных твердынь средневековой Грузии, была расположена на берегу Куры, неподалеку от г. Гори. Один из центров Картлийского царства и, судя по названию (досл. «Крепость владыки»), резиденция наиболее признанных правителей

области. Неслучайно, что «борьба, из-за Картли» главным образом сосредотачивалась вокруг Уплисцихе.

22. Бардав – столица древней Кавказской Албании (с 462 г. н. э.) был расположен в области Утик. В грузинской исторической традиции означал не только город, но и целую область (Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, т. VIII, Тбилиси, с. 137-138, на груз. яз.). Подробно об описанных здесь событиях см.: М. Д. Лордкипанидзе. Из истории Тбилисского эмирата, с. 193 и сл.

23. Исследователями установлено, что имеющийся в данном сведении хронологический ориентир в действительности относится к дате смерти Мохаммеда. Лишь в таком случае время нашествия Буги по грузинской летописи совпадает с данными иных источников (Подробно см.: Лордкипанидзе. Матиане, с. 69 – 70, примеч. 44). Упомянутый Буга – арабский полководец, тюрк по происхождению, один из тех, кто выдвинулся в результате военных реформ халифа ал-Мутасима (833 – 842), приведших к тюркизации военного состава халифата (Очерки по истории Ближнего Востока. Феодалная эпоха. Под ред. В. Н. Габашвили, Тбилиси, 1957, с. 112 – 113, на груз. яз.). Описанный в «Летописи Картли» поход Буги, известный также и по иноземным источникам (см. В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, с. 39 и др.), имел место в 851/852 г., когда после захвата Аббасидами власти в халифате началось ослабление арабского господства на Кавказе. Упомянутый в этом же контексте Амир-Мумн (араб, амир ал-муминин – «повелитель правоверных) обычный титул халифов.

24. Названное выступление правителя Абхазского царства против Буги имело место во второй половине IX в. Разногласия у исследователей вызывают лишь имя правителя. И. А. Джавахишвили в данном случае с доверием относился к свидетельству «Летописи Картли». Однако, согласно «Дивану абхазских царей», составленному под наблюдением Баграта III, в период вторжения Буги правителем Абхазского царства должен был быть Деметрэ II (818 – 854). (Полемику по этому вопросу см.: З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 141 и сл.).

25. Двалетская дорога – известный по древнегрузинским источникам магистральный путь, связывавший Закавказье с Северным Кавказом, в частности с Овсети (Аланией).

26. Дословно: «рядом с Джвари»; возможно, ложный топоним, так как в сочинении Вахушти Багратиони упоминается в форме «Джварис-болос» – «в конце (на окраине) Джвари».

27. Шамкор, в тексте – Шанкор (ныне город в Азерб. ССР). Рассказ грузинского летописца подтверждается арабским историком Белазури, по словам которого, в 854 г. в Шамкуре появилась очередная группа «мирных» хазар. В исторической литературе это

событие расценивается как один из эпизодов вторжения северных племен в Закавказье (В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, с. 36 – 37).

28. Н. А. Бердзенишвили считал, что топонимическим суффиксом географических названиях, структурно аналогичных Дманиси (Болниси, Манглиси, Тбилиси и т. п.), является -си (Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, т. VIII, с. 224). По нашему мнению, подлинным суффиксом в данном случае является -ис-, общекартвельский по своей природе, соответствующий западно-грузинскому (мегрело-чанскому и сванскому -иш-). То же самое следует отметить и в отношении другого картвельского локативного суффикса -ит-, из которого в качестве топообразовательского форманта Н. А. Бердзенишвили выделяет -ти (Н. А. Бердзенишвили. Там же, с. 102 и др.). Подлинным топообразовательным формантом в данном случае является -ит- с вариантами -ат-, -ет- (Сомхити, Апхазети).

29. Хумед – подлинное имя Мухаммад ибн Халид, тбилисский эмир (853 – 870), первый в ряду тбилисских эмиров из рода Шаибанидов (М. Д. Лордкипанидзе. Из истории Тбилисского эмирата, с. 194).

30. Хорепископ – в основе своей церковный титул, носители которого с активизацией роли Кахетского княжества в ходе образования единого Грузинского государства сосредоточили в своих руках и политические функции местного феодализирующего общества. Впоследствии, по данным этнографических источников, прерогативы хорепископов были монополией так называемых хевисберов («старейшин хеви»). Высказана мысль о том, что первоначально институт хорепископов сформировался в этнической среде цанаров (см. Ш. А. Бадридзе. К вопросу об институте правителей хорепископов. – «Вестник» Отделения общественных наук АН Груз. ССР, 1964, № 5, с. 87 и сл.). Следует обратить внимание и на такую деталь (в связи с языковой ситуацией цанаров), как первая часть указанного термина хор-, обозначающая «поселение», общая для картвельских языков и диалектов и неизвестная в других языках народов Кавказа.

31. Исэ – подлинное имя Иса ибн аш-Шейх аш-Шаибани, тбилисский эмир, преемник Мухаммеда ибн Халида (Хумеда); дата завершения правления неизвестна.

32. Абрахам – тбилисский эмир, окончание правления которого относится к 878 г.

33. Габулоц – правитель Тбилисского эмирата, по предположению М. Д. Лордкипанидзе, между 878 – 882 гг., последний из представителей местной династии эмиров Шаибанидов (М. Д. Лордкипанидзе. Из истории Тбилисского эмирата, с. 195 – 196). В период

правления указанного эмира, как о том свидетельствует автор «Летописи Картли», были произведены попытки укрепления пошатнувшегося положения арабского господства в Грузии.

34. Основатель рода Багваши, выходец из Западной Грузии, в 80-х гг. IX в. основал в Южной Грузии, в период ослабления здесь центральной власти, Клдекарское эриставство. Представители рода Багваши известны в средневековой Грузии как наиболее активные противники легитимных прав грузинских Багратионов. Наивысшего могущества достигли в XI в. Сведения о роде Багваши сохранились в различных средневековых источниках (персо-арабских, армянских и византийских). В истории древнегрузинской литературы сохранилось даже сведение о существовании особой «истории рода Багвашей» (см. выше: Предисловие, с. 26). Иноземные источники нередко именуют отдельных представителей этого рода «царями Грузии», каковыми они хотя и не были. Но грузинская историческая традиция, зафиксированная в «Летописи Картли», сохранила сообщение о существовании даже понятия «страна Липаритов» («Липаритети», представлявшая собой нечто вроде «государства о государстве» (ср. В. Д. Дондуа. О «Липаритете»: и аналогичной форме фамильных названий в грузинских исторических источниках. – Исторические разыскания, т. I, Тбилиси, 1967, с. 111 – 140; Очерки, II, с. 464).

35. Речь идет об одной из ожесточенных схваток в период объединительного движения в Грузии (см. Очерки, II, с. 472 – 473; Лордкипанидзе. Матиане, с. 73, примеч. 73). В «Хронике» Сумбата событие датировано «108 корониконом» (888 г.) и дана иная, очевидно, более верная концовка, этого эпизода: «Одолели Насра, обратили в бегство, схватили и убили Насра в Самцхийской долине в селении Аспиндза... И не осталось детей у Насра и изгладилась память о нем (Лордкипанидзе. Сумбат Давитисдзе, с. 33 – 34).

36. Местность в Кларджети, один из культурных центров в Юго-Западной Грузии (Очерки, II, с. 460 и др.: см. также Ш. Я. Амиранашвили. Бека Опизари, Тбилиси, 1956).

37. Время правления Баграта относится к 80 гг. IX в. (см.: З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 123 – 124; Иоанн Драсханакертский. История Армении (изд. Е. Цагарейшвили), Тбилиси, 1965, с. 0116, на груз. яз.; Лордкипанидзе. Матиане, с. 73, примеч. 74). Считаю уместным заметить, что в переводе М. Д. Лордкипанидзе вызывает возражение перевод грузинского летописного апхазии этнонимом «абхазцы», что является названием современного коренного населения Абх. АССР. (Лордкипанидзе. Матиане, с. 31 и др.): это в конечном счете представляет собой смешение двух неравнозначных понятий (см. Г. В. Цулая. Обезы по русским источникам).

38. Речь идет об одном из эпизодов вмешательства Абхазского царства в дела Юго-Западной Грузии. Одзрхе – крепость в районе современного Абастумани; Ломсианта – древнегрузинское наименование г. Ахалцихе (Ш. А. Месхиа. Города и городской строй феодальной Грузии, Тбилиси, 1954, с. 37; Очерки, II, 349, 430 – 431).

39. Грузинская летописная форма имени одного из крупнейших представителей династии Саджидов Юсуфа ибн Абу Саджа; был правителем (вали) Азербайджана в 901 – 928 гг. Речь идет о его нашествии в Армению и Грузию в 907 – 914 гг. Армянские и грузинские источники сохранили подробности событий этого времени (Стефанэ Мтбевари. Мученичество Гоброна. – «Хрестоматия древнегрузинской агиографической литературы», т. I, Тбилиси, 1946, на груз. яз.; Всеобщая история Степаноса Таронского, по прозванию Асохика. Перевод с армянского Н. Эмина, М., 1864; Лордкипанидзе. Матиане, с. 74, примеч. 82).

40. Имеется в виду халиф Муктадир (1-я четв. X в.).

41. Подлинное имя – Джафар ибн Али, тбилисский эмир в 909 – 914 гг.

42. Уджарма и тут же упомянутый город-крепость Бочорма – известные в средневековой Грузии твердыни, расположены на берегах р. Иори (Д. Л. Мухелишвили. Город Уджарма. – «Сборник по исторической географии Грузии», т. I, Тбилиси, 1964, на груз. яз.). Обладание названными крепостями обеспечивало господство над окрестной территорией, чем и определялось особое их значение (Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, т. VIII, с. 119). Абу Садж оставил Бочорму невредимой, что давало ему возможность усилить контроль над Кахети и укрепить тыл в ходе дальнейшей экспансии в Закавказье.

43. Так перевели мы слово???? – баки, которое в современном грузинском языке значит «загон». Прямая речь в оригинале передана с труднопереводимой иронией.

44. Тмогви, один из важных пунктов в Джавахети, город-крепость, расцвет (возможно, даже возникновение) которого падает на время интенсивного развития феодальных отношений в наиболее развитых областях Грузии в IX – X вв. (Ш. А. Месхиа. Города и городской строй в феодальной Грузии, с. 37 и др.; Очерки, II, с. 23, 349 и др.).

45. Известный грузинский писатель и церковный деятель, епископ области Тбети. Дошедшее до нас сочинение, посвященное подвигу Гоброна, написано им по поручению эристава эриставов Ашота в 10-х гг. X в. (К. С. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. I).

46. Двин – один из городов исторической Армении; был расположен в нижнем течении р. Азат, основан в 1-й пол. IV в. Впослед-

ствии – столица Армении. В период арабского господства был центром Двинского эмирата. В X – XI вв. основной период, описанный в «Летописи Картли») Двин достиг наибольшего расцвета, в торгово-экономической жизни которого наряду с армянами важную роль играли арабы, персы, грузины и пр. (Т. Х. Акопян. Историческая география Армении. (Очерки), Ереван, 1968, с. 153 – 154, на арм. яз.).

47. Местоположение крепости с таким наименованием не установлено. Однако напрашивается связь с названием горы Коп (на главной линии сообщения Эрзерум-Байбурт» (Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана. СПб, 1908, с. 52). Обращает внимание и то, что по своей форме Капозти ближе к названию местности, чем крепостного сооружения.

48. Вежини – крепость на восточной окраине Эрети (Т. Г. Папуашвили. Вопросы истории Эрети, с 239 и др.). Владелец крепости Вежини носил титул эристава. О ее важном стратегическом значении свидетельствует то обстоятельство, что когда в страхе перед султаном все бежали «на Кавказ» (имеются в виду пределы Главного Кавказского хребта), Вежини стал местом, откуда Баграт III намеревался идти на Кахети (Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, т. VIII, с. 130).

49. Вероятно, храм популярной в средневековой Грузии «святой Параскевы». Следы храма не сохранились, но, судя по данному контексту, он был расположен на рубеже с Эрети.

50. Ариши – один из важных центров в Эрети. Существовала даже особая политическая единица Аришиани, аналогичная западногрузинскому Дадиани. Один из важных в течение всего средневековья пунктов на пути, соединявшем Кахети с Дагестаном (Д. Л. Мухелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии, II, с. 93 и сл., там же библиография). С укреплением объединенного Грузинского царства рос также и политический вес этой области и, судя по тому, как Давид Строитель сам способствовал укреплению ее владельцев, носивших родовое имя Аришиани (Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, VIII, с. 627 и др.), ее политическая тенденция проходила в русле общегосударственных интересов объединенного Грузинского царства.

51. Гавази – в грузинских источниках впервые упоминается в «Летописи Картли». Была расположена в пределах современного Кварельского р-на. Транзитный путь, проходивший через Гавази, соединял ее с Ариши (Д. Л. Мухелишвили. Указ. соч., с. 93 – 95). Археологические материалы свидетельствуют, что это было аграрное поселение с развитым сельским хозяйством, основным на орошаемом земледелии, в котором ведущей отраслью было виноградарство (Л. А. Чилашвили. Город Рустави; он же. Старая

Гавази, Тбилиси, 1975, на груз. яз.). О существовании Гавази еще задолго до его первого упоминания говорит определение «Старая». По описанию Вахушти Багратиони, р. Гавази, впадая в Алазани, получила выход в Дидоети (Дагестан) и на Северный Кавказ, т. е. она была одним из водных путей из Восточного Закавказья на Северный Кавказ (Вахушти Багратиони. История Грузии, КЦ, IV, с. 545).

52. Орчоби – одна из крепостей Эрети. Описываемые события имела место примерно в 915 – 920 гг. Уже одно то обстоятельство, что при дележе между правителем Абхазского царства и хорепископом Кахети Орчоби досталась наиболее зависимому в описываемых событиях лицу – Квирике, может свидетельствовать о том, что Орчоби, точное месторасположение которой не установлено, имела несущественное значение. Вместе с тем Гавази и Ариши представляли собой важные пункты на транзитном пути из Барда?а вглубь Кавказской Албании (Очерки, II, с. 410).

53. Констант – правитель Абхазского царства Константин III (893 – 929). Описанные в связи с его именем события имели место на; рубеже IX – X вв. и были связаны с обострившимися отношениями между правителями Армении, Тао-Кларджети и Абхазского царства по вопросу об обладании Картли (см. З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 126 – 127).

54. Георгий II – преемник Константина III (Константа). Длительное правление Георгия II (929 – 957) было отмечено наибольшим могуществом Абхазского царства. Его имя было хорошо известно за пределами Кавказа. Так, глава византийского духовенства Иоанн Мистик, обращаясь к нему, писал: «От разных лиц, которым известно о твоих подвигах, мы узнали, что ты приложил с божьей помощью большое старание в деле просвещения князя Алании и тем, которые вместе с ним удостоились святого крещения»-(Ю. Кулаковский. Христианство у алан. – ВВ, т. V, 1899, с. 4; З. В. Анчабадзе. Указ соч., с. 128 и сл.).

55. Чкондиди – один из культурных центров Абхазского царства, именовался также Мартвили, расположен недалеко от совр. районного центра Гегечкори. Существуют различные мнения о датировке возведения Чкондидского (Мартвильского) храма, наиболее убедительным из которых можно считать высказанное Ш. Я. Амиранашвили с ссылкой на сведения «Летописи Картли» (Ш. Я. Амиранашвили, История грузинского искусства, М., 1950, с. 145 – 146). Образование Чкондидского епископата было одним из проявлений освободительного движения против культурного приоритета византийцев в Абхазском царстве (Очерки, II, 425). В течение ряда последующих веков Чкондидели-мцигнобартухуцеси (Чкондидели-канцлер) являлся вторым после царя лицом в

объединенной Грузии.

56. Лоцобанская крепость исследователями локализуется на правом берегу р. Ксани (Дж. Гвасалия. Вопросы исторической географии ущелья Ксани. – «Сборник исторической географии Грузии», т. III, Тбилиси, 1967, с. 41 – 42, на груз. яз.; также: Лордкипанидзе. Матиане, с. 75, примеч. 103).

57. В изданном С. Г. Каухчишвили своде КЦ читаем: «Спалили Джвари. и Мцхету». Однако Н. А. Бердзенишвили внёс убедительную поправку, которой мы и придерживаемся (Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, т. IV, Тбилиси, с. 260 – 261, на груз. яз.; ср. Лордкипанидзе. Матиане, с. 75, примеч. 104). Речь идет о нашествии сажов в Кахети в 30-х гг. X в. (Очерки, II, с. 407; Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, IV, с. 264 – 265).

58. Род арабских правителей Азербайджана (см. К. Э. Босворт. Мусульманские династии, с. 127 – 128, 131).

59. Сазуерели – топоним, образован из термина «са-зуере» – «место взимая пошлины (аналогичное древнерусскому «мыто» – «пошлина за ввоз»). Пункт с таким названием был расположен во Внутренней (Шида) Картли (Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, т. I, Тбилиси, 1964, с. 187 – 193, на груз. яз.).

60. Средневековое Армянское царство династии Арцрунидов.

61. Атени – Атенское ущелье в качестве административной единицы известно еще в раннем средневековье, с. X в. – укрепленная местность, в XI в. в период правления, Баграта IV воздвигнут город. В 1-й пол. VII в. здесь построен один из ранних памятников грузинского зодчества «Атенский Сион» (З. Алексидзе. Армянские надписи Атенского храма, Тбилиси, 1979; Д. Л. Мухелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии, II, с. 219 – 222 и др.).

62. Джикети – территория расселения племен джиков, в собирательное название которых входили различные племена абхазо-адыгского происхождения, в том числе (возможно даже по преимуществу!) предки современных абазин (Северо-Западный Кавказ). Впервые упоминается в «Географии» Страбона (I в. до н. э. – I в. н. э. в форме зиги (XI, 2, 12 – 14); затем зафиксированы в «Землеописании» Птолемея, автора II в. н. э. (V, 8, 12). В армянской «Географии» VII в. упомянуты в главе «Об Азиатской Сарматии» (С. Т. Еремян. Опыт реконструкции первоначального текста «Ашхарацуйца. – «Историко-филологический журнал», Ереван, 1973, № 2, с. 262, на арм. яз.). С. Т. Еремян считает, что в армянской «Географии» термин зикун заимствован из труда Птолемея (С. Т. Еремян. Армения по «Ашхарацуйцу», Ереван, 1963, с. 52, на арм. яз.); и действительно, это редкий случай, когда в этом труде кавказский материал использован «из вторых рук». Внешняя харак-

теристика, которую дают джикам-зихам писатели различных эпох, свидетельствует о затянувшейся в среде этих племен стадии «военной демократии». В восточных и русских источниках джика-зихи известны под названием косоги (кашаги).

63. Базалети впервые упоминается в армянской «Географии» VII в. в главе «Об Иберии» (С. Т. Еремян. Опыт реконструкции..., с. 101). Была расположена в долине р. Арагви. В IX в. являлась частью более или менее единой феодальной единицы. Не случайно, что правитель Абхазского царства разорил их одновременно (Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, VIII, с. 239). Н. А. Бердзенишвили (см. там же, с. 237) считает, что данное географическое название этнонимического происхождения. На основе сравнительного анализа источников (грузинских, арабских, армянских) Д. Л. Мухелишвили приходит к логическому заключению, что Базалети явился «прототипом Арагвского эриставства» и включал в себя значительную часть Арагвского ущелья (Л. Д. Мухелишвили. Указ. соч., 128).

Под таким названием имеются озеро и деревня в Душетском р-не Грузинской ССР.

64. Леон III – правитель Абхазского царства (957 – 967). Вел упорную борьбу за присоединение Кахетского княжества. (З. В. Анчабадзе. Из Истории средневековой Абхазии, с. 132).

65. Мокви – современное село в Очамчирском р-не Абхазской АССР. Указанная в «Летописи Картли» церковь – один из образцовых памятников средневекового грузинского зодчества – сохранилась до сих пор.

66. Мухнари – территория между рр. Арагви и Ксани.

67. Херки – пограничная с Мухнари территория.

68. Деметре III – брат и преемник (967 – 975) умершего бездетный Леона III.

69. Маргис Мере – географический пункт в Юго-Западной Грузии (название какого-то водоема-озера?).

70. Дзама – название крепости неподалеку от древнего города Мдзорети. Владелец крепости Дзама господствовал над всей Дзамской долиной (ущельем), одним из важных узловых пунктов в Картли. Стратегическая важность придавала ей политический вес, чем и воспользовался Феодосий, нашедший в крепости Дзама не только приют, но и важную опору своим намерениям (Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, VIII, с. 171 – 172).

71. Крепость в Картли к югу от Куры, точная локализация которой не ясна (И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, II, с. 38).

72. Хахули – выдающийся памятник средневековой грузинской архитектуры, построен в конце X в. и один из центров культурной

жизни Грузии в X – XIII вв. (см. Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, с. 159 – 160 и др.).

73. В оригинале моурав-и, здесь в значении «душеприказчика», «попечителя». В позднем средневековье должностной термин.

74. Судя по контексту, мелкие партикулярные владения, точное месторасположение которых неясно.

75. Цирквали и Груи – находились на берегу р. Ксани, и, очевидно, являлись пограничными между Картли и Кахети. Поэтому понятно стремление правителя Абхазского царства Баграта овладеть ею, равно как и усилия хорепископа Давида отстоять их (Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, VIII, с. 339 – 340). Груи упоминается в «Памятнике эриставов» в форме Груиси, в той части источника, где повествуется о раннем периоде истории ксанских эриставов (Памятник эриставов. Перевод, исследование и примечания С. С. Какабадзе, Тбилиси, 1979, с. 21, 40; П. Закарая. Крепости Ксанского ущелья. – В кн.: Вестник Грузинского гос. Музея, XVI в., 1950, с. 182 и др., на груз. яз.; Д. Л. Мухелишвили. Указ. соч., с. 105 – 106).

76. Имеются в виду основатель Абхазского царства Леон II и его ближайшие преемники.

77. Тигва – пункт на пути из Западной Грузии во Внутреннюю (Шида) Картли (Лордкипанидзе. Матиане, с. 78, примеч. 136).

78. Местность с названием Могриси, по предположению И. А. Джавахишвили, находилась на левом берегу Куры, к западу от р. Большой Лиахви (И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, Ц, с. 39).

79. Перечислены главные опорные пункты в Южной Грузии, Существует параллельное название Сквирети: Дзелети, которое и отмечено в «Землеописании» Птолемея (V, 10, 2).

80. Длив – город и один из важных центров в Джавахети. Здесь обнаружен клад арабских монет, битых в 834 г. Н. А. Бердзенишвили (см. его Вопросы истории Грузии, I, с. 63 – 64) название этого города выводит из современного наименования местности Тилипи, расположенной в районе древнего Дливи (см. также: Л. Д. Мухелишвили. Указ. соч., с. 210, 223).

81. Гардатхрилни – очевидно, псевдотопоним, буквальное значение слова «прорытые», «прорезанные». В действительности должно, представлять собой описательное название какого-то пути, ведущего в Шавшети (Ср. Н. А. Бердзенишвили. Дороги в эпоху Руставели, с. 95; Лордкипанидзе. Матиане, с. 78, примеч. 139).

82. Название местности и одноименной крепости. Как предполагает Н. А. Бердзенишвили, была расположена в долине р. Шавшетис-цкали, на пути из Самцхе в Артани (Н. А. Бердзенишвили.

Дороги в эпоху Руставели, с. 91 – 92; Лордкипанидзе, Матиане, с. 78, примеч. 140).

83. Давид – Кахетский хорепископ (ок. 976 – 1010), современник и один из энергичных противников первого царя объединенной Грузии Баграта III.

84. Через р. Куру у Мцхеты был проложен мост, по которому осуществились военные и торговые связи Кахети с наиболее развитыми центральными областями Грузии.

85. Речь идет о той затяжной борьбе, которую первому царю объединенной Грузии пришлось вести против правителей Эрети и их тактических союзников хорепископов Кахети в 908 – 910 гг. Автор «Летописи Картли» свидетельствует о том, что обе эти политические единицы не были способны бороться против организованных действий Баграта III, но пока еще находил в себе силы сопротивляться его ставленникам, как только последние оказывались оторванными от своего патрона (см. Т. Н. Папуашвили. Вопросы истории Эрети, с. 214).

86. См. примеч. 88.

87. Фадлон – Фадл I ибн Мухаммад, гандзийский эмир в 985 – 1031 гг. из династии Шаддадидов, выступавших как энергичные проводники ислама в Закавказье. Впоследствии наименование Фадлон стало собирательным для династии Шеддадидов Гандзы (см. К. Э. Босворт. Мусульманские династии, с. 132 – 133; Лордкипанидзе. Матиане, с. 78 – 79, примеч. 149).

88. Датировка исследователями описанных в данном сведении событий имеет незначительные разногласия и в принципе укладывается между 1010 – 1014 гг. (См. Лордкипанидзе. Матиане, с. 79, примеч. 151).

89. Бедийский епископат – один из центров Западной Грузии. Развалины указанного храма сохранились в селении Бедиа (Очамчирский р-н).

90. Термины «Верхняя» и «Нижняя» применительно к географическим названиям в грузинской литературе имели неустойчивое значение (аналогично «имери» и «амери», которые значили не только соответственно жителей Западной и Восточной Грузии, но и «тот (народ)» и «этот (народ)». Однако в данном случае, как верно заметил еще В. Д. Дондуа, имеется в виду отдельно Восточная и Западная Грузия. «Западногрузинское (Абхазское) царство по географическим условиям являлось Нижним в отношении восточногрузинского – Верхнего» (Дондуа, с. 343, примеч. 3).

91. Поход Василия II в Грузию имел место в 1021 – 1022 гг. (В. Р. Розен. Василий Болгаробойца, с. 26, 60; И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, II, с. 134; Очерки II, с. 481). Иноплеменники – в оригинале «(люди) чуждого семени». В грузинских ис-

точниках греков-византийцев так не называли никогда. Это был термин, применяемый древнегрузинскими летописцами к совершенно неизвестным им племенам и народам и чаще всего «нехристям». В связи с этим представляет интерес сообщение Аристакеса Ластивертци (с. 62 – 65) при описании данного события «о жестокости западного войска, набранного из диких племен». Очевидно, что в этой кампании на стороне Василия II находились наемные, но не «ромейские» воины.

92. Ширымни – название географического пункта, расположенного, как предполагают, в пределах древнегрузинской исторической провинции Кола («где-то между Артаани и Кола». – Лордкипанидзе. Матиане, с. 79, примеч. 163). Топоним представляет собой мн. ч. общего для древнегрузинского и древнеармянского слова Ширым-и – «склеп», «захоронение» (Гр. Ачарян. Этимологический коренной словарь армянского языка, т. III, Ереван, 1977, с. 521, с указанием наличия термина в различных картвельских языках и диалектах, на арм. яз.; И. В. Абуладзе. Словарь древнегрузинского языка. Материалы, Тбилиси, 1973, с. 505, на груз. яз.). Битва при Ширымни между грузинами и византийцами должна была иметь место в 1021 г. (Ш. А. Бадридзе. О локализации и датировке Ширымского сражения. – «Известия» («Мацне») АН Груз. ССР, Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, 1979, № 3, с. 67 – 82, на груз. яз.).

93. Дристакес Ластивертци (с. 61) пишет, что после гибели Рати, повергнутой «Тайскую страну в великую скорбь... Гэорги со своими войсками засел в укрепленных местах Апхазии». Если сопоставить последнее сведение с тем, что говорится в комментируемом нами пассаже из «Летописи Картли», станет ясно, что армянский историк подразумевал под «Апхазией» область, находившуюся далеко за пределами исторической Абхазии. (Ср. также: Лордкипанидзе. Матиане, с. 79, примеч. 164).

94. В данном месте, очевидно, по оплошности переписчика пропущено имя названного ниже Никифора Ксифия. Речь идет о восстании против Василия II в 1022 г. Никифора Ксифия и Царвеза (сына Варды Фоки) (см. История Византии, т. 2, с. 221; примечание К. Н. Юзбашян к «Повествованию» Аристакеса Ластивертци, с. 157). Неудачами Василия II на востоке, в том числе и в борьбе против грузин, воспользовались недовольные императором элементы. Именно в связи с описанными событиями этого времени, пишет Аристакес Ластивертци (с. 63 – 64), недовольные, «нынешний момент они сочли для себя благоприятным... они единодушно решили отложиться и поставить императором, кого сами пожелают».

95. Об этом говорится также в «Хронике» Сумбата, хотя непосредственная связь обоих памятников вряд ли допустима: слишком существенны отдельные детали различий. В «Хронике» читаем: «А он (Василий) изгнал его на остров, а многих сторонников его обезглавил, среди которых был и Ферис, сын Джоджика» (Лордкипанидзе. Сумбат Давитис-дзе, с. 39, 21 – 23). Указание автора «Летописи Картли» на происхождение Фериса – «родом из Тао» – должно быть более точно, во всяком случае носит конкретный характер. В «Житии» Георгия Святогорца (Мтацминдели) говорится о том, как Ферису «по гневу царя Василия была отрублена голова, потому как был обвинен в отступничестве» (см. КЦ, I, с. 287, примеч. I; В. У. Копалиани. Грузино-византийские политические взаимоотношения в 970 – 1070 гг., Тбилиси, 1969, 1969, с. 113, на груз. яз.).

96. По словам Яхьи Антихойского, между Георгием I и Василием II был заключен мир (В. Р. Розен. Василий Болгаробойца, с. 62 – 66). Но Георгий I попытался воспользоваться мятежом Ксифия против Василия II и примкнул к нему. Мятежники «вошли в союз с Апхазом и посулили выделить ему (территорию)», которой «в прошлом владел Давид куропалат» (Аристакеc, с. 65 – 66). После этого нарушения Георгием I договора о мире «велел царь Василий надеть на острие копья послание их (грузин), на котором было начертано об единстве и союзе царя нашего Георгия (с византийцами). И так Василий поднял послание, ввысь и, обращаясь к богу, воскликнул: «Зри владыко, послание их и дела, что вершат они» (КЦ, I, 84).

97. Судя по словам Аристакеcа Ластивертци (с. 67), Василий II действительно осторожно обращался с Георгием I. «Не думай, что, победив тебя, – передает армянский историк слова императора, – я потребую большего, чем прежде».

98. Об обстоятельствах выдачи Георгием I в заложники трехлетнего Баграта, «сына Апхаза», см.: Аристакеc Ластивертци, с. 67 – 69, 107. Георгий I умер в 1027 г. в возрасте (согласно имеющимся двум различным датам его рождения) 25-ти или 29-ти лет (И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, II, с. 136).

99. Со смертью Георгия I, оставившего малолетних наследников, активизировались недовольные центральной властью крупные феодалы, центробежные тенденции которых ярко отразились не просто в их отложении, но в предательстве в пользу византийских правителей, однако и здесь (деятельность Стефана Мтбевари и др.), как в случае с Иоанном Марушис-дзе нашлись внутренние силы, успешно противопоставившие интересы грузинского народа отступничеству феодалов.

100. Византийский император Константин VIII правил в 1025 – 1028 гг., и таким образом, предложенную И. А. Джавахишвили (см. Указ. соч., 58) дату описанного в «Летописи Картли» похода – 1028 г. – надо перенести двумя годами раньше. Это же событие несколько обстоятельнее описано в «Хронике» Сумбата (см. Лордкипанидзе. Сумбат Давитис-дзе, с. 41 – 42), а также в сочинении Аристакеса Ластивертци (с. 70).

101. Паракиманос – «постельничий», византийский придворный чин.

102. Правильнее Цептиси (см. Лордкипанидзе, Матиане, с. 81, примеч. 178 – 179).

103. Проедрос – византийский придворный чин.

104. Хартулар – «писец», должность при дворе византийских императоров.

105. Может быть, описка, так как по Сумбату Давитис-дзе, Деметрэ Кларджийский был сыном Гургена Багратиона, брата и соправителя Сумбата Кларджийского во времена Баграта III. В 1012 г. Баграт III их репрессировал, при этом Деметрэ удалось бежать в Константинополь. На этот раз в Византии попытались использовать «обиженного» Деметрэ в своих целях (см. И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, II, с. 132; КЦ, I, с. 421; Лордкипанидзе. Сумбат Давитис-дзе, с. 38).

106. К Деметрэ примкнули представители трудовой части народа, что должно свидетельствовать о столь значительных масштабах социального движения в Юго-Западных провинциях Грузии, что оно попало в поле зрения летописца, обычно невнимательного к подобного рода явлениям (см. Бердзенишвили. Проявление классовой и внутриклассовой борьбы во внешнеполитических взаимоотношениях Грузии. В кн.: Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, II, с. 25, на груз. яз.; В. Н. Габашвили. Крестьянское восстание 1028 года в Южной Грузии. В кн.: Юбилейный сборник, посвященный 100-летию И. А. Джавахишвили, с. 233 и сл.).

107. Романоз – византийский император Роман III Аргир (1028 – 1034), был женат на племяннице Василия II Болгаробойца Зое.

108. Супруга Георгия I (1014 – 1027), в византийских источниках известна под именем Алда, родом из правителей Алании (Овсети), на что указывает само имя (ср. элдар, см. В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М., 1958, с. 126 – 127). О характере этого брачного союза, направленного на сколачивание антивизантийской коалиции на Кавказе и в Закавказье см.: З. В. Папаскири. Грузия и Восточная Европа в XI – XII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1978, с. 12 – 14; он же. «О некоторых вопросах внешней политики Грузинского царства в 1-й половине

XI века. – В кн.: Сборник работ молодых ученых и специалистов Абхазии. Сухуми, 1980, с. 65, 67 и сл. Алда как супруга «царя абазгов», под которыми подразумевается население Западной Грузии в целом, упоминается и в сочинении Скилицы (изд. Бартикяна, с. 111, а также примеч. 422; см. также: З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, С. 179).

109. Эклеци – местность (?) в Ширване.

110. Мухатгверди и упоминаемый ниже Биртвиси – названия местностей, расположенных к югу от Тбилиси (И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, с. 36; Вахушти Багратиони. История Грузии. КЦ, IV, с. 339 и др.).

111. В оригинале мона «раб», в контексте имеет уничижительный нюанс, близкий к русскому разговорному «холоп» (ср. Дондуа, с. 347, прим. 8). Ср.: «Буга, холоп Амирмумна».

112. Об этих событиях упоминает и Ибн ал-Асир (с. 115), согласно которому, осада Тбилиси «царем, абхазов» началась в 1037/8 г. Таким образом, город осаждался до 1039/40 г. (см. И., А. Джавахишвили. История грузинского народа, II, с. 141).

113. Литра – мера емкости, а также единица веса, греко-римского происхождения; в грузинском является заимствованием из греко-византийского и впервые письменно документирована в IX в. В разные периоды имела различные величины (См. Г. И. Джапаридзе. Очерк по истории грузинской метрологии, Тбилиси, 1973, с. 48 – 51 и др., на груз. яз.). В «Словаре грузинского языка с русским переводом» Н. Чубинашвили (Тбилиси, 1961) – «фунт».

114. Драхма – серебряная монета; термин арабского происхождения (Г. И. Джапаридзе. Указ. соч., с. 51 – 53 и др.).

115. Лашкари – Али Лашкари I, правитель Гандзы. В нашей летописи сказано, что он был сыном Фадлона (Фадла I ибн Мухаммада), но это условное указание, не в смысле непосредственного дитя, а в более широком, как это и должно было быть, если учесть, что в грузинском источнике Фадлон – собирательное наименование гандзийских эмиров. В действительности, как это впервые установил Ш. А. Бадридзе, Али Лашкари был внуком указанного Фадла I. (См. Ш. А. Бадридзе. К разъяснению одного места «Летописи Картли». – Журн. «Цискари», 1960, № 6, с. 146 – 147, на груз. яз.; также: К. Э. Босворт. Мусульманские династии, с. 132).

116. Грузинский историк считает, что виновниками неудачи осады Тбилиси были царские сановники, хотя подлинные причины заключались в другом. Ибн ал-Асир (с. 115) сообщает, что «когда вышла провизия и прекратилась доставка провианта, жители города послали в Азербайджан к мусульманам за помощью и за военной поддержкой. Но когда грузы дошли до Азербайджана и абхазы услышали об их приближении и о том, как они поступили

с армянами, они, сильно испугавшись, отступили от «Тифлиса». Таким образом, отступление грузин от осажденного ими Тбилиси объясняется активацией сельджукской экспансии в Закавказье, на что впервые обратил внимание еще И. А. Джавахишвили (см. его: История грузинского народа, II, с. 142; см. также Н. Н. Шенгелиа. Сельджуки и Грузия в XI веке, Тбилиси, 1968, с. 171 – 174 и др.).

117. Византийцы, как правило, не упускали случая, чтобы оказать поддержку всем, кто бы ни выступил в Грузии против объединительного процесса. В данном случае видно стремление сделать Деметрэ послушным правителем в сепаратистской Кахети (И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, II, с. 143; М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI – начала XIII веков, Тбилиси, 1974, с. 73).

118. Вест – имеется в виду один из видных деятелей Анийского царства Саркис Хайказн (см. К. Н. Юзбашян. Скилица о захвате Анийского царства в 1045 г. – ВВ, № 40, 1979, там же библиография). Данное сообщение автора «Летописи Картли» обстоятельно комментировано византинистом В. П. Степаненко. На основании лаконичного сведения грузинского летописца автор приходит к выводу о тенденциозности средневековых армянских авторов, представляющих Саркиса Хайказна как сторонника провизантийской ориентации в критический период истории Анийского царства в 10 – 40 гг. XI в. В действительности в политических акциях местных деятелей в этот период особенно проявились конъюнктурные соображения, возникшие на фоне феодальной раздробленности Анийского царства (В. П. Степаненко. К идентификации личности веста «Матиане Картлиса». – ВВ, № 41, 1980, с. 163 и сл.; см. также: Лордкипанидзе. Матиане, с. 84, примеч. 212).

119. К. Н. Юзбашян неточно пересказывает это действительно сложное место нашего источника: «Вест (Саргис) вступил в союз с Багратом IV и уступил ему 9 крепостей, подвластных Ани, оставив себе лишь Анберд». Н. Юзбашян. Указ. соч., с. 82). В «Летописи Картли» ничего не говорится о том, что «вест Саргис» оставил себе крепость (город) Анберд. Анализ первоисточников убеждает в принадлежности Анберда врагу веста Вихраму Пахлавуни «и именно поэтому не мог быть передан Грузии» (В. П. Степаненко. Указ. соч., с. 172).

120. Ани – столица средневекового Армянского царства, управляемого армянской ветвью Багратидов. В «Списке царицы Анны» свода КЦ (изд. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1942, с. 186) говорится, что город был передан непосредственно Баграту IV. Речь идет о событиях середины 40-х гг. XI в., когда анийская знать решила передать город правителям объединенной Грузии, с целью спа-

сти его от вторжения византийских войск. Описываемые в «Летописи Картли» события нашли отражение также в сочинении Аристакеся Ластивертци (с. 84 – 85; К. И. Юзбашян. Грузинские послы в Ани в 1045 г. – В кн.: Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978, с. 156 и сл. также: Н. Я. Марр. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища, М. – Л., 1934, с. 24 – 25).

121. Отаго Чачас-дзе – первое упоминание, по всей вероятности, предка (родоначальника?), впоследствии ставшей влиятельной фамилии Чачба, в грузинских источниках известно преимущественно в форме Шарвашидзе (подробный разбор генеалогии этого рода см.: З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 190 – 195).

122. Осада Исани имела место весной и летом 1046 г. и была снята в связи с новым мятежом Липарита (см. И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, II, с. 145).

123. По подсчетам И. А. Джавахишвили (см. Указ. соч., с. 145) в конце 1046 или в начале 1047 г.

124. Варанги – грузинская форма этнонима варяги. Место варягов в описываемых событиях до сих пор вызывает у исследователей разногласия. Не поддается точному определению даже главный вопрос этого сообщения: на чьей стороне они действовали – Липарита Багваша или Баграта III. (Литературу вопроса см.: Лордкипанидзе. Матиане, с. 85). Новое прочтение связанного с варангами контекста и его интерпретацию предлагает З. В. Папаскири, по мнению которого варанги-варяги были союзниками Баграта III (З. В. Папаскири. Варанги грузинской «Летописи Картли» и некоторые вопросы русско-грузинских контактов в XI веке. – Журн. «История СССР», № 3, 1981, с. 169 и др.).

125. Ибрахим бен Йинал – сельджукский полководец, «брат по матери султана Тогрула» (Садр ад-дин Али ал-Хусайни. Сообщения о сельджукском государстве. Издание текста, перевод, введение, примечания и приложения З. М. Буниятова, М., 1980, с. 35). Один из грозных противников Византии, в борьбе против которого императоры охотно прибегали к услугам закавказских военачальников (Н. Н. Шенгелиа. Сельджуки и Грузия в XI в., с. 51, 180 – 183 и др.).

126. Речь идет о нашествии сельджуков и битве, имевшим место в сентябре 1048 г. (или 1049 г.). Это же событие описано и в труде Скилицы (изд. Бартияна, с. 160 – 162).

127. Лихтури – М. Д. Лордкипанидзе (см. Матиане, с. 86, примеч. 235) считает, что в данном случае имеется в виду «главнокомандующий». Это предположение под вопросом высказано было и прежде С. Г. Каухчишвили (см. КЦ, I. Словарь, с. 442). В действительности речь должна идти о стратопедархе и ректоре Никифо-

ре (Ш. А. Бадридзе. «Картлис цховреба» о грузино-византийских взаимоотношениях первой трети XI в., с. 17).

128. Ибн ал-Асир дважды сообщает, что после того, как византийский император Константин IX Мономах (1042 – 1055) добился заключения мира с Тогрул-беком, просил посредничества Неср ад-Давла перед Тогрулом в деле высвобождения из плена «абхазского малика» Липарита. Тогрул обещал удовлетворить ходатайство и даже без какого-либо выкупа. Для императора это было столь важно, что он не только отплатил Тогрулу многочисленными дарами, но и предоставил мусульманской части константинопольского населения значительные льготы, а проезжим через столицу мусульманским купцам определенные преимущества; обновил мечеть в Константинополе, где, по словам Ибн ал-Асира, молились за Торгула (Г. Джапаридзе. Об одном свидетельстве Ибн ал-Асира. – В сб.: «Восточные материалы по истории Грузии», Тбилиси, 1976, с. 42 – 43, на груз. яз.; также: Аристакес Ластивертци, с. 94 – 95; Б. Г. Силагадзе. К уточнению одного места «Тарих Ал-Камил» Ибн ал-Асира. – В кн.: Грузинское источниковедение, т. III, Тбилиси, 1970, с. 63 – 68, на груз. яз.; И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, II, с. 147; Н. Н. Шенгелиа. Сельджуки и Грузия в XI веке, с. 116, 194, 185 – 189).

129. В наиболее раннем из списков свода «Списке царицы Анны» (XVI в.) из-за оплошности переписчика говорится о «Михаиле Монамоти», а по неведению переписчика «Списка царицы Марии» (1634 – 1645 гг.) имеется даже грузинское осмысление: «монат меоти» – «беглый раб». Но еще Каухчишвили в издании «Списка царицы Анны» реставрировал текст в согласии с исторической действительностью. «Константин Мономах» (Картлис цховреба. Список царицы Анны, Тбилиси, 1942, с. 189, примеч. 10, 11). Обстоятельно об этом см.: М. М. Бердзнишвили. К уточнению места текста «Летописи Грузии» («Матиане Картлиса»). – В кн.: Грузинское источниковедение, т. V, Тбилиси, 1978, с. 39 и сл., на груз. яз.).

130. Руисский храм – архитектурный памятник средневековой Грузии Н. Чубинашвили. Вопросы истории искусства, т. I, Тбилиси, 190 – 193 и др.).

131. Мцигнобартухуцеси – придворная должность (у Липарита Багваша!) канцлер».

132. Вышеописанные события имели место в 1059 г. (см. И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, II, с. 150).

133. Победа Баграта над домом Липаритов способствовала росту его авторитета не только в собственном царстве, но и за его пределами: в 1060 г. византийский император пожаловал ему титул севастоса (см. И. А. Джавахишвили. К вопросу о времени построения грузинского храма Атени, – «Христианский Восток», кн. I, с.

291). Необходимо также отметить, что представители рода Липаритов – Багваши после падения их мощи продолжали активную гражданскую и административную деятельность в Византийской империи. Выходцы из этого некогда могущественного рода встречаются в документах XII в. в рядах высокого чиновничества (см. А. П. Каждан. Византийские Липариты. – В кн.: Византиноведческие этюды, Тбилиси, 1978, с. 191 – 193).

134. Алп-Арслан, Великий Сельджукид. Речь идет о нашествии войск под его предводительством в Закавказье в 1064 г. (см. В, А. Гордлевский. Государство Сельджуков в Малой Азии. – В кн.: В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. I, 1960, с. 50 и др.; Н. Н. Шенгелиа. Сельджуки и Грузия в XI веке, с. 220 и др.).

135. Правитель (эмир) Ани в период известных походов Алп-Арслана Закавказье.

136. Далее следует эксцерпт в виде компиляций сведений из «Жития Святогорца (Мтацминдели)» относительно замужества дочери Баграта IV Марфы за византийским императором. Данная «вставка» рассекается следующей фразой основного текста свода («И выдал царь Баграт... за царя греческого»), за которой следует рассказ о намерении матери Баграта – царицы Марии – вернуться в Грузию, предварительно посетив «святые места» на Востоке и о совете Георгия Святогорца (Мтацминдели) не делать этого, в виду возросшей в то время опасности со стороны «сарацин» (КЦ, I, с. 307 и сл.).

137. Речь идет о нашествии сельджуков в 1068 г. (Н. Н. Шенгелиа. Сельджуки и Грузия в XI в., с. 240 и др.: Очерки, II, с. 199 – 200).

138. Об этом же пишет Ибн ал-Асир: «Написал ему (Алп-Арслану – Г. Ц.) царь курджов (грузин – Г. Ц.) о перемирии, и он заключил с ним мир с условием, чтобы тот платил ежегодно джизью и тот согласился» (с. 121; ср. Н. Н. Шенгелиа; Указ. соч., с. 242).

139. Гандзийскому эмиру Алп-Арслан передал завоеванные части собственно Грузии (см. Н. Н. Шенгелиа. Указ. соч., с. 224. 243).

140. Вдоль ущелья р. Нареквави – западного притока р. Арагви (топографическое описание см.: Вахушти Багратиони. История Грузии. КЦ, IV, с. 351 и др.) пролегалла важная трасса, соединявшая Северную Картли с внутренними ее областями (Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, I, с. 398 – 399).

141. Гарта – местность неподалеку от Мцхеты, в бассейне р. Нареквави (Вахушти. Багратиони. Там же, с. 351). Вахушти называет «Ворота Гарта».

142. Ситил-араб – последний представитель тбилисских эмиров из династии Джафаридов, правивших эмиратом в течение 200 лет. Малочисленные и фрагментарные сведения об этом эмире особенно характерны для истории Тбилисского эмирата до пери-

ода его разложения. Ситил-араб – побочный представитель Джафаридов, он не «тбилисец», а был выведен Багратам IV из Дманиси (после 1068 г.). Из сообщения одного арабского источника известно, что в 515 г. хиджры (1121 – 1122, т. е. в году, когда Давид Строитель сделал Тбилиси столицей объединенной Грузии) прошло сорок лет, как в Тбилиси нет эмира (см. М. Д. Лордкипанидзе. Из истории Тбилисского эмирата, с. 198; см. также: Ш. А. Месхиа. Городская коммуна в средневековом Тбилиси, с. 60 и др.; Р. К. Кикнадзе. Из истории Тбилиси XI – XIII вв. – Труды Института истории АН Грузинской ССР, т. V, вып. I, 1960, на груз. яз.).

143. Впоследствии царь Георгий II (1072 – 1089) отец Давида IV Строителя (1089 – 1125).

144. Тинисхиди (досл. «Мост Тини»), название местности, расположенной к северу от р. Куры и западу от р. Лиахви (см. И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, II, с. 39; ср. Лордкипанидзе. Матиане, с. 58).

Надарбазеви – дословно: «Место бывшего дворца». Этот термин зафиксирован в самом раннем списке свода КЦ – «Списке царицы Анны», но в виду самого характера данного названия оно вряд ли является аутентичным.

145. На полях списков XVIII в. (в том числе и в наиболее раннем из них – «списке Румянцевского Музея» – до 1703 г.), а в Теймуразовском списке (1-я четв. XVIII в.) – в самом тексте – в этом месте отмечено: «Царем же греческим был Михаил, племянник (досл.: «сын сестры») Георгия», (КЦ, I, с. 315, примеч. 1). Речь идет о византийском императоре Михаиле VI (1056-1057), мать которого Марфа была дочерью царя объединенной Грузии Баграта IV (см. примеч. 135) и в замужестве получила второе имя Мария и эпитет «Аланская». Последнее обстоятельство основано на общем представлении византийцев о племенах и народах Грузии и Северного Кавказа (ср. слова известного византийского писателя XII в. Иоанна Цеца: «Иберы, абазги и аланы представляют собой одно племя»). (См. И. М. Нодия. Грузинские материалы о византийской императрице Марфе-Марии. В кн.: Византиноведческие этюды, Тбилиси, 1978, с. 146 – 155; Царица Мария в политической жизни Византии второй половины XI в. – Труды Тбилисского государственного ун-та, т. 183, 1978, с. 143 – 155, на груз. яз.).

146. Речь идет о событиях, имевших место в самом начале правления Георгия II (1072 – 1089). Византийские императоры, видя в объединенном Грузинском государстве важный фактор сопротивления сельджукской экспансии, временно отошли от политики поощрения его внутренней децентрализации. Исходя из собственных интересов, они «позволили» Георгию II отвоевать у сельджуков аннексированные самими византийцами в середи-

не XI в. части исторической территории Грузии. На приводимом сведении прерывается текст «Летописи Картли». В общепринятом своде КЦ далее следует «Жизнеописание царя царей Давида». В нем также описывается данное событие, но уже в ином ракурсе. Их сравнительный анализ см.: М. Д. Лордкипанидзе. Из истории византийско-грузинских взаимоотношений XI в.). – ВВ, № 40, М., 1979, с. 92 и др.; также В. У. Копалиани. Из истории внешних политических взаимоотношений Грузии (II половина XI века). – Труды Тбилисского государственного ун-та, т. 127, 1968).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИИЯЛ – Абхазский Институт истории, языка и литературы им.
Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.
ВВ – Византийский Временник.
СЭ – «Советская этнография».

**This file was created
with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
13.10.2008**